

Научно-теоретический и информационно-методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВОД

№ 4 (83)
2017

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К. А. Плясов, к.ю.н., доц.

Заместители главного редактора:
А. Ю. Терехов, к.ю.н.
А. С. Ханахмедов, к.ю.н.

Редакционная коллегия:
А. И. Овчинников, д.ю.н., проф.
В. Я. Любашиц, д.ю.н., проф.
Г. Г. Небрятенко, д.ю.н., доц.
П. П. Баранов, д.ю.н., проф.
Н. Л. Бондаренко, д.ю.н., проф.
А. В. Варданян, д.ю.н., проф.
А. В. Ендольцева, д.ю.н., проф.
А. Н. Ильяшенко, д.ю.н., проф.
О. В. Химичева, д.ю.н., проф.
В. Н. Григорьев, д.ю.н., проф.
Н. В. Павличенко, д.ю.н., проф.
В. И. Третьяков, д.ю.н., проф.
С. А. Синенко, д.ю.н., доц.
А. Я. Гришко, д.ю.н., проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес редакции:
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальный сайт журнала:
<https://р.юи.мвд.рф>

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Атаев Р. А., Шанько В. В.** Реформа полиции во второй половине XIX века на примере Ставропольской губернии Российской империи 7
- Войнилова И. Г.** Особенности реализации законодательства о незаконнорожденных лицах в России XIX – начала XX века 14
- Овчинникова О. Д., Шаганян А. М.** Некоторые проблемы интерпретации норм права 22

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

- Плясов К. А.** Комплексная криминалистическая методика расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности: гипотеза и научные факты 27
- Ендольцева А. В.** Правоохрана и правозащита в деятельности органов предварительного расследования 31
- Варданян А. В.** Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве 38
- Адаменко И. Е.** К вопросу о целеполагании как свойстве цели уголовно-процессуальной деятельности 42
- Кудряшова Е. С.** Применим ли стандарт качества в досудебном уголовном судопроизводстве? 45
- Айвазова О. В.** Заключение специалиста как специфическая разновидность реализации специальных знаний при расследовании по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы 50
- Ондар Д. С.** Взаимодействие следователя с органом дознания на первоначальном этапе расследования краж из жилища, совершенных в сельской местности в специфических условиях жизнедеятельности населения 55
- Стукалова Т. В.** Актуальные проблемы, возникающие при пересмотре уголовных дел судом апелляционной инстанции 62
- Шувалов М. Н., Чувствина М. И.** Статус адвоката в ходе предварительного расследования 69
- Аминев Ф. Г.** По вопросу о тактике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом 74
- Комарницкий О. Л.** Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера 79

Выпускающий редактор:
А. А. Тарареева

Над выпуском работали:
А. А. Тарареева,
Е. Е. Пелехатая

Индекс по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
80032

По вопросам оформления
подписки обращаться:
тел.: 8 (495) 680-90-88,
8 (495) 680-89-87;
e-mail: public@akc.ru

Сдано в набор
24.11.2017

Подписано в печать
15.12.2017

Выход в свет
21.12.2017

Формат 60x84/8
Объем 25 п.л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печл. – 23,25.
Тираж 300 экз.
Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена по подписке по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
1100 рублей (2 номера).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Кашуба Ю. А., Повеликин Ю. Ю.** Возможность применения отсрочки отбывания наказания к больным наркоманией 84
- Безручко Е. В.** О необходимости законодательного определения терминов «близкие родственники» и «близкие лица» для правовой оценки деяний, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека 90
- Курсаев А. В.** Наказание за нарушение требований охраны труда (статья 143 Уголовного кодекса Российской Федерации) 97
- Вакуленко Н. А., Соломоненко И. Г.** О дополнительных механизмах противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению 103
- Гришко Н. А.** Уголовная ответственность за преступления женщин в семейно-бытовой сфере 108

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Попов А. И.** Административно-договорные правоотношения между органами внутренних дел и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации 112
- Капанова Ю. В.** Нормативное правовое регулирование предвыборной агитации в России 119
- Пчельников М. В.** Особенности нормативного правового регулирования института общественных инспекторов по охране окружающей среды 127
- Понежин М. Ю., Понежина Л. Ю.** Некоторые вопросы удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан 132
- Кравцова Е. А.** Правовой статус молодежных парламентов, создаваемых при законодательных органах власти субъектов Российской Федерации 137

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Вакула И. М., Цымлянская О. А.** Особенности понимания сделок «слияние и поглощение» в современном российском праве 142
- Мельник С. В., Мальбин Д. А.** Эстоппель в Гражданском кодексе Российской Федерации 147
- Астапова Е. В., Кириченко С. В.** Договор возмездного оказания юридических услуг и проблемы его исполнения 152

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Максименко А. В., Новопавловская Е. Е.** Законодательство о статусе органов внутренних дел как предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства 159

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Казанков В. Ю., Плотников В. В. Экстремизм как атрибут и разновидность противоправного деяния: анализ противоречия	166
Лавриченко Р. К., Воскобоев А. И. Современные подходы к исследованию безопасности личности	171

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чилькина К. В. Благотворительные организации и законодательный процесс в Германии	177
Тит А. А. К вопросу об инициации процедуры условно-досрочного освобождения от наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь	183

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ПРАВОПОРЯДОК

Брюхнов А. А. Современные детерминанты нарушений дисциплины и законности, допускаемых сотрудниками органов внутренних дел	189
Решев А. Г. Правовые преимущества как необходимый элемент укрепления правового статуса сотрудника органов внутренних дел (на примере участковых уполномоченных полиции)	194

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL STUDY OF THE STATE AND LAW

Ataev R. A., Shanko V. V. Police reform in the second half of the XIXth century on the example of the Stavropol province of the Russian Empire	7
Voynilova I. G. Peculiarities of the realization of the legislation on illegitimate persons in Russia XIX – early XX century	14
Ovchinnikov O. D., Shaganyan A. M. Some problems of interpretation of norms of law	22

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINALISTICS

Plyasov K. A. Complex criminalistic technique of investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity: hypothesis and scientific facts	27
Endoltseva A. V. Law enforcement and human rights in activity of bodies of preliminary investigation	31
Vardanyan A. V. Debating of the definition of the concept of a specialist in criminal proceedings	38
Adamenko I. E. To the question about the goal setting as the target property of the criminal procedural activities	42
Kudryashova E. S. Whether the standard of quality applies in pre-trial criminal proceedings?	45
Aivazova O. V. Expert opinion as a specific variant of the implementation of special knowledge while investigating criminal cases: some controversial issues	50
Ondar D. S. Interaction of the investigator with the body of inquiry at the initial stage of the investigation of burglaries of dwellings committed in the countryside in the specific conditions of life of the population	55
Stukalova T. V. Current problems arising from the review of criminal cases by the court of appeal	62
Shuvalov M. N., Chuvstvina M. I. Status of a lawyer during the preliminary investigation	69
Aminev F. G. Within the question of the tactics of the purpose of forensic examinations in the investigation of crimes related to extremism and terrorism	74
Komarnitskiy O. L. Judicial penalty as a measure of criminal law	79

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Kashuba Yu. A., Povelikin Yu. Yu. Possibility to use a suspended sentence to the drug addicts	84
Bezruchko E. V. To the question of necessity legislative definition of terms «close relatives» and «close persons» to the legal evaluation of the acts encroaching on safety of life and health	90
Kursaev A. V. Punishment for violation of requirements of labour protection (article 143 of the Criminal code of the Russian Federation)	97
Vakulenko N. A., Solomonenko I. G. On additional mechanisms of resistance activities aimed at encouraging children to suicidal behavior	103
Grishko N. A. Criminal liability for the crimes of women in the family and domestic sphere	108

ADMINISTRATIVE LAW

Popov A. I. Administrative and contractual relations between internal affairs bodies and executive authorities of constituent entities of the Russian Federation	112
Kapranova Ju. V. Legal regulation of the election campaign in Russia	119
Pchelnikov M. V. Peculiarities of legal regulation of the institute of public inspectors for environmental protection	127
Ponezhin M. Yu., Ponezhina L. Yu. Some questions of deportation of foreign citizens from the territory of the Russian Federation	132
Kravtsova E. A. The legal status of the youth parliaments are created by legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation	137

CIVIL LAW STUDIES

- Vakula I. M., Tsymlyanskaya O. A.** Peculiarities of understanding transactions «mergers and acquisitions» in the modern Russian Law 142
- Melnik S. V., Malbin D. A.** Estoppel in the Civil code of the Russian Federation 147
- Astapova E. V., Kirichenko S. V.** Agreement of paid legal aid services and problems of its implementation 152

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STUDIES

- Maksimenko A. V., Novopavlovskaya E. E.** Law on the status of Internal Affairs bodies as the subject of Constitutional Court proceedings 159

PROBLEMS OF COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM, NATIONAL SECURITY ENSURING

- Kazankov V. Yu., Plotnikov V. V.** Extremism as the attribute and the kind of wrongful act: the analysis of contradictions 166
- Lavrchenko R. K., Voskoboev A. I.** Modern approaches to the study of human security 171

INTERNATIONAL LEGAL STUDIES

- Chilkina K. V.** Charitable organizations and the legislative process in Germany 177
- Tit A. A.** To the question about initiation of the conditional release procedure from punishment in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 183

LAW ENFORCEMENT AND THE RULE OF LAW

- Bryukhnov A. A.** Modern determinants of violation of discipline and law committed by employees of Internal Affairs bodies 189
- Repiev A. G.** Legal benefits as a necessary element of strengthening the legal status of a police officer (on example of district police officers) 194

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
  - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
  - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Автору статьи по его запросу может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 351 (091)
ББК 67.401

© 2017 г. Р. А. Атаев,

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат исторических наук.
E-mail: r.ataev1974@mail.ru

В. В. Шанько,

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического
института МВД России кандидат педагогических наук.
E-mail: v.shanko@mail.ru

РЕФОРМА ПОЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 2018 году в России будет отмечаться 300-летний юбилей Министерства внутренних дел – дата, послужившая поводом для проведения небольшого историко-правового исследования роли и значения правоохранительных органов как одной из фундаментальных основ системы государственной власти, которой они выступали и в дореволюционное время. Авторы статьи стремились не просто зафиксировать имена, события, достижения в этой сфере деятельности, но и выразить свою признательность людям, которые жили и работали ради того, чтобы россияне в своей стране могли чувствовать себя в безопасности.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, Ставропольская губерния, губернатор, Российская империя, исправник, урядник, полицмейстер, обучение полицейских.

R. A. Atayev – Head of Tactical and Special Training Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History.

V. V. Shanko – Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogics.

POLICE REFORM IN THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE

In 2018 Russia will celebrate the 300th anniversary of the Ministry of Internal Affairs – a date that served as a pretext for conducting a small historical and legal study of the role and significance of law enforcement agencies as one of the fundamental foundations of the state power system, which they advocated in the pre-revolutionary period. The authors tried not only to fix the names, events, achievements in this field of activity, but also to express their gratitude to the people who lived and worked in order that the Russians could feel safe in their country.

Key words: police, gendarmerie, Stavropol gubernia, governor, Russian empire, police chief, police officer, police chief, police training.

Очередная реформа полиции в России началась в 1859 году и завершилась в 1862 году утверждением Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах [1, с. 89]. В соответствии с Временными правилами уездная полиция объединялась с полицией уездных городов, создавались единые полицейские управления во главе с исправниками. Вместо прежнего принципа комплектования полиции посредством инвалидов, отбывающих воинскую повинность, вводилась система вольного найма по контракту. Функ-

ции полиции сужались: проведение следствия передавалось судебным следователям; хозяйственные функции и благоустройство городов, продовольственное дело, контроль над состоянием дорог – земским и городским органам самоуправления; состав нижних чинов полиции расширялся за счет учреждения должности участковых урядников, а также увеличения численности околоточных надзирателей. Это постановление начало проводиться в жизнь сначала в центральных районах Российской империи, а затем на окраи-

нах, к которым относился и Северный Кавказ [2, с. 314].

На Ставропольскую губернию реформа стала распространяться только после издания 9 декабря 1867 года указа Правительствующего сената о новом устройстве административной и судебной части, реализация которого в губернии началась с 19 февраля 1868 года. В Ставропольском, Новогригорьевском, Пятигорском уездах создавались уездные полицейские управления во главе с уездными исправниками, однако в городах Ставрополе и Пятигорске сохранялась самостоятельная городская полиция. Вводился вольный наем для службы в полиции, полицейские набирались из числа отставных или уволенных в запас военнослужащих, физически крепких, примерного поведения, имеющих жизненный и служебный опыт, умеющих читать и писать.

Городская полиция в Ставрополе была преобразована в городское полицейское управление, которое состояло из следующих структурных подразделений: секретарский, уголовный, вексельный, денежный, распорядительный и гражданский столы, канцелярия. Для управления формировался штат из полицмейстера, его помощника, четырех частных приставов по числу частей, на которые был разделен город, их помощников и секретаря. Подведомственными управлению чиновников в городе являлись приставы, их помощники, полицейские надзиратели. Управление входило в систему Министерства внутренних дел и непосредственно подчинялось губернскому правлению и губернатору. Полицейстеры назначались и увольнялись начальником губернии.

В ведении полицейского управления продолжали находиться распоряжения по обнародованию указов, манифестов, законов, применение чрезвычайных мер к исполнению законов, наблюдение за порядком и благоустройством в городе, рассмотрение жалоб частных лиц, организация полицейского надзора и розыска, цензура над печатью, объявление и исполнение судебных решений. В состав управления входил и тюремный замок.

Поясняя причины увеличения штатов полиции и сумм на их содержание, наместник на Кавказе в представлении председателю Кавказского комитета о преобразовании общего управления Кавказского наместничества 3 августа 1867 года указывал, что значи-

тельная часть полицейских штатов Ставропольской губернии оставалась без изменений в течение более 40 лет, хотя численность населения увеличивалась, усложнялись стоящие перед ними задачи.

Вместе с тем наместник на Кавказе не пошел по пути кардинальных преобразований полицейских учреждений Ставропольской губернии и затронул их лишь незначительно, осознавая, что они не будут утверждены в пределах, превышающих состав полиции других областей Российской империи. Великий князь возлагал надежды на то, что окончательное устройство губернских и уездных управлений ведомства устранит это несоответствие [3]. Однако даже после реорганизации полицейских учреждений трудностей в работе полиции меньше не стало. До пуска в эксплуатацию (1875) железной дороги «Ростов – Владикавказ» для полиции очень ответственным оставался вопрос обеспечения безопасности проезда через губернию венценосных особ (императора, наследника престола, великих князей).

По высочайшему повелению от 6 января 1872 года в губернию бессрочно было сослано вместе с семьями более 300 участников восстания в Дагестане. Они расселялись по селам трех уездов таким образом, чтобы не иметь возможности объединиться, постоянно находясь под надзором полиции [2, с. 112].

Определенные сложности в делах губернской полиции вызывали не только проблемы, обусловленные ее количественным составом, но и хозяйственные вопросы, одним из которых являлось содержание подвод для развозов чинов уездной полиции, судебных следователей и других потребностей земства.

В связи с ростом численности населения и увеличением интенсивности движения на улицах полицией большое внимание уделялось скорости передвижения экипажей. Так, ставропольский полицмейстер в январе 1878 года обратился к горожанам: «Замечено, что многие из жителей города Ставрополя, при проезде по улицам внутри города, допускают непомерно быструю езду, а в особенности по большой Николаевской улице, во время катания, где, при большом стечении публики столкновений и экипажей, может произойти несчастный случай. А потому, во избежание этого, постановляется в обязанность жителей, чтобы никто не позволял непомерно быстрой езды внутри города, а же-

лающие кататься с более быстрой ездой, должны выезжать для этого за город; кататься внутри города на троечных санях вовсе запрещается. Виновные в неисполнении будут преследуемы по 123 статье Устава о наказаниях налагаемых мировыми судьями» [8].

Таким образом, в этот период зарождались правила уличного движения и устанавливалась ответственность за нарушения предписанного поведения на улицах.

В связи с реформированием полицейских учреждений произошли изменения и в жандармском ведомстве. В 1867 году ее округа, включавшие в себя несколько губерний, преобразовались в самостоятельные жандармские управления в каждой губернии. Начальники этих управлений получили звания инспекторов губернской полиции, что позволяло им контролировать общую полицию [9, с. 219–220]. Ставропольское губернское жандармское управление было причислено ко 2-й штатной категории, утвержденной для всей страны 9 сентября 1867 года. При этом жалованье начальникам и адъютантам управлений выплачивалось из усиленных окладов. Повышенное жалованье было назначено и переводчику, состоявшему при управлении.

По распоряжению Александра II с 1 августа 1870 года в Ставропольской губернии управление Кавказского жандармского округа упразднялось, вся жандармская часть на Кавказе передавалась в ведение местной администрации и центрального жандармского управления. Приказом по корпусу жандармов от 6 сентября 1870 года № 80 в Ставрополе была упразднена конная команда. Недостаток в нижних чинах восполнялся военно-служащими или зачислением желающих из состава бессрочно-отпускных и отставных [6, с. 59–60]. Тех офицеров и классных чиновников, которые попадали под сокращение, по приказу шефа жандармов генерал-адъютанта Шувалова оставляли за штатом с правами и преимуществами, предоставляемыми на общих основаниях. При этом лишние строевых лошадей конной команды предписывалось продавать, а полученную за них сумму передавать через местные казначейства в доход казны [3].

Несмотря на ряд сокращений, органы жандармерии в губернии продолжали исполнять порученную им работу в не меньшем, а порой и в большем объеме. Полицейские посещали различного рода публич-

ные представления (спектакли, концерты, лекции и другие), о которых полицмейстер и уездный исправник должны были заблаговременно сообщать помощнику начальника Ставропольского губернского жандармского управления в Пятигорском уезде. При этом штаб-офицеру предоставлялось особое место в театре для наблюдения за представлениями [4, с. 219].

Вместе с тем в работе жандармерии имели место и определенные недостатки. Из сообщения генерал-лейтенанта Минквица начальнику Главного управления наместника Кавказского по департаменту общих дел от 20 сентября 1866 года следовало, что при осмотре им холостых нижних чинов Ставропольской жандармской команды шесть человек оказались больными сифилисом. Вызывает по меньшей мере недоумение объяснение указанного факта начальником команды полковником Голоушевым «небрежным выполнением законных постановлений для сбережения народного здоровья» и «невнимательным полицейско-медицинским надзором за публичными женщинами». По этой причине начальник Главного управления наместника Кавказского сенатор статс-секретарь барон А. Николаи просил ставропольского губернатора обратить на данное обстоятельство особое внимание. Выполняя указанное распоряжение, Ставропольская врачебная управа совместно с полицмейстером в начале 1867 года разработала систему мероприятий «к урегулированию проституции» уже в ближайшем будущем. Для этого, по их мнению, необходимо было сделать следующее:

- составить полный список всех публичных женщин в г. Ставрополе с его постоянным дополнением посредством полицейских дознаний и назначением особого чиновника, выявить все «бордельные дома» с их женщинами, и оба списка представить во врачебную управу;
- каждой из этих женщин выдать печатный билет с отдельным номером, содержащий сведения о состоянии ее здоровья;
- решить вопрос о еженедельном посещении этими женщинами больницы приказа для обследования акушером врачебной управы;
- находиться при враче особо назначенному от полиции унтер-офицеру, который должен следить за их явкой к врачу и препрово-

ждать больных женщин на принудительное лечение в больницу;

– испросить разрешения на их бесплатное лечение как лиц неимущих;

– осматривать чистоту в специальных заведениях, где работали женщины;

– вести осмотр за бродячими нищими мужчинами и женщинами и т. д.

На практике эти меры оказались нереализованными. Назначенный врачебной управой акушер в записке о недостатках надзора за проституцией среди прочего указал и на небрежность полиции в сборе сведений о «публичных женщинах». Не исполнялось со стороны полиции также правило о применении мер «исправительного взыскания» к не появившимся на осмотр женщинам.

Кроме того, нарушался закон и в отношении возраста лиц, занимавшихся проституцией, среди которых встречались даже 13-летние девочки, а также правило бесплатного лечения, когда с большой сифилисом вносили по 15 рублей серебром ежемесячно. Полиция в таких случаях никаких мер не принимала. Ставропольское губернское жандармское управление доставляло в III отделение сведения обо всех гражданских служащих губернии с целью избежать принятия на новую работу тех, кто был уволен со службы из-за своей «противуправительственной» деятельности [5]. Жандармское управление вело наблюдение и за неблагонадежными лицами, замеченными в «производстве брожения и смуты» в обществе. Департамент полиции МВД поручал начальнику губернского жандармского управления тщательное проведение розыскной деятельности, которая зачастую являлась формальной.

Обращало на себя внимание и более чем поверхностное отношение чинов государственной полиции к такому важному приему розыска, как наблюдение за лицами, знакомыми с преступником (родственниками, товарищами и т. п.) [7].

Министерство внутренних дел и губернаторы имели право привлекать к мероприятиям по охране общественного порядка войска сверх тех частей, которые находились в их непосредственном подчинении. При острой необходимости ставропольские губернаторы без промедления использовали в полной мере предоставленное им законом право, особенно в периоды крупных мероприятий, связанных с большим скоплением людей.

Во второй половине XIX века наблюдался резкий рост преступности в губернии. Это было связано с активизацией миграционных процессов, вызванных отменой крепостного права и окончанием Кавказской войны. По мере развития экономики, особенно сельского хозяйства, в губернию стали приходить сезонные рабочие на уборку урожая из центральных областей России.

С вводом в 1875 году железной дороги «Ростов-на-Дону – Владикавказ» появилось большое количество различного рода «гастролеров». В это время рост населения составил 35 %, число уголовных дел увеличилось в 3,1 раза, а осужденных – в 2,2 [8]. Обращает на себя внимание тот факт, что основная часть преступлений из числа наиболее распространенных относилась к категории особо тяжких – «против жизни, личности и чужого имущества».

Все чаще подвергались ограблению церковные приходы, что также считалось наиболее тяжким преступлением. В частности, в ночь с 26 на 27 апреля 1869 года в церкви св. Михаила Архангела с. Прасковеи был взломан замок и похищено из ящика 253 рубля церковных денег. Когда об этом стало известно Новогригорьевскому исправнику, он лично выехал в Прасковею и занялся производством дознания. Преступление было раскрыто «по горячим следам» [11].

Давая оценку росту преступности за десятилетие – с 1870 по 1880 год, губернатор вынужден был признать, что 1 уголовное дело приходилось уже на 3 759 душ, а 1 осужденный – на 2 859. При этом уровень падения «нравственности населения» оказался настолько опутимым, что это вызывало беспокойство не только среди местного населения, но и у начальства Ставропольской губернии.

Главную причину «неурядицы на Кавказе» князь видел в ослаблении центральной власти вследствие уничтожения в 1883 году наместничества.

В 80-е годы в России значительно увеличилось число нападений на казначейства с целью захвата денег. В Департаменте полиции МВД в январе 1884 года сложившуюся ситуацию объясняли тем, что «в среде политически неблагонадежных лиц снова замечается стремление добыть денежные средства для достижения целей противоправительственного характера» [10]. В свя-

зи с этим губернатору предписывалось усилить охрану казначейств, банков, почтовых учреждений.

В марте 1887 года именным высочайшим указом генерал-майор Николай Егорович Никифораки был назначен ставропольским губернатором. В течение 17 лет он возглавлял губернию, проявив при этом, как писал генерал А. Польской, «обширные административные познания, широкий кругозор, доступность и простоту в обращении». В период правления Н. Е. Никифораки открывались новые больницы и лечебницы практически во всех крупных населенных пунктах губернии, где проживало 10–12 тысяч человек, а также в центрах Турухменского и Ачикулакского приставств и Большедербетовского улуса. Губернатор дал указание уездным исправникам, управляющим городского общественного банка, казенной палаты об усилении охраны объектов. В силу этого ответственными лицами принимались соответствующие меры по созданию условий для безопасности и охраны хранилищ. В то же время при существующей оплате труда охранников трудно было обеспечить надлежащую сохранность ценностей. В рапорте Александровского уездного исправника отмечалось, что «...за пятнадцать рублей месячного содержания, которые получают сторожа казначейства при существующей дороговизне на все жизненные принадлежности, не всегда возможно иметь здоровых сторожей, вследствие чего и принимают эту обязанность старики бездомные и неспособные к тяжелым хозяйственным работам» [10]. Никифораки ставил вопрос о создании четвертого уезда, что позволило бы более оперативно решать вопросы обеспечения порядка на территории губернии. Однако правительство не считало ситуацию на Северном Кавказе столь серьезной, как в других его областях.

В ноябре 1896 года в Комитете министров была заслушана записка министра юстиции М. В. Муравьева, в которой признавалось, что число дел об убийствах, грабежах и разбоях, совершаемых на Северном Кавказе до предгорий Кавказского хребта, является незначительным, а безопасность жителей Ставропольской губернии и северных отделов Кубанской и Терской областей обеспечена так же, как и во внутренних районах страны. При этом указывалось, что один раз-

бой в Ставропольской губернии приходился на 39 000 человек, убийство – на 29 000, тогда как в Закавказье разбой приходился на 5 200 жителей, а убийство – на 2 400. Только в местностях, расположенных в южной полосе северных областей Кавказа, количество этих преступлений, по утверждению Н. В. Муравьева, было значительно больше, но благодаря «вероятно удачному подбору чинов полиции и военному порядку областей, совершаемые горцами грабежи и разбои не принимают форм организованного хищничества». При этом средняя часть Кавказа, населенная горцами, по мнению министра юстиции, «была совершенно спокойна» [10].

В действительности ситуация не выглядела столь благополучной. Русские на Северном Кавказе преобладали над местными горскими национальностями, составляя к концу XIX века 82 % от общего числа населения [11]. Это являлось весомым аргументом в пользу того, что разбой и грабежи, в большей степени характерные для горских районов, согласно приведенным выше цифрам, должны были составлять значительно меньшее число, чем, например, в Закавказье.

Возвращаясь к записке министра юстиции Н. В. Муравьева, следует также отметить, что упоминаемое им «спокойствие» далеко не всегда отвечало реальному положению дел. В отчетах начальников областей многократно приводились одни и те же выводы о необходимости усиления борьбы с кражами лошадей и домашнего скота. Причем этот вид краж был распространен не только в казачьих областях Северного Кавказа, но и в Ставропольской губернии.

Несколько изменилась ситуация лишь к концу XIX – началу XX века. Так, по сравнению с 1898 годом, когда общее число преступлений увеличилось на 30 %, а преступников – на 21 %, в 1899 году количество преступлений уменьшилось на 7 %, а преступников – на 18 %. В отчетах императору Николаю II губернатор объяснял это тем, что в отличие от 1898 года, когда губерния находилась в тяжелом экономическом кризисе после предшествовавшего ему неурожайного года, 1899-й можно считать более удачным в связи с улучшением ее экономического положения [10].

В очередном отчете о состоянии развития губернии 1900 год Н. Е. Никифораки назвал одним из счастливых. Благодаря множеству усилий, наконец, был решен вопрос о созда-

нии нового Прасковейского уезда, потребность в котором назрела уже давно. Увеличение населения и «развитие гражданской жизни» повысили уровень требований к полиции со стороны различных губернских учреждений. Особенно это коснулось обязанностей полиции после введения в губернии вместо мировых судов института земских участковых начальников по закону 1889 года. В соответствии с этим законом в руках земских начальников была сосредоточена как административная, так и судебная власть. Успех дела зависел от совместной работы станových приставов и земских начальников, в ведении которых находились полицейские и административные учреждения сельских обществ.

Императором II 6 июля 1894 года было утверждено мнение Государственного совета «О приведении в действие Высочайше утвержденным, 12 июля 1889 года, законоположений о преобразовании крестьянских и судебных учреждений в Ставропольской губернии», которое имело ряд отступлений, объяснявшихся местными геополитическими и этносоциальными особенностями. При этом «иногородцы» должны были подчиняться земским участковым начальникам лишь в судебном отношении и только в пределах их подсудности местным судебно-мировым органам. Обязанности, возложенные правилами о порядке приведения в действие положения о земских участковых начальниках на временные уездные и губернские комитеты, в Ставропольской губернии должны были исполняться соединенным присутствием губернского правления и губернским по крестьянским делам присутствием с участием прокурора окружного суда и главного пристава кочующих народов. Местные чины полиции наиболее крупных по территории и числу жителей Новогригорьевского и Александровского уездов при всем своем усердии и энергии не могли справиться со своими обязанностями. В состав нового уезда из них вошли 19 сел с населением численностью 120 600 человек.

В Ставрополе были открыты 4-месячные курсы подготовки кандидатов на службу и переподготовки полицейских урядников. Теоретический курс читали состоящие при губернаторе чиновники особых поручений, губернский ветеринар, помощник губернско-

го врача, а практические занятия проводил один из товарищей прокурора и местный исправник. Обучение нижних чинов осуществлялось в школе для подготовки околоточных надзирателей и городских, созданной при резерве. В состав полицейского резерва входили городские, подчинявшиеся градоначальнику или полицмейстеру и задействованные только в экстренных случаях (забастовок, демонстраций, революционных выступлений и прочих). После 1900 года эта система обучения была расширена. Появились учебные заведения для подготовки унтер-офицеров полиции. При сыскных отделениях империи создавались 2-месячные курсы для подготовки будущих сыщиков. Все это способствовало повышению профессионального уровня работников полиции.

Значительный ущерб Ставропольской губернии наносили пожары. Так, в 1882 году в губернии произошло 279 пожаров, причинивших ущерб в размере 522 960 рублей. Наибольшее число пожаров было зафиксировано в Медвеженском уезде, густонаселенном и насыщенном питейными заведениями. Большинство сел пожарных команд не имело.

Губернатору как начальнику полиции уездные исправники докладывали рапортами обо всех происшествиях на территории уездов и о результатах предварительных дознаний. При этом сообщалось о передаче дела следователю участка, если оно требовало дальнейшего расследования. Нередко исправники направляли сообщения, основанные на результатах расследований, проведенных волостными старшинами. Однако практика показывала, что эти результаты не всегда были объективными, так как волостные старшины проводили эти расследования исходя из своих интересов.

Таким образом, в конце XIX века полиция и иные органы правопорядка на территории Ставропольской губернии развивались вместе со всей системой МВД в направлении проведения эффективной кадровой политики, а также все большего охвата функций государственного управления и управления общественной безопасностью Российской империи. И во многом этому способствовала деятельность генерала Н. Е. Никифораки, который управлял Ставропольской губернией в течение 17 лет [12, с. 109].

Литература

1. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.
2. Очерки истории Ставропольского края / под ред. Д. В. Кочура: в 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 1.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 424. Л. 116. Оп. 1, 3, 5.
4. Российское законодательство X–XX веков. Документы крестьянской реформы. М., 1989. Т. 7.
5. История деятельности Лермонтовского отдела внутренних дел: альбом. Лермонтов, 1996.
6. Киселев А. К. Очерки истории Ставропольской милиции. Ставрополь, 1999.
7. Кавказ. 1870. 1, 11 марта, 10 апреля.
8. Ставропольские губернские ведомости. 1878. 14 января.
9. Полубинский В. И. История советской милиции. М., 1987.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 282.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 46. Д. 1209. Л. 78, 78 об.; Ф. 1282.
12. Орудина Л. Г. Губернатор. Ставрополь, 1913.

Bibliography

1. Bodies and troops of the MIA of Russia. A brief historical sketch. Moscow, 1996.
2. Essays on the history of the Stavropol territory / ed. by D. V. Kochura: in 2 vol. Stavropol, 1986. Vol. 1.
3. State archive of the Stavropol region. Fund 101. Inventory 4. Case 424. Sheet 116. List 1, 3, 5.
4. Russian legislation X–XX centuries. Documents of the agrarian reform. Moscow, 1989. Vol. 7.
5. The history of the Lermontov of the Department of internal Affairs: album. Lermontov, 1996.
6. Kiselev A. K. Essays on the history of the Stavropol militia. Stavropol, 1999.
7. Caucasus. 1870. March 1, 11, April 10.
8. Stavropolskie Gubernskie Vedomosti. 1878. January 14.
9. Polubinski V. I. The History of Soviet militia. Moscow, 1987.
10. The Russian state historical archive. Fund 1268. Inventory 25. Case 297. Sheet 282.
11. Russian state military-historical archive. Fund 330. Inventory 46. Case 1209. Sheet 78 turnover; Fund 1282.
12. Orudina L. G. The Governor. Stavropol, 1913.

© 2017 г. И. Г. Войнилова,

соискатель кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

E-mail: voynilova84@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ЛИЦАХ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье анализируются основные составляющие и особенности государственной политики, проводившейся в отношении незаконнорожденных лиц в России XIX – начала XX века. Рассматривается закрепление политических идей и принципов в законодательстве исследуемого периода. Дается оценка эффективности практической реализации законодательства о незаконнорожденных лицах, формулируется вывод о несовпадении ограничительных целей законодательства с существовавшими общественными отношениями и устоями.

Ключевые слова: государственная политика, правовое положение незаконнорожденных лиц, ограниченная правоспособность, законодательство, нормативный правовой акт, юридическая гарантия.

I. G. Voynilova – Aspirant, Department of the History of State and Law, the Saratov State Law Academy.

PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF THE LEGISLATION ON ILLEGITIMATE PERSONS IN RUSSIA XIX – EARLY XX CENTURY

The article analyzes the main components and features of the state policy pursued in relation to illegitimate persons in Russia XIX – early XX century. Examines the consolidation of political ideas and principles in the legislation of the study period. Assesses the effectiveness of the practical implementation of the legislation on illegitimate persons, formulated the conclusion about the discrepancy between the restrictive goals of the legislation with the existing social relations and practices.

Key words: public policy, the legal position of illegitimate persons, limited legal capacity, legislation, normative legal act, legal guarantee.

При исследовании проблемы практической реализации законодательства о незаконнорожденных лицах, прежде всего, необходимо рассмотреть вопрос об особенностях государственной политики XIX – начала XX века в данной области.

Следует отметить, что государственная политика этого периода при осуществлении правового регулирования статуса незаконнорожденных и связанных с ним правоотношений носила выраженный охранительный характер. Основной целью законодательства было вытеснение из жизни российского общества отношений, противоречивших господствовавшим представлениям о сословном устройстве феодального государства, в которых сословная принадлежность (социальная идентичность) и правоспособность субъекта определялись исключительно статусом родителей и только при условии, что последние состояли в официально зарегистрированном браке.

Анализ законодательства показывает, что наиболее ярко особенности российской государственной политики в сфере регулирования

правового статуса незаконнорожденных проявились еще в XVIII веке в скатеринском указе от 21 декабря 1772 года «О воспитании оставленных родителями младенцев до пяти лет, о приносе оных в Воспитательный дом и о платеже за воспитание» [23, с. 693–696].

В указанном законодательном акте содержался ряд положений, которые определяли морально-нравственные приоритеты государственной политики по отношению к незаконнорожденным лицам на протяжении XIX – начала XX века. В частности, в числе побудительных мотивов государственной деятельности в этой сфере назывались, во-первых, ее обусловленность необходимостью изменения социального мировоззрения российского населения, чтобы «отвратить народ от пагубного греха... и привести к милосердию и соболезнанию о невинных тех младенцах»; во-вторых, стремление к общественной пользе посредством снижения смертности и принятия мер по содержанию и воспитанию незаконнорожденных, поскольку «таковых гибели подверженных младенцев великое число остается без всякого

признания, а хотя и несколько из них и возрастают, но и те шатаются по улицам и бесстыдно нищенствуют к великой тягости Обществу» [23, с. 693–696].

Впоследствии приверженность идее общественного блага как основного направления государственной политики в отношении незаконнорожденных была подтверждена Александром I в указе от 5 июня 1820 года об определении рода деятельности незаконнорожденных по достижении определенного возраста [10, с. 343–346]. Главной целью государственной политики в этом направлении также называлась польза как для общества, так и для самих незаконнорожденных в связи с тем, что последние, «не быв ни к чему не приготовлены, шатаясь из места в место, умножают лишь число праздных, а иногда и вредных обществу людей» [10, с. 343–346].

Очевидно, что гуманистические приоритеты российской законодательной политики первой половины XIX века, касающейся незаконнорожденных, формировались под влиянием буржуазных просветительских идей Франции XVIII столетия. Согласно этим идеям, как отмечал И. Е. Фарбер, экономические и социальные отношения представлялись не как созданные Богом и церковью, критика которых считалась смертным грехом, а как основанные на праве, творцом которого выступало государство, издающее законы [26, с. 16]. Соответственно, задачей государства в этом аспекте было выявление «плохих порядков», то есть отношений, противоречивших актуальным на тот момент государственно-политическим приоритетам, их исправление при помощи законов, созданных на основе буржуазно-либеральных идей вечного разума, истины и справедливости.

Вместе с тем феодально-крепостнические устои государства первой половины XIX века позволяют расценивать «гуманистические» положения государственной политики в отношении незаконнорожденных исключительно как разновидность правовых иллюзий. На наш взгляд, содержание правовых иллюзий эпохи феодализма наиболее точно определил Б. Ф. Поршнев, который, раскрывая сущность феодального права в сравнении с капиталистическим, отмечал, что при феодализме экономические отношения людей тоже не выступают в обнаженном виде, а выглядят отношениями политическими, государственными, «публично-правовыми» (юридический тер-

мин, противоположный понятию «частно-правовые отношения») [21, с. 39].

Из вышеприведенных положений следует, что феодальное право использовалось как инструмент государственной политики, позволявший скрыть неравенство субъектов феодальных производственных отношений. Одним из приемов использования законодательства в целях создания правовых иллюзий выступало, как показано выше, включение в нормативные положения сентенций о стремлении к общественной пользе и искоренении социальных пороков.

Государственная политика первой половины XIX века в отношении незаконнорожденных являлась, на наш взгляд, наиболее ярким примером маскирования феодально-крепостнических устоев нормами, апеллирующими к началам всеобщей пользы, истины и добродетели. На противоречивость данной политики указывает тот факт, что корпус законов о незаконнорожденных не только имел «человеколюбивое» содержание, но и включал в себя целый ряд актов, которые отражали реальные приоритеты государственной политики, проводимой в интересах класса феодалов.

Последняя группа актов представлена многочисленными указами об определении незаконнорожденных в рекруты и кантонисты [1, с. 90; 22, с. 242–243]; пожизненном приписывании к горным заводам [2, с. 1116]; переводе в крепостное состояние [5, с. 437]. Также действовали нормы, направленные на ограничение прав незаконнорожденных. Ограничения имущественных прав выражались в установлении законодательного запрета на наследование поместий и иного имущества незаконнорожденными детьми лиц дворянского сословия [9, с. 69]. В 1828 году было введено ограничение административных прав незаконнорожденных – причисление внебрачных детей дворян к лицам крепостного состояния, приобретавших право поступления на службу только после выкупа из крепостной зависимости и при условии окончания соответствующего учебного заведения [3, с. 1041–1042].

Кроме того, в обеспечение вышеуказанных и других законодательных актов в 1835 году были установлены правила, согласно которым родители лишались права регистрировать незаконнорожденных в качестве своих детей, а также подавать прошения «о сопричтении к законным детям, рожденных до брака с настоящей женой» [4, § 41, п. 2, с. 49–50].

Как показывает анализ, законодательные акты первой половины XIX века, которые регулировали правовой статус незаконнорожденных, в том числе нормы об ограничении правоспособности незаконнорожденных и нормы, препятствовавшие устранению этих ограничений, относились к группе юридических гарантий феодально-крепостнического устройства Российского государства.

Данные юридические гарантии были направлены, во-первых, на сохранение сословно-крепостнической структуры общества и поддержание замкнутости сословных групп за счет запрета перехода дворянского звания от родителей к незаконнорожденным детям; во-вторых, на защиту материальных интересов дворянства посредством установления запрета наследования незаконнорожденными детьми поместий и иного имущества; в-третьих, на усиление вассальной зависимости феодалов от монарха, к исключительной компетенции которого относились вопросы об узаконении незаконнорожденных детей дворян.

Противоречивость государственной политики первой половины XIX века, выражавшаяся в целенаправленном применении к незаконнорожденным феодально-крепостнических ограничений в сочетании с морализаторскими юридическими сентенциями о необходимости облегчения их участи, обусловила особенности участия общества и частных лиц в реализации государственной политики в данной сфере. Одна из особенностей заключалась в том, что представители общества и частные лица допускались к реализации только морально-нравственных норм законодательства о незаконнорожденных, участвуя в благотворительной деятельности в отношении незаконнорожденных.

Еще в XVIII столетии одной из форм участия отдельных лиц в благотворительности являлось создание учебных заведений для незаконнорожденных. В качестве примера можно привести деятельность московского купца П. Д. Ларина, который в конце XVIII века на собственные средства основал «призрительное училище для незаконнорожденных сирот» с обучением ремеслу [20, с. 249]. Эта благотворительная деятельность была высоко оценена Екатериной II, которая рекомендовала и в дальнейшем развивать «похвальное намерение» в отношении незаконнорожденных [8, с. 600].

Другой формой привлечения частных лиц к реализации государственной политики в рассматриваемой сфере стали меры по передаче незаконнорожденных на содержание в приемные семьи, предпринятые по инициативе Екатерины II. В соответствии с указом от 21 декабря 1772 года приемным семьям, которые брали на воспитание незаконнорожденных из воспитательных домов, назначалось государственное вознаграждение в размере от 10 до 30 рублей в год в зависимости от срока их содержания в семье [23, с. 693].

Наряду с частными лицами в благотворительной деятельности для незаконнорожденных принимали участие и сословные группы. Например, в 1796 году московским купечеством были собраны средства на обучение ремеслу счетоводов незаконнорожденных детей из воспитательного дома [7, с. 4]. В том же году дворяне Московского благородного собрания пожертвовали две тысячи рублей на содержание тех «несчастно рожденных» детей воспитательного дома, один из родителей которых относился к дворянскому сословию [6, с. 6].

В первой половине XIX века в связи с общей тенденцией государственного администрирования всех видов деятельности, отличавшей внутреннюю политику Николая I, традиция благотворительности в отношении незаконнорожденных приняла несколько иные формы [18, с. 6]. Губернаторам были даны полномочия создавать попечительские советы, в состав которых входили люди, «известные своей благотворительностью», для осуществления надзора за расходованием средств, направляемых на попечительство незаконнорожденных сирот [19, с. 114].

Отмена крепостного права и последующая либерализация законодательства в части создания благотворительных союзов по инициативе представителей общественности привели к развитию коллективных негосударственных форм участия в осуществлении попечительских функций по отношению к незаконнорожденным. Например, в 1908 году общегубернский съезд нижегородских врачей по просьбе земства сформулировал требования, которым должны были соответствовать приемные семьи, если последние претендовали на участие в содержании и воспитании незаконнорожденных подкидышей. Тем самым были созданы условия для снижения смертности незаконнорожденных в приемных семьях [28, с. 1028–129].

Еще одна особенность участия населения в реализации законодательства о незаконнорожденных заключалась в том, что далеко не всегда оно обуславливалось собственной инициативой частных лиц. Так, еще распоряжением Екатерины II от 29 апреля 1765 года на слободских ремесленных учителей была возложена обязанность выявлять не имевших попечения незаконнорожденных детей и «отдавать их в семью тому, кто взять пожелает» [11, с. 181].

В 1889 году к практике екатерининских времен обратился Святейший синод, возложив на священнослужителей местных приходов обязанность регулярно проверять положение незаконнорожденных детей, отданных в приемные семьи, и каждые полгода письменно докладывать о результатах проверки в соответствующие консистории [25, с. 15–16].

Таким образом, участие общества и частных лиц в реализации законодательства о незаконнорожденных являлось возможным лишь в части оказания помощи им в содержании либо обустройстве. Главной особенностью такого участия был характер инициативы, которая могла исходить как от самого общества и частных лиц, так и от государства, вовлекавшего отдельные категории общественных представителей, например учителей и священников, в деятельность по оказанию помощи незаконнорожденным.

Вместе с тем следует учитывать, что законодательный институт ограниченной правоспособности незаконнорожденных в полной мере соответствовал интересам класса феодалов, так как представлял собой один из источников пополнения феодально-зависимых категорий населения. Именно поэтому в первой половине XIX века инициатива частных лиц по усыновлению или узаконению незаконнорожденных в корне пресекалась, поскольку это вело к сокращению источников пополнения податных сословий. Особенности реализации законодательства о незаконнорожденных, кроме того, были обусловлены его основными началами, идеями, принципами и их эволюцией.

Так, в первой половине XIX столетия в законодательстве России господствовал принцип сословной исключительности и идея гражданского равенства (формально-юридического). Права и обязанности предоставлялись субъектам гражданских правоотношений в зависимости от их сословной при-

надлежности и финансового положения [14, с. 61]. В условиях преимущественного обеспечения прав и интересов привилегированного сословия равенство всех перед законом отсутствовало.

Незаконнорожденные лица вне зависимости от оснований и условий их рождения причислялись к податным состояниям и обладали равными правами. Они не имели правомочий привилегированных масс, но могли получить их путем «сопричтения» к таковым на основании актов верховной власти.

С середины XIX века и вплоть до октября 1917 года в гражданском законодательстве России происходило постепенное вытеснение принципа сословной исключительности и уравнивание по правовому статусу лиц, принадлежащих к различным сословиям и состояниям [14, с. 61]. Лица всех сословий, кроме тех, кто по сану был обречен на безбрачие, на законодательном уровне получили возможность усыновлять внебрачных детей, а незаконнорожденные – быть узаконенными и усыновленными собственными родителями.

Однако указанные правовые возможности «сопричтения» к законнорожденным мало использовались, поскольку большинство населения страны вплоть до начала XX века оставалось малограмотным, не знающим гражданских законов. Грамотность среди мужского населения старше 9 лет составляла в конце XVIII столетия 6 %, в 1850 году – 19 %, в 1913 году – 54 %, среди женского – соответственно 4, 10 и 26 %. К началу XX века только дворянство и духовенство (2 % от всего населения России) достигли уровня почти полной грамотности [17, с. 264]. Поэтому законодательство о незаконнорожденных лицах реализовывалось не в полной мере, не решало поставленных задач, что также было обусловлено регулированием отношений внебрачного родства нормами обычного права.

Уничтожение крепостного права ликвидировало заинтересованность феодалов в ограничении правоспособности незаконнорожденных. Реформы, направленные на улучшение положения лиц, рожденных вне брака, которые были проведены на рубеже XIX и XX веков, открыли новые возможности для участия общества и частных лиц в оказании помощи незаконнорожденным детям. Но, несмотря на всю свою значимость, эти реформы являлись архаичными и не соответство-

вали новым буржуазно-либеральным отношениям, основанным на равенстве всех субъектов товарного производства и обмена.

Следует отметить, что ограниченная правоспособность незаконнорожденных в условиях феодально-крепостнических отношений служила гарантией соблюдения интересов не только привилегированных сословий. Анализ статистических сведений первой половины XIX века свидетельствует о том, что в 1835 году наименьшее число детей, родившихся вне брака, приходилось на губернии, основу экономики которых составляло сельское хозяйство, – Саратовскую (0,87 внебрачных детей на 100 родившихся), Оренбургскую (1,44), Самарскую (2,64) и другие [15, с. 44].

При этом в губерниях, население которых занималось преимущественно отходничеством, внебрачных детей было гораздо больше. Так, в том же 1835 году в Олонецкой губернии на 100 родившихся приходилось 4,11 внебрачных детей, в Костромской – 5,96, в Ковенской – 6,12 [15, с. 45]. Наиболее высокие показатели в 1835 году имели место в Москве (11,45) и Санкт-Петербурге (12,09) [15, с. 45–46].

Таким образом, в губерниях, где преобладала традиционная крестьянская община с патриархальным укладом, зависимым положением женщины и ограниченными земельными ресурсами, число внебрачных детей было минимальным. На наш взгляд, причина отрицательного отношения крестьянской общины к внебрачному рождению заключалась, прежде всего, в ограниченности земельных ресурсов, что требовало принятия мер, препятствовавших переходу наделов лицам, не входившим в ее состав, в частности тому из родителей внебрачного ребенка, который не принадлежал к общине. Полагаем, что именно в этих губерниях эффективность законодательства о статусе незаконнорожденных была самой высокой, так как имело место совпадение целей государственной политики и устоев патриархального мировоззрения основной массы населения губернии.

Не случайно именно в земледельческих губерниях крестьянская семья использовала любые возможности для сокрытия факта внебрачного рождения. Так, по свидетельству И. И. Янжула, в Ржевской губернии нередко совершался подлог документов, когда приходской священник, уступая корыстным мотивам, записывал в метрическую книгу в

качестве родителей незаконнорожденного его деда и бабуку, а фактического отца – крестным этого незаконнорожденного [27, с. 203].

В Саратовской губернии, которая также относилась к категории земледельческих с патриархальным укладом, по воспоминаниям И. М. Кабештова, распространенным способом скрыть внебрачное происхождение являлась подделка метрических записей. При этом в процесс исправления документов были вовлечены не только приходские служители, но и консисторские, так как в консисториях хранились дубликаты метрических книг, позволявшие восстанавливать в случае необходимости записи приходских документов о рождении. По замечанию И. М. Кабештова, подделка метрических записей незаконнорожденных служила неиссякаемым источником взяток как для приходского, так и для консисторского духовенства [12, с. 354–355].

В губерниях, где преобладало отходничество, напротив, земельные ресурсы не играли значимой роли по причине их отсутствия либо минимального наличия. В этих губерниях традиционно значимой была роль женщины, которая управляла домашним хозяйством в период длительного нахождения отца, братьев или мужа «на промыслах» [16, с. 89]. Поэтому население данных губерний к факту внебрачного рождения относилось более индифферентно. К примеру, как отмечал известный дореволюционный историк В. И. Сергеевич, во второй половине XIX – начале XX века в Архангельской губернии внебрачные дети крестьян имели равные с законными права в наследовании [24, с. 511].

Наконец, в Москве и Санкт-Петербурге показатели внебрачных рождений являлись наиболее высокими, что в первую очередь было связано с промышленным характером этих городов. Значительная концентрация пролетариата, прибывшего из разных районов страны, наряду с отсутствием собственности на средства производства и, следовательно, необходимости решения вопросов о наследовании «размывали» патриархальные представления о браке и семье и способствовали росту внебрачных рождений [13, с. 36]. Полагаем, что в этих городах эффективность государственной политики в отношении незаконнорожденных была крайне низкой, так как ее цели не совпадали с объективными условиями жизни населения.

В заключение необходимо отметить, что социальная структура российского общества рассматриваемого периода не была однородной, характеризовалась наличием устойчивых общественных отношений и связей, не всегда соответствовавших ограничительным целям законодательства о незаконнорожденных. Именно в имущественной и культурной

неоднородности российского общества и заключалась социально-политическая предпосылка для возникновения различий в эффективности реализации данных целей. Дуализм правовой системы также не способствовал реализации гражданского законодательства о незаконнорожденных лицах среди всего населения дореволюционной России.

Литература

1. О власти воспитателей увольнять в рекруты воспитанных ими приемышей и подкидышей: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 9 апр. 1843 г. // ПСЗ II. 1830–1884. № 16724.

2. Об оставлении всех детей незаконнорожденных солдатскими женами и дочерьми, при горных заводах находящихся, навсегда при сих заводах: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 29 дек. 1827 г. // ПСЗ II. 1827. Т. II. № 1660.

3. О порядке определения в гражданскую службу воспитанников как действительных, так и личных дворян: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 29 нояб. 1828 г. // ПСЗ II. 1828. Т. III. № 2467.

4. Высочайше утвержденное Положение о комиссии Прощений от 18 января 1835 года // ПСЗ II. 1835. Т. X. Отд. 1. № 7771.

5. О причислении незаконнорожденных в городское или сельское состояние и о времени обложения их податями: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1845 г. // ПСЗ II. 1845. Т. XX. Отд. 1. № 19067.

6. Из общественной жизни // Моск. вед. 1796. № 17.

7. Из общественной жизни // Моск. вед. 1796. № 19.

8. О дозволении московскому купцу Ларину завести призраительное училище в дворцовом селе Любуче уезда Переславля-Рязанского: именной, данный Обер-Гофмейстеру Елагину указ от 12 марта 1778 г. // ПСЗ I. Т. XX. № 14719.

9. О ненаследовании незаконнорожденным детям, коим не будет даровано полного фамильного права, в родовых имениях после родственников с отцовской стороны: именной указ от 6 марта 1800 г. // ПСЗ I. Т. XXVI. № 19310.

10. О распределении незаконнорожденных воспитанников Приказов общественного при-

Bibliography

1. On the power of educators to dismiss recruits brought up by them adoptive and foundlings: the highest approved opinion of the State Council of April 9, 1843 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1830–1884. № 16724.

2. On the abandonment of all children of illegitimate soldiers' wives and daughters, in mountain plants located forever for these plants: the highest approved opinion of the State Council of December 29, 1827 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1827. Vol. II. № 1660.

3. On the procedure for determining in civil service pupils both real and personal nobles: the highest approved opinion of the State Council of November 29, 1828 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1828. Vol. III. № 2467.

4. The highest approved Regulations on the Commission of the Requests of January 18, 1835 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1835. Vol. X. Branch first. № 7771.

5. On the attribution of illegitimate children to the urban or rural state and on the time of their taxation: the highest approved opinion of the State Council of June 1, 1845 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1845. Vol. XX. Branch first. № 19067.

6. From public life // Moskovskie vedomosti. 1796. № 17.

7. From public life // Moskovskie vedomosti. 1796. № 19.

8. On the admission of the Moscow merchant Larin to the vocational school in the palace village of Lyubuch in the county of Pereslavl-Ryazan, was given to Ober-Hofmeister Elagin: the nominal decree dated 12 March 1778 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XX. № 14719.

9. On non-inheritance of illegitimate children, who will not be granted full family right, in patrimo-

- зрения: именной, объявленный Управляющим Министерством внутренних дел гражданским губернаторам указ от 5 июня 1820 г. // ПСЗ I. 1820–1821. Т. XXXVII. № 2830.
11. Инструкция Слободской губернии Губернатору с Губернской и Провинциальной Канцеляриями от 6 июля 1765 года // ПСЗ I. Т. XVII. № 12430.
12. Кабештов И. М. Моя жизнь и воспоминания бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. М., 2006.
13. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века. М., 1995.
14. Лядашева-Ильичева М. Н. Гражданское законодательство в России в 1649 – октябре 1917 года: формирование и развитие: моногр. / под науч. ред. С. В. Кодана. М., 2016.
15. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839. Т. I.
16. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск, 1991.
17. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
18. Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007.
19. Общее губернское учреждение от 1 января 1831 года // Свод законов Российской империи: в 15 т. СПб., 1857. Т. II.
20. Петр Данилович Ларин. Биографический очерк // Древняя и новая Россия. 1876. № 3.
21. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
22. О незаконнорожденных в Финляндии детях от солдатских жен, вдов и девок: сенатский указ от 2 нояб. 1851 г. // ПСЗ II. 1851. Т. XXVI. Отд. 2. № 25710.
23. О воспитании оставленных родителями младенцев до пяти лет, о приносе оных в Воспитательный дом и о платеже за воспитание: сенатский, с приложением объявления Опекунского совета Воспитательного дома, указ от 21 дек. 1772 г. // ПСЗ I. 1770–1774. Т. XIX. № 13930.
24. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1910.
- nial estates after relatives from the father's side: the nominal decree of March 6, 1800 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXVI. № 19310.
10. On the Distribution of Illegitimate Inmates of Orders of Public Charity: the nominal decree, issued by the Governor of the Ministry of Internal Affairs to civilian governors, of June 5, 1820 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. 1820–1821. Vol. XXXVII. № 2830.
11. Instructions of Slobodskaya province to Governor with Provincial and Provincial Chancellery of July 6, 1765 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XVII. № 12430.
12. Kabeshotov I. M. My life and memories of a former nobleman before the age of six, then twenty years of serfdom // Memoirs of Russian peasants of the XVIII – first half of the XIX century. Moscow, 2006.
13. Kupriyanov A. I. Russian city in the first half of the XIX century. Moscow, 1995.
14. Lyadashcheva-Ilyicheva M. N. Civil legislation in Russia in 1649 – October 1917: formation and development: monograph / under scientific ed. S. V. Kodan. Moscow, 2016.
15. Materials for statistics of the Russian Empire, issued with the highest assent from the Statistical Office of the Council of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg, 1839. Vol. I.
16. Minenko N. A. Russian peasant community in Western Siberia. XVIII – first half of the XIX century / ed. by A. P. Derevyanko. Novosibirsk, 1991.
17. Mironov B. N. Social history of Russia in the period of the empire (XVIII and early XX century): in 2 vol. St. Petersburg, 2000. Vol. 2.
18. Nicholay I: a person and an era. New materials / ed. by A. N. Tsamutali. St. Petersburg, 2007.
19. General Provincial Office of January 1, 1831 // Code of laws of the Russian Empire: in 15 vol. St. Petersburg, 1857. Vol. II.
20. Petr Danilovich Larin. Biographical sketch // Ancient and New Russia. 1876. № 3.
21. Porshnev B. F. Feudalism and the masses. Moscow, 1964.
22. On illegitimate children in Finland from soldiers' wives, widows and girls: senate decree of November 2, 1851 // Complete collection of laws of the Russian Empire. 1851. The second meeting. Vol. XXVI. Branch two. № 25710.
23. On the upbringing of infants left before the age of five, on bringing these to the Upbringing House and on payment for education: senate, with the an-

25. Об обязанностях служителей местных приходов: указ Святейшего Синода от 8 февр. 1889 г. // Тул. епархиальные вед. 1889. № 8.

26. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

27. Янжул И. О незаконнорожденных: статистико-юридический очерк // Моск. универ. изв. 1870. № 4.

28. XLIV очередное нижегородское уездное земское собрание // Нижегород. земская газ. 1908. № 43.

nouncement of the announcement of the Board of Trustees of the Educational House, decree of December 21, 1772 // Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. 1770–1774. Vol. XIX. № 13930.

24. Sergeevich V. I. Lectures and studies on the ancient history of Russian law. 4th ed., rev. and additional. St. Petersburg, 1910.

25. On the duties of ministers of local parishes: the decree of the Holy Synod of February 8, 1889 // Tula Diocesan News. 1889. № 8.

26. Farber I. E. Legal awareness as a form of public consciousness. Moscow, 1963.

27. Yangzhul I. About illegitimate children: statistico-juridical essay // Moscow university news. 1870. № 4.

28. XLIV next Nizhny Novgorod district zemstvo assembly // Nizhny Novgorod Zemsky newspaper. 1908. № 43.

© 2017 г. О. Д. Овчинникова,

доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: olesya901@mail.ru

А. М. Шаганян,

доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: sha-anneta@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОРМ ПРАВА

В статье раскрываются некоторые проблемы толкования норм права. Приводятся примеры, демонстрирующие ошибки, возникающие в результате интерпретационной деятельности в актах толкования, анализируются объективные и субъективные причины таких ошибок, обосновывается необходимость соблюдения требований юридической техники в процессе толкования норм права.

Ключевые слова: толкование, неофициальное толкование, официальное толкование, субъекты толкования, интерпретационные ошибки, ошибки толкования, процесс толкования.

O. D. Ovchinnikova – Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

A. M. Shaganyan – Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF NORMS OF LAW

The article deals with some problems of interpretation of the law. The examples, demonstrates the errors arising from interpretation activities in acts of interpretation is analyzed objective and subjective reasons for interpretive errors, required compliance with the requirements of legal technique in the process of interpretation of the law.

Key words: interpretation, informal interpretation, formal interpretation, subjects of interpretation, interpretation errors, errors of interpretation the process of interpretation.

Формирование правового демократического государства, укрепление режима законности и правопорядка зависят от большого количества факторов, в частности экономического и политического состояния общества, криминального индекса, социальной и правовой защищенности различных слоев населения, развития нормативной базы и, конечно, эффективного и своевременного толкования норм права для правильного и единообразного их применения на территории России.

Толкование права является одной из традиционных проблем юриспруденции, а в условиях формирования правового государства и осуществления перманентной реформы нормативной правовой базы оно приобретает особое значение. Правовая свобода, разрешительный тип механизма правового регулирования, открытость функционирования государственной системы не только расширяют спектр возможностей интерпретации

права, но и «делают его достаточно “точным” и универсальным инструментом обеспечения высокого уровня правовой культуры и легальности поведения всех субъектов» [1, с. 5].

Необходимо отметить, что существует достаточное количество исследований, посвященных проблемам толкования права. Это работы С. С. Алексеева [2], Н. Н. Вопленко [3], А. С. Пиголкина [4], В. В. Лазарева [5] и других авторов. В широком смысле процесс интерпретации, или толкования, следует определить как совокупность приемов и способов, применяемых с целью определения сути и содержания норм нормативных правовых актов, а также разъяснения их смысла адресату. Основная задача рассматриваемого явления должна сводиться к единообразному применению действующего законодательства на всей территории Российской Федерации.

Как известно, процесс толкования является сложным и многогранным, его эффективность напрямую зависит от компетентности

и законодателя, и интерпретатора. Кроме того, такие факторы, как уровень образования, профессионализма субъектов толкования, особенности правовой ситуации, а также специфика интерпретируемых норм могут привести к возникновению различных проблем теоретического и практического характера, в отдельных случаях – даже к интерпретационным ошибкам. Исследование их природы, безусловно, небезынтересно для законодателя, толкователя, правоприменителя и адресата норм-предписаний. В первом случае, имея представление об ошибках толкования, законодатель должен остерегаться причин их появления в правотворческом процессе, во втором – зная о проблемах в процессе интерпретационной деятельности, ее субъект вынужден стремиться избежать некорректного толкования. Следует согласиться с А. В. Малько в том, что именно нормативный «правовой акт выступает основой, в частности, для интерпретационных актов. Поэтому ошибки, допущенные в правотворческом процессе при принятии нормативного правового акта, с неизбежностью влекут за собой ошибки в правоприменении, толковании, автономном регулировании» [6, с. 138].

Сложность процесса толкования сводится также к тому, что фактически интерпретатор, анализируя смысл нормы права, должен посредством мыслительной деятельности воссоздать истинную волю законодателя, заложенную в самой процедуре правотворчества. Таким образом, можно вести речь о том, что одной из проблем в интерпретационной деятельности являются ошибки, возникающие в процессе толкования. Под интерпретационной ошибкой предлагается понимать частичное или полное отступление от правил толкования, что сказывается на конечном результате и не соответствует истинному смыслу нормы права, заложенной в ней воле законодателя. Ошибки толкования могут быть классифицированы на правотворческие, правоприменительные, интерпретационные и доктринальные, каждая из которых влечет за собой негативные последствия. Так, интерпретационная ошибка в большинстве случаев носит субъективный характер, а следовательно, по форме вины можно выделять умышленные и неосторожные ошибки, возникающие как результат отступления от правил интерпретации. Виды интерпретационных ошибок зависят от нарушаемого или

неиспользуемого правила. Соответственно, можно выделить ошибки, возникающие при использовании грамматического, логического, систематического, исторического, функционального и других способов толкования [7], а также ошибки толкования по объему, связанные с необоснованным ограничительным или, напротив, распространительным толкованием. Опасаясь такого рода ошибок, следует устанавливать определенные ограничения на безосновательное расширительное или ограничительное толкование. Важно отметить, что классифицировать ошибки в актах толкования необходимо, следуя логике толкования, на допущенные при уяснении познания смысла толкуемой нормы и умышленно искажающие государственную волю законодателя в форме порозьяснительного произвола.

Указанные ошибки имеют место в актах официального и неофициального толкования. Зачастую вследствие различного рода субъективных причин ошибки актов неофициального профессионального толкования на практике носят разовый характер. Например, адвокат разъясняет право гражданина на жилище, но о порядке его получения умалчивает, а гражданин в местной администрации требует реализации права на жилище немедленно. Ошибка в толковании закона просматривается в двух вариантах. Во-первых, интерпретатором не полностью уясняется смысл закона, а во-вторых, некачественно разъясняется порядок его реализации. Это свидетельствует о важности исследования проблемы ошибок в неофициальном компетентном толковании. На наш взгляд, причинами, порождающими ошибки в неофициальном профессиональном толковании, являются: игнорирование или отступление интерпретатором от основных правил толкования, неправильное уяснение и разъяснение смысла нормы права, поверхностное изучение всех обстоятельств казуса и т. д. В этом случае неправильность умозаключения ведет к недостоверности разъяснения его смысла и в конечном счете – к нарушению реализации норм права.

Еще одна разновидность ошибок, встречающихся в актах неофициального профессионального толкования, образуется в тех случаях, когда норма права уже утратила силу или не вступила в законную юридическую силу или когда интерпретатор не имеет высокой квалификации в области права. Очевидно, что такие ошибки носят скрытый характер.

Обнаружить и способствовать их устранению могут лишь другие участники неофициального профессионального или официального толкования.

Особенность ошибок в актах неофициального профессионального толкования состоит в том, что они порождают неблагоприятные последствия не только в отношении авторитета интерпретатора, характеризуя его некомпетентный подход к толкованию нормы права, но и в отношении субъекта права, которому подобное толкование создает препятствия в реализации его прав.

Неофициальное толкование носит необязательный юридический характер, следовательно, ошибка в акте толкования направлена против самого интерпретатора, порождая определенный риск для его профессионального авторитета. В то же время выявленная ошибка дает возможность интерпретатору лично ее устранить. Следует полагать, что ошибки в акте неофициального профессионального толкования в большей степени являются случайностью для сферы, в которой толкованием занимаются юристы. Ошибки, как правило, становятся следствием познавательного процесса, связанного с трудностями правовой ситуации в стране (обилием противоречащих друг другу нормативных актов), а также противоречий экономического, социального, культурного порядка.

Зачастую вопросы возникают при использовании интерпретатором грамматического способа толкования норм права, содержащих в текстуальном выражении соединительные или разделительные союзы «и» и «или». Для правильного понимания оригинального смысла, например нормы-предписания, важную роль приобретает не только уточнение места и значения союзов в предложении, но и знаков препинания. Необходимо устанавливать правильное значение разделительных и соединительных союзов, содержащихся в правовой норме. Употребление законодателем этих союзов в разной очередности при текстуальном оформлении норм права, их насыщенность требуют четкого представления о выполняемых ими функциях. В частности, для уяснения смысла и содержания ч. 1 ст. 205.4 Уголовного кодекса Российской Федерации требуется высокий уровень профессиональной квалификации, поскольку помимо обилия соединительных и разделительных союзов диспозиция содержит значительное количество ссылочных

статей, что, безусловно, затрудняет ее интерпретацию [8].

Кроме того, например, буквальное толкование может привести к неоднозначности понимания нормы. В качестве иллюстрации можно привести положение ч. 1 ст. 59 Конституции Российской Федерации «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [9]. Гражданами Российской Федерации являются лица как мужского, так и женского пола (ч. 2 ст. 6 Конституции РФ), следовательно, при буквальном толковании указанной нормы права защита Отечества является долгом и обязанностью лиц женского пола. В реальности при системном толковании с учетом норм права Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в ред. от 26.07.2017) «О воинской обязанности и военной службе» интерпретатор делает вывод о том, что воинскому учету не подлежат граждане женского пола, за исключением лиц, имеющих военно-учетные специальности [10].

Как показывает анализ судебной практики, отдельные ошибки, например в квалификации преступлений, стали следствием непонимания правоприменителем субъективных признаков составов преступлений. «Из всего числа отмененных и измененных приговоров областных судов и определений кассационных инстанций около 21 % были отменены или изменены из-за неправильного определения признаков субъективной стороны» [11]. Доказательством вышеизложенного является и тот факт, что Верховный Суд Российской Федерации уделяет пристальное внимание интерпретационной деятельности.

Однако иногда встречаются ошибки, связанные с отсутствием системного способа толкования, когда норма права интерпретируется буквально, в то время как при системном подходе сужается объем нормы-предписания. В качестве примера можно привести статью 34 Семейного кодекса Российской Федерации «Совместная собственность супругов», к которой относятся «доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения

здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства» [12]. Однако профессиональный или доктринальный интерпретатор, используя системный способ толкования норм права, из этого перечня исключит следующее: «Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, является его собственностью, в том числе вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный одним из супругов, принадлежит автору такого результата» [12].

Таким образом, при толковании необходимо использовать все его способы в совокупности для того, чтобы направить интеллектуально-мыслительный процесс интерпретатора на понимание и разъяснение истинного смысла нормы права, заложенного в нее законодателем.

Процесс толкования призван обеспечить полную и всестороннюю реализацию норм права в деятельности всех правоприменительных органов. При отсутствии такого комплексного подхода к интерпретируемой норме вероятность возникновения ошибок возрастает. Соответственно, интерпретационная деятельность содействует единообразному пониманию и применению норм права и оказывает влияние на состояние законности и правопорядка в обществе.

Необходимость толкования права обусловлена действием ряда причин, носящих как объективный (природа права), так и субъективный характер (несовершенство законодательства, специфика текста нормативных правовых актов и прочее). Уровень качества интерпретационной деятельности находится в прямой зависимости от умений и навыков

использования научно обоснованных приемов и способов толкования права.

Сложность и многогранность данного процесса выражается в классификации видов толкования права: по субъекту, его осуществляющему, степени обязательности результата толкования (официальное и неофициальное) и объему – соотношению смысла, или духа, нормы с ее текстуальным выражением, или буквой (буквальное, распространительное, ограничительное).

Акты толкования права, представляющие собой результат интерпретационной деятельности, имеют большое значение в механизме правового регулирования, в котором они наряду с нормативным и правовыми актами и актами применения права позволяют обеспечить адекватное воздействие правовых предписаний на общественные отношения, проецировать волю законодателя на фактическое поведение субъектов права.

В числе проблем интерпретации норм действующего законодательства можно выделить такие, как:

- искажение критериев правильности и истинности толкования;
- ошибки, совершаемые в процессе толкования права;
- несформированность навыков владения приемами и способами толкования права и отсутствие их сочетания.

В первом случае решение видится в научно обоснованном подходе к определению правильности, истинности толкования. Вторая и третья проблемы носят исключительно субъективный характер и всецело зависят от умений и навыков интерпретатора, его способности грамотно сочетать различные способы толкования права на стадии определения смысла толкуемой нормы, что позволит избежать праворазъяснительного произвола, в результате которого всегда деформируется государственная воля законодателя.

Безусловно, эффективность толкования зависит и от уровня правосознания толкователя. При этом чем выше уровень правосознания профессиональных или доктринальных интерпретаторов правовых норм, тем больше возможностей для реализации прав и свобод личности.

Профессионализм толкователей во многом определяет качество праворазъяснительной работы, понимание действительного смысла правовых норм, а значит, и точное выполнение их предписаний.

Литература

1. Сокуро Л. В. Неофициальное толкование норм права: учеб. пособие. М., 2000.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2.
3. Воппенко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
4. Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1998.
5. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972.
6. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003.
7. Виды юридических ошибок. URL: https://studopedia.ru/17_132625_vidi-yuridicheskikh-oshibok.html
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон Рос. Федерации от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в ред. от 26.07.2017) // Рос. газ. 1998. № 63, 64.
11. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 янв. 2007 г. № 2 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 4.
12. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 01.05.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Bibliography

1. Socuro L. V. Informal interpretation of the law: study guide. Moscow, 2000.
2. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow, 1982. Vol. 2.
3. Voplenko N. N. The official interpretation of the law. Moscow, 1976.
4. The law: creation and interpretation / ed. by A. S. Pigolkin. Moscow, 1998.
5. Lazarev V. V. Application of Soviet law. Kazan, 1972.
6. The Russian legal policy: course of lectures / ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko. Moscow, 2003.
7. Types of legal errors. URL: https://studopedia.ru/17_132625_vidi-yuridicheskikh-oshibok.html
8. The Criminal code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 29.07.2017) (rev. and ext., joined. in force 26.08.2017) // Collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKL, from 30.12.2008 № 7-FKL, from 05.02.2014 № 2-FKL, from 21.07.2014 № 11-FKL) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
10. Concerning Military Duty and Military Service: Federal Law of the Russian Federation of 28.03.1998 № 53-FL (ed. from 26.07.2017) // Russian newspaper. 1998. № 63, 64.
11. About practice of appointment by courts of the Russian Federation of criminal punishment: resolution of Plenum of the Supreme court of the Russian Federation from January 11, 2007 № 2 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 4.
12. Family code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated 29.12.1995 № 223-FL. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985.7 : 343.37
ББК 67.52

© 2017 г. К. А. Плясов,

начальник Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: rui@mvd.ru

КОМПЛЕКСНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ГИПОТЕЗА И НАУЧНЫЕ ФАКТЫ

В статье анализируются явления и процессы, обусловленные преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, а также криминалистическая познавательная ситуация, вызванная необходимостью обновления и пересмотра конфигураций научного исследования, одной из которых является гипотеза. Автор раскрывает содержание и особенности механизма выдвижения гипотезы комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, гипотеза, научные факты, комплексная методика расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

К. А. Plyasov – Head of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

COMPLEX CRIMINALISTIC TECHNIQUE OF INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY: HYPOTHESIS AND SCIENTIFIC FACTS

The article analyzes the phenomena and processes conditioned by crimes in the sphere of foreign economic activity, as well as the forensic cognitive situation caused by the need to update and revise the configurations of scientific research, one of which is the hypothesis. The author reveals the content and peculiarities of the mechanism for the hypothesis of a comprehensive methodology for investigating crimes in the sphere of foreign economic activity.

Key words: criminalistics, hypothesis, scientific facts, complex methodology of investigating crimes in the sphere of foreign economic activity.

Процессы глобализации в современном мироустройстве и угрозы экономической безопасности Российской Федерации [1, с. 128–134], качественные изменения преступности в сфере внешнеэкономической деятельности [2, с. 80–84], организованное противодействие расследованию таких преступлений [3, с. 186–191], отсутствие комплексных систем криминалистических рекомендаций для правоприменительных органов [4, с. 3–10] указывают на актуальность и практическую значимость нашего исследования.

Развитие криминалистики свидетельствует о том, что для познания явлений и процессов с целью дальнейшего извлечения и объяснения выявленных закономерностей объективной действительности достаточно часто используется гипотетический метод познания. При выдвижении научно обоснованных предположений они преобразуются в гипотезы, а при проверке и подтверждении – перерастают в криминалистиче-

ские теории и системы знаний различных уровней.

К проблемам расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности и построения гипотез в криминалистике в своих работах обращались такие ученые, как: В. Н. Андриянов, А. С. Андреев, А. В. Варданын, Р. С. Белкин, Ю. П. Гармаев, В. А. Жбанков, С. П. Жданов, С. С. Кулид, И. М. Комаров, А. А. Подопригора, В. Ф. Щербаков, Ф. Г. Шахкелдов, Н. П. Яблоков и другие. Вместе с тем вопросы формирования комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, как и гипотезы, на уровне самостоятельного монографического исследования ранее практически не поднимались, некоторые из них частично затронуты в диссертационной и последующих работах Ю. П. Гармаева [5, с. 64–67].

Так, И. М. Комаров отмечает, что на современном этапе развития криминалистической мысли «опубликовано много работ, где

авторы обосновывали свои взгляды на актуальные вопросы расследования и предотвращения преступлений, результаты таких исследований эффективней и выше в случае их обоснования в соответствии с устоявшейся научной методологией» [6, с. 84–87].

В основе возникновения и развития системы криминалистических знаний лежит гипотеза, которая может превратиться в комплексную методику расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, базирующуюся на тех или иных научных фактах. При этом особое внимание должно уделяться рассмотрению совокупности вопросов о гипотезе, то есть о форме, определяющей содержание криминалистического познания таких закономерностей, как, с одной стороны, преступная деятельность, а с другой – раскрытие, расследование преступлений и основанные на таком познании криминалистические средства, приемы и методы.

Гипотеза представляет собой первоначальный этап познания криминалистической системы знаний, теорий и учений. Подтверждение гипотезы есть переход к решению новой познавательной научной ситуации. Гипотеза – категория философии и науковедения.

Как отмечают ряд ученых, гипотезы создаваемых частных криминалистических теорий и учений, систем знаний должны соответствовать следующим требованиям:

а) выступать как предположения для объяснения фактов, которые не укладываются в имеющиеся частные теории (учения) и (или) теорию криминалистики, и предполагать наличие непознанных закономерностей объективной действительности;

б) включать в себя предположительные знания о явлениях, процессах и их закономерностях, изучаемых криминалистикой;

в) быть проверяемыми (верифицируемыми);

г) содержать элементы научной новизны [7, с. 4–14; 8, с. 24–28].

На наш взгляд, не только цель, но и научные факты должны быть положены в основу гипотезы исследования комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Под фактом следует понимать объективное явление и определенные элементы познавательной деятельности человека. Гипотеза исследования представляет собой предположение об изменении модели прошлого к моделям будущего, построенное на фактах. К научным фактам как основе для гипотезы комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности можно отнести:

– преступную деятельность и деятельность, направленную на ее раскрытие и расследование, существующие как явление объективной действительности;

– способы раскрытия и расследования преступлений;

– ситуации, возникающие при раскрытии и расследовании преступлений, повторяющиеся и типичные по своему содержанию;

– преступную деятельность, которая неизбежно отражается в объективной действительности;

– актуальность разработки криминалистических средств борьбы с преступлениями;

– закономерности в механизме преступлений;

– особенности возникновения информации о преступлениях в сфере внешнеэкономической деятельности и их участниках;

– закономерности в развитии следственных ситуаций;

– наличие частных методик расследования отдельных видов преступлений.

В процессе исследования выявляются закономерности преступной деятельности или их тенденций в историческом генезисе, которые позволяют обоснованно судить о наличии оснований и предпосылок для возникновения комплексных методико-криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Комплексная методика расследования преступлений в данной сфере представляет собой информационную модель, реализующую совокупность криминалистических признаков и свойств, характеризующих преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, для криминалистических рекомендаций по их расследованию на первоначальном и последующих этапах.

Объектом комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности является криминалистическая и процессуальная деятельность следователя, дознавателя, органа дознания, прокурора по раскрытию и расследованию этих преступлений. Как справедливо указывают А. В. Варданян и О. П. Грибунов [9, с. 23–25], процесс формирования концепции методико-криминалистического обеспечения расследования имеет давнюю историю, однако в настоящий момент остается нерешенным значительное количество вопросов, при этом универсальность методико-криминалистических рекомендаций «должна быть обусловлена наиболее оптимальной структурой и эффективностью средств и методов, направленных на выявление, раскрытие и расследова-

ние преступлений» [10, с. 72–77; 11, с. 32–39; 12, с. 106–109; 13, с. 250–258].

Ю. П. Гармаев одним из первых среди авторов при изучении основ формирования методик расследования преступлений стал использовать гипотетический метод и построил гипотезу исследования. С его точки зрения, главная гипотеза, выдвинутая в соответствии с целью исследования, состоит в том, что формирование криминалистических методик расследования преступлений может быть реализовано в рамках целостной теоретико-методологической программы. Ю. П. Гармаев в экспериментальной части своего диссертационного исследования заложил фундаментальные основы методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности [14, с. 342].

Таким образом, модернизация существующих частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений и разработка новых с учетом современных процессов глобализации и развития на-

учно-технического прогресса приводят к созданию такой системы криминалистических знаний, как комплексная методика расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности [15, с. 11–18; 16, с. 150–155; 17, с. 88–101].

При этом имеющиеся научные факты позволяют выдвинуть гипотезу о том, что наличие теоретических, методологических, гносеологических, прикладных основ для формирования, как и непосредственно создание, комплексной методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, которая представляет собой информационную модель реализации совокупности криминалистических признаков и свойств, характеризующих данную группу преступлений, способны повысить эффективность и качество деятельности следователей, дознавателей, органов дознания, прокуроров и в целом повлиять на развитие криминалистики.

Литература

1. Мешков С. А., Саяпин А. В. Глобализация как концептуальная основа доктрины экономической безопасности в сфере земельных отношений // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11.

2. Анисимов О. Е. Практика легализации результатов оперативно-розыскной деятельности таможенных органов при расследовании преступлений во внешнеэкономической сфере // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2006. № 7.

3. Тишутина И. В. Становление и развитие частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические и правовые исследования. 2011. № 3.

4. Варданыан А. В., Плясов К. А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2.

5. Андриянов В. Н., Гармаев Ю. П. Современный подход к разработке методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Сибир. юрид. вестн. 2003. № 1.

6. Комаров И. М., Тонков Е. Е. Базовые основы теоретических построений в криминалистике // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217).

Bibliography

1. Meshkov S. A., Sayapin A. V. Globalization as a conceptual basis of the doctrine of economic security in the sphere of land relations // Socio-economic phenomena and processes. 2014. № 11.

2. Anisimov O. E. Practice of legalization of the results of operative-search activity of customs bodies in the investigation of crimes in the foreign economic sphere // Vestnik Cherepovets State University. 2006. № 7.

3. Tishutina I. V. Formation and development of a private criminalistic theory of overcoming the counteraction to investigation // Bulletin of the Tyumen State University. Series: Socio-economic and legal research. 2011. № 3.

4. Vardanyan A. V., Plyasov K. A. Powers of inquiry bodies as subjects of investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity // Izvestiya of Tula State University. Series: Economic and legal sciences. 2017. № 1-2.

5. Andrianov V. N., Garmaev Yu. P. Modern approach to the development of methods for investigating crimes in the sphere of foreign economic activity // Siberian legal bulletin. 2003. № 1.

6. Komarov I. M., Tonkov E. E. Basic bases of theoretical constructions in criminalistics // Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2015. № 20 (217).

7. Andreev A. S. Elements of the post-criminal behavior of persons connected with criminal activi-

7. Andreev A. S. Elements of post-criminal behavior of persons connected with criminal activities (by the example of criminal cases of murders investigated in the Rostov region) // Contemporary Problems of Social Work. 2015. Vol. 1, № 3.
8. Андреев А. С. Общая гипотеза криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2.
9. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2017. № 2 (81).
10. Варданян А. В., Айвазова О. В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Тр. Акад. управления МВД России. 2017. № 1 (41).
11. Варданян А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2017. № 3 (82).
12. Варданян А. А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46).
13. Варданян Г. А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2.
14. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
15. Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как объекты криминалистического исследования: обзор, прогнозы, проблемы // Проблемы развития современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015.
16. Андреев А. С. Криминалистическая идентификация и посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью: состояние и перспективы исследований // Актуальные проблемы современной науки в XXI веке: сб. матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2015.
17. Андреев А. С. Обзор и анализ статей научной криминалистической школы // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Уфа, 2016.
- ties (by the example of criminal cases of murders in the Rostov region) // Contemporary Problems of Social Work. 2015. Vol. 1, № 3.
8. Andreev A. S. General hypothesis of the criminalistic doctrine of the postcriminal behavior of persons associated with criminal activity // Izvestiya Tula State University. Series: Economic and legal sciences. 2015. № 2-2.
9. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. The modern doctrine of methodological and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Vestnik East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (81).
10. Vardanyan A. V., Aivazova O. V. Job crimes in the sphere of economics as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (41).
11. Vardanyan A. V. Report on a committed or preparing crime, obtained from other sources, as an excuse for initiating a criminal case: historical and contemporary problems of its implementation // Vestnik East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (82).
12. Vardanyan A. A. Crimes related to human trafficking, in the context of the tendency of globalization of unlawful encroachments on freedom, honor and dignity of the individual // Philosophy of Law. 2011. № 3 (46).
13. Vardanyan G. A. Crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market as an object of criminalistics // Izvestiya of the Tula State University. Series: Economic and legal sciences. 2016. № 1-2.
14. Garmaev Yu. P. Theoretical basis for the formation of criminalistic methods of investigating crimes: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2003.
15. Andreev A. S. Unmanned aerial vehicles as objects of forensic research: review, forecasts, problems // Problems of the development of modern science: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2015.
16. Andreev A. S. Criminalistic identification and postcriminal behavior of persons associated with criminal activity: the state and prospects of research // Actual problems of modern science in the 21st century: collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, 2015.
17. Andreev A. S. Review and analysis of articles of the scientific criminalistic school // The interaction of science and society: problems and perspectives: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: in 3 vol. Ufa, 2016.

© 2017 г. А. В. Ендольцева,

профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России доктор юридических наук,
профессор.
E-mail: allaend65@rambler.ru

ПРАВООХРАНА И ПРАВОЗАЩИТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье через соотношение понятий «правоохранительная» и «правозащитная деятельность», «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ) рассмотрены элементы правоохраны и правозащиты в деятельности органов предварительного расследования. Проанализированы правовые гарантии, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, защиты прав и свобод потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Представлены положения уголовно-процессуального закона, свидетельствующие о правоохранительной деятельности следователя и дознавателя, направленные на охрану прав и свобод человека и гражданина, а также на охрану публичного интереса.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека и гражданина, функции правоохраны и правозащиты, правоохранительная деятельность, правозащитная деятельность, правоприменительная деятельность, защита прав и свобод, охрана прав и свобод, охрана публичных интересов, органы предварительного расследования, назначение уголовного судопроизводства, правовые гарантии, процессуальные полномочия, уголовное преследование, предупреждение новых преступлений.

A. V. Endoltseva – Professor, Department of Legal Foundations of Administration, the MGIMO MFA Russia, Doctor of Law, Professor.

LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS IN ACTIVITY OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION

In this article, using the ratio of the concepts «law enforcement» and «human rights activities», «purpose of criminal proceedings» (article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation) the elements of law enforcement and human rights protection in the activities of preliminary investigation bodies are examined. Legal guarantees provided in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, rights and freedoms protection of crime victims, protection of individuals from illegal and unwarranted accusation, conviction and restriction of rights and freedoms are analyzed. The provisions of the criminal procedure law on law enforcement of the investigator and the inquiry officer aimed at protecting the rights and freedoms of a person and citizen, as well as public interest, are presented.

Key words: protection of rights and freedoms of a person and citizen, the functions of law enforcement and human rights protection, human rights protection activity, law enforcement activity, protection of rights and freedoms, rights and freedoms defense, public interest protection, preliminary investigation bodies, criminal procedure, legal guaranties, procedural powers, prosecution, new crimes prevention.

В демократическом правовом государстве «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Права и свободы человека и гражданина определяют «смысл, содержание и применение законов, а также регламентируют деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Вместе с тем «осуществление прав и свобод каждого отдельного человека не должно нарушать

прав и свобод других лиц, членов общества» (ст. 17, 18 Конституции РФ). Из этих конституционных предписаний возникает смысл и содержание как правозащитной функции государства, так и правоохранительной.

Несмотря на то, что правоохрана и правозащита в той или иной мере присущи всем органам публичной власти, государство создает и специализированные органы для непосредственного решения задач охраны правопорядка, защиты человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз, а также защиты нарушенных прав и за-

конных интересов физических и юридических лиц. При этом для одних органов (правоохранительных) первоочередной является правоохранительная деятельность, а для других (адвокатура, нотариат) – правозащитная, хотя во многих случаях правоохранительная и правозащитная деятельность взаимосвязаны и взаимодополняемы, что дает основания некоторым авторам для их отождествления [1].

Во многих научных и учебных источниках правоохранительная и правозащитная деятельность рассматривается в широком и в узком смыслах. Мы с этим полностью согласны и кратко представим такое понимание для последующего рассмотрения обозначенного вопроса: имеются ли в деятельности органов предварительного расследования, выполняющих функцию уголовно-процессуального обвинения, полномочия, связанные как с правоохраной, так и правозащитой?

В узком смысле правоохранительную деятельность можно определить как деятельность, направленную на охрану и обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства, охрану прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов от преступных и иных противоправных посягательств, которая осуществляется компетентными в данной сфере государственными органами и должностными лицами на основании закона и с учетом установленной в законе процедуры с возможностью применения мер государственно-правового принуждения к правонарушителям. Указанные задачи правоохранительной деятельности, взаимосвязанные и взаимообусловленные, достигаются как путем предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия преступлений и иных правонарушений, правосудия, судебной и уголовно-исполнительной деятельности, так и посредством судебного, в том числе конституционного, контроля, прокурорского надзора, направленных на охрану прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, публичных интересов от их возможных нарушений, а также от необоснованного привлечения лиц к юридической ответственности.

В широком смысле слова правоохранительная деятельность, как указывают авторы, нацелена на решение и иных задач, например: «формирование правового режима, не допускающего совершения противоправных

деяний и обеспечивающего их выявление с помощью различных контрольно-надзорных проверок, удостоверение фактов совершения юридически значимых действий или наличия (отсутствия) события» [2].

Правозащитной в узком смысле слова является деятельность, направленная на оказание правовой помощи гражданам с обеспечением им доступа к правосудию и восстановлением их нарушенных прав. В полной мере правозащитными функциями, как отмечается в научной литературе, обладают адвокатура и нотариат. Особое место здесь принадлежит и правозащитным организациям, под общественным контролем которых находится деятельность государственных органов и их должностных лиц, когда в результате принятых ими решений, бездействия или необоснованных, неправомерных действий создаются препятствия для осуществления человеком своих прав и свобод, нарушаются его права и свободы, а также когда он незаконно привлекается к ответственности.

Широкое понимание правозащитной деятельности позволяет включить в число правозащитных субъектов и органы публичной власти, а также такие государственные институты, как прокуратура, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, чья деятельность представляет собой внесудебный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина. Специфика прокурорской деятельности заключается в том, что прокурор, не обладая возможностью применения мер государственного принуждения, процессуальными средствами побуждает должностных и иных лиц исполнять закон, прекратить его нарушение, устранить причины и условия правонарушений, привлечь виновных к ответственности в соответствии с российским законодательством. Прокурорами при осуществлении всех направлений их деятельности реализуются функции правозащиты и правоохраны. Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» учреждена в целях «обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами». При этом судеб-

ный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина определен в Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ч. 1 ст. 46).

Анализируя соотношение понятий «правоохранительная» и «правозащитная деятельность», следует отметить, что, по мнению авторов, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [3]. Основное (но не единственное) их отличие заключается в том, что правоохранительная деятельность подразумевает работу специально уполномоченных государственных органов прежде всего по предупреждению правонарушений, а правозащитная – возникает по поводу нарушенных или оспоренных прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Рассмотрим также соотношение правоохраны и правозащиты с правоприменительной деятельностью. В общей теории государства и права достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой правоохранительная деятельность является разновидностью правоприменительной. Отметим, что далеко не всегда охрана прав, свобод и законных интересов осуществляется в порядке применения права. Охрана права направлена, прежде всего, на предупреждение, выявление правонарушений, возможных в ходе использования человеком своих субъективных прав или ненадлежащего исполнения обязанностей, вытекающих из предписаний правовых норм. При этом защита всегда реализуется в форме правоприменения, поскольку осуществляется правовыми способами, направленными на восстановление уже нарушенных прав. Отсюда можно сделать вывод о том, что правоохранительная деятельность не всегда совпадает с правоприменительной. В то же время когда охрана права осуществляется в форме правоприменения, она предполагает реализацию мер защиты нарушенных прав, а также мер по их восстановлению. Следует иметь в виду, что «есть опасность любую правоохранительную деятельность считать деятельностью по защите прав человека... Однако при таком подходе хорошо будут защищены разве что права государственных чиновников, ведущих борьбу за права человека» [4].

Одним из направлений правоохранительной деятельности, которая реализуется через

правоприменение, выступает предварительное расследование преступлений. Нормативными источниками такой деятельности являются уголовный закон, обеспечивающий регулятивные и охранительные функции права, и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее процедуру применения норм материального права.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон определил назначение уголовного судопроизводства через правозащитную деятельность органов и должностных лиц, его осуществляющих. Положения статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Таким образом, закон связывает назначение уголовного судопроизводства с защитой основных ценностей, к которым относятся, прежде всего, права человека, что соответствует стандартам, содержащимся в Конституции РФ и международных правовых документах.

Соглашаясь с мнением законодателя, отметим, что имеется и иная точка зрения, импонирующая нам в большей мере: «...определение задач уголовного процесса исключительно на защите прав и законных интересов личности не учитывает тех государственных задач, которые не могут не присутствовать в такой области публичного права, как уголовно-процессуальное право, и регулируемом им уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс не может выполнить своих задач, не учитывая задач уголовного права» [5], по сути своей являющегося публичным правом, главным критерием которого выступает публичный интерес, а «его соблюдение должно обеспечить устойчивость организации власти и ее институтов, нормальное функционирование правовых механизмов, обеспечение безопасности государства, защиту его интересов за рубежом и т. д.» [6].

Следовательно, правозащитная деятельность органов предварительного расследования, реализуемая через правоприменение, должна обеспечить как защиту прав и свобод личности, вовлеченной в уголовный процесс, так и публичных интересов общества и государства от совершенных преступных посягательств. С точки зрения уголовного права это «восстановление социальной справедливости» (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Однако, осуществляя обозначенные правозащитные функции, органы предварительного расследования выполняют и функции правоохраны, обеспечивая своей правоприменительной деятельностью законность и правопорядок в Российском государстве, охрану прав и свобод человека, а также публичных интересов, предупреждая их возможное нарушение в период производства по уголовному делу и даже после него. Важным условием эффективной деятельности органов предварительного расследования и в том и в ином направлении являются правовые гарантии реализации ими своих функций, нормативно закрепленные их процессуальные полномочия в рамках правозащиты и правоохраны.

Защита прав и свобод потерпевших от преступлений обеспечивается, как известно, путем процессуальной деятельности стороны обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). При этом уголовное преследование должно осуществляться, во-первых, при соблюдении прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, а во-вторых, с обеспечением права потерпевшего на участие в уголовном преследовании обвиняемого (ст. 22 УПК РФ).

С этой точки зрения следует выделить ряд полномочий органов предварительного расследования, которые являются правовыми гарантиями реализации ими правозащитной функции, обозначенной законодателем в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ: рассмотрение и разрешение заявления о преступлении с сообщением заявителю о принятом решении и разъяснением его права обжаловать данное решение и порядка обжалования (ч. 2 ст. 145 УПК РФ); отказ в возбуждении уголовного дела при отсутствии заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе, как по его заявлению (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), за

исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ; получение показаний потерпевшего путем допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний (гл. 26 УПК РФ); приобщение к уголовному делу в качестве вещественных доказательств письменных документов и предметов, представленных потерпевшим (ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 81 УПК РФ); рассмотрение и разрешение ходатайств, заявленных потерпевшим, и доведение до его сведения решения по ходатайству (гл. 15 УПК РФ); допуск к участию в уголовном деле представителей потерпевшего (ст. 45 УПК РФ); обеспечение права потерпевшего давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, а также права бесплатно пользоваться помощью переводчика (ст. 18 УПК РФ); обеспечение возмещения имущественного вреда, причиненного потерпевшему преступлением, в том числе посредством приобщения к уголовному делу предъявленного гражданского иска (ст. 44 УПК РФ), наложением ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); обеспечение возмещения потерпевшему расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования (ст. 131, ч. 5 ст. 220 УПК РФ); направление или вручение потерпевшему копии постановления о прекращении уголовного дела (ч. 4 ст. 213 УПК РФ); ознакомление потерпевшего по его ходатайству с материалами уголовного дела по окончании производства по делу (ст. 216 УПК РФ).

В ст. 42 УПК РФ, в которую многократно вносились изменения и дополнения, способствующие расширению объема процессуальных прав потерпевшего, как известно, закреплена правовая статус данного участника уголовного судопроизводства. Однако далеко не во всех нормах, регламентирующих те или иные уголовно-процессуальные институты, напрямую связанные с реализацией потерпевшим своих прав, порядок их осуществления определен. В соответствии с п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший имеет право получать копии постановлений по принятым процессуальным решениям, затрагивающим его права. Однако в ч. 2 ст. 145 УПК РФ, как выше отмечалось, закреплена лишь обязанность сообщить заявителю о принятом решении (форма сообщения не регламентирована); в ст. 209 УПК РФ указано лишь об уведомлении потерпевшего о приостановлении предварительного следствия (форма уведомления не регламентирована); в статьях гла-

вы 23 Уголовно-процессуального кодекса РФ не закреплена обязанность следователя направлять или вручать потерпевшему копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого или каким-то иным образом информировать его о сущности обвинения. Согласно п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший имеет право знакомиться с материалами уголовного дела не только по окончании предварительного расследования, но и в случаях, когда производство по нему прекращается, однако в гл. 29 УПК РФ не регламентирован порядок ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела в случае его прекращения.

Таким образом, для того чтобы получить копию постановления следователя (дознателя) с решением, затрагивающим интересы потерпевшего, последнему в вышеуказанных случаях необходимо заявить об этом ходатайство, так же как и об ознакомлении с материалами уголовного дела в случае его прекращения. Однако представляется, что в первом случае все же целесообразно в соответствующих нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ обязать следователя (дознателя) направлять или вручать копии постановлений, указанных в п. 13 ч. 2 ст. 42, как это сделано законодателем в ч. 4 ст. 213; во втором – в гл. 29 УПК РФ нормативно закрепить порядок ознакомления потерпевшего по его ходатайству с материалами прекращенного уголовного дела.

Что касается вопросов защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, напомним, что деятельность органов предварительного расследования несет в себе прежде всего обвинительный уклон. Поэтому здесь защита личности, осуществляемая следователем и дознавателем посредством правоприменения, дополняется как самозащитой подозреваемого и обвиняемого, так и деятельностью их защитника, а если подозреваемый и обвиняемый являются несовершеннолетними, то и их законных представителей (ч. 1 ст. 16 УПК РФ).

В рассматриваемом направлении уголовно-процессуальный закон закрепил различные механизмы, выступающие правовыми гарантиями реализации органами предварительного расследования положений п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ: обеспечение следователем, дознавателем возможности

подозреваемому, обвиняемому защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом способами и средствами (ч. 2 ст. 16 УПК РФ), обеспечение в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, обязательного участия защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 16 УПК РФ). Это также нормативное установление оснований и порядка применения мер процессуального принуждения (разд. IV УПК РФ), оснований и порядка проведения следственных действий (ст. 164–170, гл. 25–27 УПК РФ). Важными инструментами реализации следователем и дознавателем положений п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, которые, конечно же, нельзя не отметить, являются контроль со стороны руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурорский надзор и, наконец, судебный контроль. Очевидно, что установление такого, можно сказать, тройного контроля, вызвано созданием надлежащих гарантий законности расследования, в том числе правомерности ограничения конституционных прав и свобод подозреваемого и обвиняемого.

Вместе с тем, по мнению прокуроров, должностными лицами органов предварительного расследования нередко нарушаются права подозреваемых, обвиняемых, включая провозглашенные Конституцией РФ (право на защиту, право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников), продолжают поступать необоснованные ходатайства, возбуждаемые перед судом следователем, дознавателем об избрании меры пресечения ввиду заключения под стражу [7].

Рассматривая охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, следует прежде всего отметить положения ст. 11 УПК РФ, в которых закреплены правовые гарантии правоохранительной деятельности следователя, дознавателя (как и суда, и прокурора), направленные на предупреждение возможных правонарушений. Таковыми являются:

– во-первых, обязанность следователя и дознавателя разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и иным участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления данных прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Если человек знает

и понимает свои права, он нацелен на то, чтобы противостоять их нарушению, способствует их реализации, например посредством заявления ходатайств, имеет возможность обжаловать действия (бездействие) и решения должностных лиц. Понимание своих обязанностей и ответственности за их невыполнение является сдерживающим фактором, не позволяющим лицу нарушить права других людей;

– во-вторых, обязанность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, предупредить лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, согласившихся дать показания, о том, что их показания могут быть использованы в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 11 УПК РФ). Такая мера необходима, поскольку, с одной стороны, лицо может и не знать, что оно в силу ст. 51 Конституции РФ обладает свидетельским иммунитетом, такому лицу крайне важно понимать правовые последствия дачи свидетельских показаний, а с другой – это предупреждает случаи получения свидетельских показаний с нарушением конституционных предписаний. Возложение таких обязанностей на должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, свидетельствует об обеспечении государством реализации правоохранительной функции.

Важной правовой гарантией охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе выступает и институт обеспечения мер безопасности, применяемых в процессуальном порядке на основании ч. 3 ст. 11 УПК РФ, к потерпевшему, свидетелю и иному участнику уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам, которым угрожают убийством, применением насилия уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Целью применения мер безопасности является предупреждение новых преступлений, в которых жертвами могут стать участники уголовного судопроизводства в связи с расследуемым уголовным делом, а также профилактика совершения ими таких преступлений, как заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ).

В целях охраны публичных интересов общества и государства при производстве по уголовному делу подлежат выявлению обстоятельства, способствующие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Это положение свидетельствует о предупредительной деятельности органов предварительного расследования и, конечно, суда, а следовательно, о реализации ими функций правоохраны. При выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления, следует обращать внимание на те ситуации, явления, факты, которые не соответствуют действующему законодательству, противоречат нормам морали и нравственности, не обеспечивают защиту прав и свобод человека и гражданина. Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу такие обстоятельства, вправе вынести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

На предупреждение совершения подозреваемым, обвиняемым новых преступлений в период производства по уголовному делу направлено и применение мер процессуального принуждения (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). При этом трудно и бессмысленно говорить о следователе или дознавателе как о «правозащитнике» или «правоохранителе». Речь идет не о роли этих должностных лиц в рассматриваемой деятельности, а о задачах, реализуемых ими в соответствующих полномочиях.

Органы предварительного расследования, осуществляя уголовно-процессуальную функцию обвинения, посредством правоприменения обязаны защищать нарушенные права и свободы лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу в связи с совершением преступления, а также публичные интересы, обеспечивая законность при производстве по уголовному делу, охранять права физических и юридических лиц, а также публичные интересы от возможных преступных посягательств, реализуя в рамках правоохраны профилактическую составляющую процессуальной деятельности.

Литература

1. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009.
2. Каинов А. С. Правоохранительная и правозащитная деятельность: соотношение понятий // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2016. № 2 (25).
3. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
4. Радченко В. И. Судебная защита прав человека и гражданина в административных правоотношениях // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003.
5. Божьев В. П. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на формирование норм и институтов уголовно-процессуального права // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: матер. межвед. круглого стола / под ред. О. А. Галустяна, О. И. Цоколовой. М., 2003.
6. Теория государства и права: учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 2013.
7. Соловьев Б. А. Роль прокурорского надзора в соблюдении прав подозреваемого и обвиняемого при расследовании преступлений // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003.

Bibliography

1. Vitruk N. V. General theory of legal liability. Moscow, 2009.
2. Cainov A. S. Law enforcement and human rights activity: the ratio of concepts // Vector science TSU. Series: Law. 2016. № 2 (25).
3. Matuzov N. I. The legal system and personality. Saratov, 1987.
4. Radchenko V. I. Judicial protection of the rights of a person and citizen in the administrative legal relations // Human Rights in Russia and remedial activity of the state: the collection of materials of all-Russian scientific-practical conference. May 12, 2003 / ed. by O. A. Galustyan, V. N. Lopatina. St. Petersburg, 2003.
5. Bozhiev V. P. Influence of the Criminal code of the Russian Federation on the formation of norms and institutions of criminal procedural law // New criminal procedure law: theory and practice: proceedings of the interagency round table / ed. by O. A. Galustyan, O. I. Tsokolova. Moscow, 2003.
6. Theory of state and law: textbook / P. B. Engibaryan, Yu. K. Krasnov. 2nd edition, reviewed and added. Moscow, 2013.
7. Solovyov B. A. The role of prosecutorial supervision in ensuring that the rights of suspects and accused persons in the investigation of crimes // Human Rights in Russia and remedial activity of the state: the collection of materials of all-Russian scientific-practical conference, May 12, 2003 / ed. by V. N. Lopatin. St. Petersburg, 2003.

© 2017 г. А. В. Варданын,

начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.
Email: avardanyan@yandex.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется дефиниция понятия специалиста, регламентированная частью 1 статьи 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выделяется ряд ее недочетов, проявляющихся в несогласованности с положениями иных уголовно-процессуальных норм, регулирующих как общие вопросы осуществления процессуальных действий, так и непосредственные направления участия специалиста в уголовном процессе. Обращается внимание на неполное соответствие данной дефиниции типичным, наиболее распространенным в следственной практике, ситуациям участия указанного лица в следственных действиях невербальной природы. Автор предлагает внести изменения в определение понятия специалиста, используемое в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовные дела, специалист, специальные знания, следственные действия, осмотр места происшествия, следы.

A. V. Vardanyan – Head of Criminalistics and Operational Investigative Activity Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

DEBATING OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the definition of the concept of a specialist, regulated by part 1 of article 58 of the code of criminal procedure, highlighted a number of shortcomings, manifested in the inconsistency with the provisions of other rules of criminal procedure, governing both the General issues of due process and the immediate direction of the specialist's participation in the criminal process. Attention is drawn to the incomplete compliance of definitions of the concept of a specialist typical, the most common practice in the investigation of the situations of involvement of the specified person in the investigation of non-verbal nature. The author proposes to make changes in the definition of the concept of a specialist used in the domestic criminal process.

Key words: criminal proceedings, criminal proceedings, expert, expertise, investigations, crime scene examination, traces.

Современные тенденции преступности, такие как глобализация, коммерциализация, профессионализация, технизация [1, с. 106–109; 2, с. 45–49], актуализируют повышение роли специальных знаний в формировании стройной и непротиворечивой системы доказательств по уголовному делу. Концептуальные и прикладные вопросы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве всегда привлекали внимание научной общественности, регулярно выступая объектами научных дискуссий [3, с. 97–102]. Не остается в долгу и правоприменительная практика, генерирующая множество неоднозначных ситуаций, требующих переосмысления и верного разрешения [4, с. 56–60; 5, с. 40–47; 6, с. 35–39], особенно в условиях постсоветской модели уголовного процесса, предусматривающего принцип состязательности сторон [7, с. 5–8; 8, с. 11–16] как гарантии защиты прав и законных интересов лиц, под-

вергающихся уголовному преследованию. В рамках указанной глобальной и многогранной проблемы использования специальных знаний в доказывании обратимся к такому ее аспекту, как анализ определения понятия специалиста, регламентированного действующим процессуальным законодательством.

Уголовно-процессуальный закон представляет дефиницию понятия специалиста в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалистом является лицо, прежде всего, обладающее специальными знаниями, которое привлекается к участию в процессуальных действиях в предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке. Далее законодатель определяет следующие цели (основания, ситуации, направления) привлечения специалиста: для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании мате-

риалов уголовного дела; постановки вопросов эксперту; разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Таким образом, в формулировке данного понятия заложено сразу несколько неоднозначных аспектов, не вполне согласованных с другими нормами уголовно-процессуального закона и вызывающих различное толкование.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе дефиниции понятия специальных знаний в сочетании с активным употреблением этого термина применительно к определению и полномочиям не только специалиста, но и эксперта, а также порядка использования различных форм специальных знаний как доказательств вызывает нарекания у исследователей, которыми вносится множество предложений по формулированию данной дефиниции и ее законодательной легитимации [9].

Анализируя цели (основания, ситуации, направления) привлечения следователем (дознавателем, судом) специалиста для участия в процессуальных действиях, невозможно не обратить внимания на наличие своеобразного правового парадокса. Как известно, в следственной практике специалист приглашается чаще всего для содействия следователю в производстве осмотра места происшествия в части обнаружения, фиксации и изъятия следов, относящихся к группе следов-отображений: следов рук, ног либо следов-веществ (продукты жизнедеятельности человека – слюны, крови, пота, спермы и т. д.), а также следов орудий, механизмов, инструментов и других. Получается, что такая наиболее распространенная на практике форма участия специалиста в производстве осмотра и иных следственных действий невербальной природы осталась без регламентации. Следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества с точки зрения криминалистической трасологии относятся к различным группам. При этом именно следы рук и следы обуви, которые трудно назвать предметами, выступают наиболее распространенными объектами, обнаруживаемыми и изымаемыми в результате осмотра места происшествия. Указанные следы-отображения не всегда выявляются на предметах-следоносителях (например, на грунте, на полу или стенах помещения) либо обнаружение предметов-следоносителей носит очевидный характер (вследствие их объем-

ности), не требуя специальных знаний в сфере криминалистической техники, биологии, медицины и других. Другое дело, что для выявления следов-отображений или следов-веществ на различных предметах-следоносителях (мебели, бытовых предметах, автомобиле и т. д.) требуются знания в соответствующих отраслях.

Кроме того, традиционным явлением становится участие специалиста-медика при производстве освидетельствования живого лица с целью обнаружения телесных повреждений, особенно если требуется обнажение освидетельствуемого. Такая разновидность освидетельствования представляется нам приоритетной (по сравнению с обследованием тела человека для разрешения иных целей, указанных в ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Вместе с тем и она формально не входит в содержание направлений деятельности специалиста в уголовном процессе.

Эту ситуацию можно было бы объяснить тем, что всякая дефиниция как краткое изложение сущности понятия не является описанием подробного его содержания. Однако, во-первых, названные направления деятельности специалиста, как уже отмечалось, выступают приоритетными, а во-вторых, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствуют нормы, детально регулирующие обязанности специалиста в качестве участника уголовного процесса.

Статья 58 УПК РФ, помимо анализируемого определения, предусматривает права специалиста (ч. 3 ст. 58 УПК РФ), а также некоторые запреты в его деятельности (ч. 4 ст. 58 УПК РФ). Регламентация вызова специалиста и порядка его участия в процессуальных действиях лишь декларируется ч. 2 ст. 58 УПК РФ. Однако фактически эта норма отсылает читателей к положениям ст. 168 и 270 УПК РФ. Эту ситуацию можно было бы назвать приемлемой при наличии исчерпывающего описания полномочий специалиста хотя бы в указанных нормах, которые также весьма скудно регулируют порядок его участия в проведении процессуальных действий. В ст. 168 УПК РФ, удостоверяя следователя в компетентности специалиста и выясняя его отношение к другим участникам уголовного процесса, законодатель переориентирует правоприменителя на общие условия производства следственных действий, отсылая к норме ст. 164 УПК РФ (ч. 1 ст. 168 УПК РФ) и даже возвращая к

ст. 58 УПК РФ. В ст. 270 УПК РФ речь идет о разъяснении специалисту его прав в суде. Фактически в этой норме содержится требование о письменном подтверждении специалистом факта разъяснения ему прав председательствующим. В содержательном отношении, касательно объема прав специалиста, законодатель снова отсылает к ст. 58 УПК РФ.

Далее законодатель упоминает не только об обнаружении, но и о закреплении предметов и документов. Полагаем, что данная формулировка не вполне удачна в связи с тем, что вряд ли предметы и документы буквально нуждаются именно в закреплении. Скорее всего, имеются в виду действия по их фиксации относительно точного места обнаружения путем протоколирования и применения технико-криминалистических средств, находящейся в системной связи с дальнейшим изъятием, упаковкой, последующим приобщением к материалам дела. Следующее (предусмотренное в ч. 1 ст. 58 УПК РФ) положение, которое отражает цель (основание, ситуацию, направление) приглашения специалиста для участия в уголовном процессе и касается применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, не может быть интерпретировано применительно к обозначенной выше проблеме (отсутствия в определении специалиста факта содействия в обнаружении следов преступления), поскольку выявляемые в момент проведения осмотра места происшествия или освидетельствования следы еще не являются материалами уголовного дела. К материалам дела впоследствии могут быть отнесены предметы-следоносители при условии

их изъятия с соблюдением процессуальных и криминалистических правил и дальнейшего приобщения к делу в качестве вещественных доказательств.

В анализируемой норме представлено относительно самостоятельное направление участия специалиста – «постановка вопросов эксперту и разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Очевидно, что в данном случае речь идет не о постановке вопросов как самостоятельной деятельности, а о содействии следователю, суду или иным уполномоченным участникам уголовного судопроизводства в корректном формулировании вопросов, входящих в компетенцию эксперта соответствующей специальности. Такое направление деятельности необходимо для постановки вопросов, соответствующих профилю определенного вида экспертизы, предотвращения случаев отказа экспертов от ответов на вопросы по причине их неверной редакции или вынужденного выхода за пределы специальности и т. д.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что представленное в ч. 1 ст. 58 определение, во-первых, не охватывает ряд существенных направлений деятельности специалиста как участника уголовного судопроизводства, а во-вторых, содержит некоторые неточности в обозначении вышеуказанных направлений. В связи с этим считаем целесообразным призвать коллег к дальнейшей нормотворческой работе по совершенствованию данного определения в проанализированных нами аспектах.

Литература

1. Варданыан А. А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // *Философия права*. 2011. № 3 (46).
2. Айвазова О. В., Варданыан Г. А. Преступления в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств: социально-правовой и криминалистический аспекты // *Юрист-Правоведь*. 2015. № 1 (68).
3. Аминев Ф. Г. По вопросу совершенствования законодательства о судебной-экспертной деятельности // *Правовое государство: теория и практика*. 2013. № 3.
4. Семенченко П. И., Айвазова О. В. Осо-

Bibliography

1. Vardanyan A. A. Crimes related to human trafficking in the context of globalization trends illegal encroachments on the freedom, honor and dignity of the personality // *Philosophy of Law*. 2011. № 3 (46).
2. Aivazova O. V., Vardanyan G. A. Crimes in the sphere of production and turnover of counterfeit medicines: socio-legal and forensic aspects // *Yurist-Pravoved*. 2015. № 1 (68).
3. Aminiev F. G. On the issue of improvement of legislation on judicial-expert activity // *Constitutional state: theory and practice*. 2013. № 3.
4. Semenchenko P. I., Aivazova O. V. Peculiarities of the expert study, when it is determined that the operation of the vehicle with tires that do not

бенности проведения экспертного исследования при установлении факта эксплуатации автомобиля с шинами, не соответствующими по размеру конструкции модели автотранспортного средства, как причины дорожно-транспортного происшествия // Юристъ-Правоведь. 2015. № 2 (69).

5. Варданыан Г. А. Актуальные проблемы использования специальных химических, фармацевтических, фармакологических и медицинских знаний для установления обстоятельств совершения преступлений, связанных с теневым фармацевтическим рынком // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участников XII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2015.

6. Варданыан Г. А. Проблемы выбора оптимальной процессуальной формы использования специальных знаний в сфере фармацевтической химии при расследовании преступлений, связанных с теневым фармацевтическим рынком // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участников XII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2015.

7. Айвазова О. В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон // Юристъ-Правоведь. 2007. № 1.

8. Коновалов С. И., Айвазова О. В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2.

9. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017.

match in size the construction of model vehicles as a cause of road accidents // Yurist-Pravoved. 2015. № 2 (69).

5. Vardanyan G. A. Actual problems of use of special chemical, pharmaceutical, pharmacological and medical knowledge to establish the circumstances of the crime related shadow pharmaceutical market // Forensic science: current issues of theory and practice: proceedings of the XII all-Russian parties scientific-practical conference. Rostov-on-Don, 2015.

6. Vardanyan G. A. Problems of choice of optimal procedural forms of using special knowledge in the field of pharmaceutical chemistry in the investigation of crimes associated with the shadow pharmaceutical market // Forensic science: current issues of theory and practice: proceedings of the XII all-Russian parties scientific-practical conference. Rostov-on-Don, 2015.

7. Aivazova O. V. Some aspects of the implementation of the principle of adversarial // Yurist-Pravoved. 2007. № 1.

8. Kononov S. I., Aivazova O. V. Separation of equivalent procedural functions of prosecution, defense and resolution of the case in the system of principles of criminal proceedings: modern problems // Izvestia of the Tula State University. Series: Economic and legal Sciences. 2014. № 3-2.

9. Aminov F. G. Is Judicial-expert activity in the Russian Federation: contemporary problems and their solutions: abstract of dis. ... Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2017.

© 2017 г. И. Е. Адаменко,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Белореченского филиала Адыгейского государственного университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: lara_61@bk.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ КАК СВОЙСТВЕ ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена осмыслению целеполагания в качестве свойства уголовно-процессуальной деятельности. Определяется структура целеполагания, исследуется его роль в формировании смысла уголовно-процессуальной деятельности. Обосновывается место духовно-нравственных основ российского народа в целеполагании уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: *духовно-нравственные основы российского народа, целеполагание, смыслообразование, уголовный процесс, либеральная парадигма, российская общность, цель российской общности, цель уголовного процесса.*

I. E. Adamenko – Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belorechensky branch of the Adyghe State University, PhD in Law, Associate Professor.

TO THE QUESTION ABOUT THE GOAL SETTING AS THE TARGET PROPERTY OF THE CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

The article considers the properties of goal-setting as a of criminal procedure activity. Defines the structure of goal-setting. Investigated the formation of goal-setting in place meaning of criminal procedure activity. Examines the place of spiritual and moral foundations of the Russian people in goal-setting of criminal procedure activity.

Key words: *spiritual and moral foundations of the Russian people, goal-setting, criminal procedure, liberal paradigm, Russian community, goal of Russian community, the purpose of criminal procedure.*

Восприятие духовно-нравственных основ российского народа должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, приводит к их субъективизации. Субъективизация духовно-нравственных основ нашего народа означает их включение в процесс целеполагания, которое является неотъемлемым атрибутом (свойством) цели уголовно-процессуальной деятельности.

По сути, целеполагание представляет собой мыслительный процесс, характеризующийся формированием образа предстоящей уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 11] на основе знания о ней, среде ее функционирования, а также средств, необходимых для объективизации сформированного образа. Целеполагание также включает в свой объем соответствующие механизмы смыслообразования. Это дает возможность вести речь о том, что «мыслительная деятельность в уголовно-процессуальной сфере представляет собой не только мыслительные операции, но и мыслительную деятельность в смыслах» [2, с. 16].

На уровне целого на эту специфику мыслительной деятельности обратил внимание Г. П. Щедровицкий: «...реальное мышление,

поскольку оно осуществляется в связи с пониманием и на базе понимания, имеет дело с вторичной обработкой содержаний, представлением их в виде смыслов. А смыслы интерпретированы на объекты и предстают в объектной форме. И наше мышление может осуществляться в виде движения в смыслах, а не только в виде осуществления операций, движения в смыслах по специфическим законам сознания» [3, с. 89].

Мыслительная деятельность в процессе целеполагания при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, связанной с обеспечением законных интересов, является деятельностью в смыслах. Смысловую сущность данного вида уголовно-процессуальной деятельности мы объясняем духовно-нравственными основаниями понимания законных интересов потерпевшего от преступления. Под ними следует понимать такие интересы, в связи с которыми достигаются цели производства по уголовному делу сквозь призму обеспечения фундаментальных ценностей личности, общества и государства. К тому же их «необеспечение влечет за собой дезорганизацию уголовно-процессуальной дея-

тельности вплоть до ее разрушения» [4, с. 16]. Таким образом, в науке отечественного уголовного судопроизводства наблюдается ситуация, когда весомый сегмент уголовно-процессуальной деятельности находится в свернутом состоянии, что способно оказать на нее дезорганизационное (разрушительное) воздействие.

Потенциальная возможность уголовно-процессуальной деятельности, связанной с обеспечением законных интересов потерпевшего от преступления, выступить в качестве средства дезорганизации российского уголовного судопроизводства приводит к возникновению следующего вопроса: в чем заключается ее преимущество по сравнению с той частью уголовно-процессуальной деятельности, которая обусловливается целью наказания?

В уголовно-процессуальной науке мы не найдем непосредственного ответа на данный вопрос. В данном аспекте вопрос о способности уголовно-процессуальной деятельности, связанной с обеспечением законных интересов потерпевшего от преступления, оказывать дезорганизационное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность, обусловленную целью наказания, не ставился. Такая ситуация вполне объяснима. В советский период истории науки уголовного судопроизводства этот вопрос не возникал. В условиях духовного богатства советского общества проблемы, касающиеся обеспечения законных интересов потерпевшего от преступления, во многом решались посредством духовно-нравственного наполнения смысла уголовного судопроизводства.

С началом реформирования отечественного уголовного судопроизводства ситуация стала меняться на диаметрально противоположную. Под агрессивным воздействием либерализма дух российской общности был свернут. В условиях существования либерально-правовой парадигмы наиболее воспринятой оказалась та часть уголовно-процессуальной деятельности, которая определялась целью наказания. При этом идея наказания как цели уголовного процесса была как бы «замаскирована» под назначением уголовного судопроизводства, по сути, представляя собой один из элементов цели наказания, а именно результата реализации уголовно-процессуальных функций, содержащихся в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Назначение уголовного судопроизводства – это результат реализации уголовно-процес-

суальных функций. Назначение отечественного уголовного судопроизводства заключается в социальной функции уголовного процесса в условиях господства либеральной идеологии уголовно-процессуального права. Преобразование этой социальной функции от цели наказания до назначения уголовного судопроизводства влечет за собой одно значимое негативное последствие. Его смысл заключается в «повышении уровня защиты незаконного интереса подозреваемого (обвиняемого) за счет ущемления (стеснения) законных интересов потерпевшего от преступления, а также должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу [5, с. 124].

Важно отметить и тот факт, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ назначение уголовного судопроизводства обозначено в качестве принципа уголовно-процессуального права, устанавливающего своеобразные «правила игры» в состязательном уголовном процессе. Причем вопрос о цели уголовного судопроизводства в полном объеме не ставится, а лишь на уровне индивидуалистических целей отдельных участников уголовного процесса, «тогда как этот вопрос требуется ставить и на уровне общей, государственно-публицистической цели – в этом залог подлинной справедливости, законности и эффективности уголовного судопроизводства» [6, с. 13].

Осмыслив организационную основу назначения уголовного судопроизводства в качестве социальной функции, российские исследователи пришли к выводу о том, что преобразование уголовного процесса от цели наказания до назначения уголовного судопроизводства означает переориентацию уголовно-процессуальной деятельности на псевдоцель, или ложную цель. Так, А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, Д. Т. Рязанов отмечают: «На уровне отрасли государственной деятельности целевая переориентация уголовно-процессуальной деятельности означает непосредственное использование государственных ресурсов в деле сокрытия преступлений, преднамеренного неустановления лиц, совершивших преступления, а также поощрения в нашем обществе высокого уровня преступности, включая и ту ее часть, которая относится к преступлениям коррупционной направленности» [7, с. 37].

В отличие от данной социальной функции либеральной идеологии уголовно-процессуального права, ее цель понимается несколько

иначе. Она представляет собой целое. Эту цель не следует рассматривать в отрыве от культурно-исторического наследия и духовно-нравственного основания российского народа. Такое единство обеспечивает объединение (солидарность) целей российской общности, государства и уголовно-процессуальной деятельности. «Рассматриваемое объединение, – указывает Ф. И. Кравцов, – возможно только в условиях, когда в целом совокупные силы человечества и субъектов уголовно-процессуальной деятельности имеют одно основание. По нашему глубокому убеждению, в качестве искомого основания выступает культурно-историческое наследие российского народа со свойственной ему нравственностью. Нравственность российского народа является единственным основанием субъективного

фактора. Без нравственности вообще невозможно вести какие-либо разговоры о субъективном факторе. В свою очередь без субъективного фактора невозможна никакая деятельность, включая и ту ее часть, которая относится к уголовно-процессуальной деятельности» [8, с. 213].

Осознание взаимосвязи и взаимообусловленности целей российского народа и уголовно-процессуальной деятельности приводит к изменению ее внутреннего образа как общего основания. Такое осознание включает в себя идеальное и реальное, духовное и материальное, внутреннее и внешнее, при этом одно проникает в другое. В результате мы имеем цель уголовного судопроизводства в качестве компонента уголовно-процессуальной деятельности.

Литература

1. Степанов С. Н. Организация досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Баженов А. И. Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
3. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 года / сост. Г. А. Давыдова. М., 2005.
4. Фирсова К. В. Организационно-процессуальные основания обеспечения прокурором законных интересов потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. Фирсова К. В. К вопросу о роли и месте «теории интересов» в организации уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные вопросы российского права: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. Е. Виокурова. М., 2009. Вып. 9.
6. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005.
7. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Рязанов Д. Т. Мотивация уголовно-процессуальной деятельности: моногр. М., 2012.
8. Кравцов Ф. И. К вопросу о нравственной природе правового нигилизма в уголовно-процессуальной сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3.

Bibliography

1. Stepanov S. N. The organization of pre-trial proceedings in criminal cases on crimes of extremist orientation: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2008.
2. Bazhenov A. I. Organizational and legal mechanism for the formation of internal conviction in domestic criminal proceedings: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2012.
3. Schedrovitsky G. P. Sign and activities: in 3 books. Book. 1: Structure of the sign: meanings, meanings, knowledge. 14 lectures in 1971 / comp. G. A. Davydov. Moscow, 2005.
4. Firsova K. V. Organizational and procedural grounds for providing the prosecutor with the legitimate interests of the victim of a crime: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.
5. Firsova K. V. On the role and place of the «theory of interests» in the organization of criminal procedural activity // Actual issues of Russian law: a collection of scientific articles / ed. by Yu. E. Vinokourov. Moscow, 2009. Issue 9.
6. Pechnikov G. A. Dialectical problems of truth in the criminal process: abstract of dis. ... Doctor of Law. Volgograd, 2005.
7. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Ryazapov D. T. Motivation of criminal procedural activity: monograph. Moscow, 2012.
8. Kravtsov F. I. On the question of the moral nature of legal nihilism in the criminal procedure sphere // Gaps in Russian legislation. 2011. № 3.

© 2017 г. Е. С. Кудряшова,

преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.
E-mail: uvd95@yandex.ru

ПРИМЕНИМ ЛИ СТАНДАРТ КАЧЕСТВА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

В статье рассматриваются вопросы, связанные с решением задач по повышению качества и эффективности предварительного расследования в форме дознания. Выработан стандарт качества уголовного дела, расследуемого в форме дознания, который позволяет унифицировать действия должностных лиц в ходе предварительного расследования при применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: качество дознания, стандарт качества, возвращение уголовных дел, производство дополнительного дознания, возмещение вреда, причиненного преступлением.

E. S. Kudryashova – Lecturer, Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

WHETHER THE STANDARD OF QUALITY APPLIES IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS?

The article deals with issues related to solving problems on improving the quality and effectiveness of preliminary investigation in the form of an inquiry. The standard of the quality of the criminal case, investigated in the form of an inquiry, is developed, which allows to unify the actions of officials during the preliminary investigation when applying the norms of the criminal and criminal procedural legislation.

Key words: quality of inquiry, quality standard, return of criminal cases, production of additional inquiries, compensation for damage caused by a crime.

Обеспечение государственной и общественной безопасности нашей страны осуществляется по нескольким направлениям, и одним из основополагающих является повышение эффективности деятельности правоохранительных органов. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [1], призвана способствовать развитию национальной экономики, улучшению качества жизни граждан, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению государственной и общественной безопасности. При этом среди первоочередных задач выделены повышение качества и эффективности предварительного следствия, оперативно-разыскной деятельности и дознания.

В соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (2013–2020) [2] решение задач по повышению качества и эффективности предварительного расследования, в частности дознания, осуществляется в ходе реализации подпрограммы «Полиция», состоящей из двух этапов: первый этап охватывает период 2013–2015 годов, второй – 2016–2020 годов.

Применительно к работе дознавателей под-

программа «Полиция» устанавливает следующие индикаторы и показатели:

– число лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в расчете на 1 000 обвиняемых (по уголовным делам, находившимся в производстве дознавателей), которое должно с каждым годом постепенно снижаться: с 2,59 % в 2014 году до 2,53 % к 2020 году;

– удельный вес уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования и пересоставления обвинительного акта, обвинительного постановления, в числе уголовных дел, направленных дознавателями прокурору с обвинительным актом, обвинительным постановлением, значение которого должно снизиться с 3,9 % в 2012 году до 3,1 % к 2020 году.

Кроме того, удельный вес возмещенного ущерба от фактически причиненного по уголовным делам, оконченным дознавателями, должен увеличиться с 70 % в 2012 году до 90 % к 2020 году.

Ожидаемые результаты реализации подпрограммы – это повышение качества и законности деятельности дознавателей органов внутренних дел путем сокращения фактов необоснованного привлечения к уголовной

Уголовно-процессуальное право и криминалистика

ответственности и удельного веса уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования и пересоставления обвинительного акта, обвинительного постановления. Основным источником сведений, касающихся расследования уголовных дел, является сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), который функционирует как государственный интегрированный статистический ресурс [3]. Мы обобщили некоторые открытые статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о работе органов дознания МВД России.

но сократилось. В-третьих, проблемным остается показатель удельного веса возмещенного ущерба от фактически причиненного преступным деянием.

Применительно к формированию показателя удельного веса возмещенного ущерба установлено, что при производстве дознания ущерб может быть возмещен в добровольном порядке. В этом случае после возмещения вреда дознаватель приобщает к материалам уголовного дела заявление потерпевшего, в котором, кроме данного факта, фиксируются сведения об отсутствии претензий материального характера [4].

Сведения о результатах деятельности органов дознания МВД России

Годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество окончанных уголовных дел	379 098	377 341	381 321	384 380	430 228	517 729
Количество уголовных дел, направленных дознавателями в суд с обвинительным актом	350 192	348 284	347 375	343 891	365 790	410 021
Количество уголовных дел, возвращенных прокурором дознавателям для производства дополнительного дознания	12 105	12 221	11 108	11 605	11 719	13 132
Удельный вес уголовных дел, возвращенных для дополнительного дознания или для пересоставления обвинительного акта, от числа направленных дознавателями прокурору с обвинительным актом (%)	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют	3,6	3,7	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
Удельный вес возмещенного ущерба от фактически причиненного по уголовным делам, окончательным дознавателями (%)	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют	67,1	51,3	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
Число лиц, производство по делу о которых прекращено дознавателями за отсутствием события, состава преступления, а также уголовное преследование прекращено за непричастностью данных лиц	691	458	389	344	323	448
Число оправданных и лиц, дела дознавателей о которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также уголовное преследование прекращено за непричастностью данных лиц	241	213	183	142	130	141

Анализ полученных данных позволил сформулировать некоторые выводы. Во-первых, за пять лет (с 2011 по 2016 год) более чем на треть (на 37 %) увеличилось количество окончанных дознавателями уголовных дел (в это число входят уголовные дела, направленные в суд и прекращенные производством по различным основаниям). Во-вторых, число лиц, оправданных судом или в отношении которых прекращено производство по реабилитирующим основаниям как в суде, так и в процессе досудебного производства, значительно

К мерам принудительного возмещения причиненного вреда относятся такие, как: возврат похищенных и обнаруженных материальных ценностей, розыск имущества при производстве следственных действий, наложение ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого).

В соответствии с пунктом 20 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 года № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [5] прокуроры обязаны обеспечи-

вать надлежащий прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью производства дознания по уголовным делам. При этом среди причин, послуживших основанием для возвращения уголовных дел, можно отметить неправильную или неполную квалификацию действий подозреваемого (обвиняемого), допускаемые нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, приводящие к признанию доказательств недопустимыми, технические ошибки, неполнота проведенного дознания, несоответствие обстоятельств, изложенных в обвинительном акте (постановлении), фактическим обстоятельствам уголовного дела и другие.

Значительный практический опыт работы в подразделениях следствия и дознания (около 20 лет, в том числе на руководящих должностях разных уровней) позволил нам выявить основные проблемы, на которые обращают внимание должностные лица государственных органов в рамках ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора. Следует согласиться с И. Б. Михайловской [6, с. 11] в том, что процессуальная оценка судом результатов работы следователя остается единственным практически реализуемым критерием. Если для следователя руководитель следственного органа является первым «контрольным фильтром», оценивающим и корректирующим деятельность следователя, то для дознавателя таковыми выступают начальник подразделения дознания и начальник органа дознания. Следующий «фильтр» – прокурор, оценивающий законченное расследованием уголовное дело, поступившее к нему с обвинительным актом (постановлением). Если считать, что прокурор в соответствии со статьями 226, 226.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вправе принимать решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания, то, следовательно, он может вносить свой вклад в результаты расследования преступления. Поэтому предметом оценки суда становится качество деятельности всех перечисленных должностных лиц, выступающих на стороне обвинения.

Каждая социальная система в силу централизации, целостности, соподчиненности низших звеньев высшим требует организационной устойчивости и функциональной определенности. В связи с этим в самой системе наряду с нормами закона вырабатывают-

ся правоприменительные правила, без соблюдения которых невозможно достижение конкретной цели.

В рамках производства по уголовному делу участники уголовного судопроизводства стремятся к достижению единой цели – расследования уголовного дела, рассмотрения и разрешения его по существу. Главным результатом данной деятельности выступает итоговое решение при рассмотрении уголовного дела по существу, принимаемое и провозглашаемое судом. В связи с этим именно суды и должны предъявлять требования к качеству предварительного расследования.

Такого рода требования, предъявляемые судами, могут считаться стандартами качества, вырабатываемыми в результате складывающейся правоприменительной практики. Они могут различаться как в судах одного уровня, так и у разных судей одного суда. Различия в оценках нивелируются решениями вышестоящих судов, а значит, подходы в оценках нижестоящих судов вышестоящими рассматриваются «под микроскопом».

Для правоприменителей актуальным остается вопрос об определении приоритета в формировании оценки при производстве по уголовному делу: поставить на первое место строгое соблюдение установленной процедуры либо достоверное установление фактических обстоятельств дела? В уголовно-процессуальном законодательстве предпринимаются попытки установить баланс в сочетании обозначенных нами ценностей с определением их важности и значимости в конкретном правовом институте.

Для обеспечения единообразного подхода к рассмотрению вопросов, касающихся процессуальной деятельности органов предварительного расследования, в частности подразделений дознания, нами разработан стандарт качества уголовного дела, расследуемого в форме дознания. Считаем, что аналогичным образом может быть создан стандарт качества для органов предварительного следствия.

Стандарт качества уголовного дела, расследуемого в форме дознания, включает в себя следующие параметры:

- организация планирования хода расследования преступления;
- наличие события преступления, вменяемого обвиняемому, состава преступления в совершенном деянии;

- наличие оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, выделения уголовного дела (материалов уголовного дела), соединения уголовных дел;
- принятие по имеющимся основаниям соответствующих процессуальных решений;
- реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования (имели ли место факты продления сроков расследования, каковы причины продления (объективные, субъективные), не была ли допущена волокита со стороны дознавателей);
- обоснованность обвинения доказательствами, полученными в ходе предварительного расследования;
- правильность квалификации деяний обвиняемого;
- соблюдение дознавателями законности при применении мер процессуального принуждения;
- соответствие содержащихся в обвинительном акте (постановлении) выводов о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица обстоятельствам инкриминируемого деяния;
- полнота и эффективность действий лица, в производстве которого находится уголовное дело, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления;
- эффективность мер, направленных на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в том числе на обеспечению граж-

данского иска, возможной конфискации имущества;

- анализ жалоб, поступивших от участников уголовного процесса, иных лиц, на действия (бездействие) и (или) решения должностных лиц, задействованных при производстве по уголовному делу, результатов рассмотрения поданных жалоб;
- соответствие обвинительного акта (постановления) требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ, отражение всего предмета доказывания;
- соблюдение органом расследования иных требований Уголовно-процессуального кодекса РФ;
- обеспечение ведомственного контроля со стороны начальника подразделения дознания, начальника органа дознания за процессуальной деятельностью дознавателя и ряд других.

Таким образом, выработанный стандарт качества по уголовному делу в форме дознания позволит единообразно применять нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства при расследовании преступлений, оптимизировать осуществление прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, унифицировать параметры оценки эффективности деятельности лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, гарантировать обеспечение прав и свобод личности в ходе предварительного расследования.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683. URL: <http://consultant.ru>
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15.04.2014 № 345 (в ред. от 31.03.2017). URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-345>
3. ЕМИСС, Генеральная прокуратура Российской Федерации, раздел «Информация о работе следствия и дознания». URL: <https://www.fedstat.ru>
4. Скогорева Т. Ф. Основные направления деятельности правоохранительных органов

Bibliography

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683. URL: <http://consultant.ru>
2. On the approval of the state program of the Russian Federation «Ensuring public order and combating crime»: resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 345 (as amended on March 31, 2017). URL: [http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-345 /](http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-345/)
3. EMISS, General Prosecutor's Office of the Russian Federation, section «Information on the work of investigation and inquiry». URL: <https://www.fedstat.ru>
4. Skogoreva T. F. The main lines of activity of law enforcement agencies to ensure compensation

по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением // Рос. юстиция. 2016. № 11.

5. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 26 янв. 2017 г. № 33. URL: <http://consultant.ru>

6. Михайловская И. Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Мировой судья. 2015. № 4.

for harm caused by crime // Russian Justice. 2016. № 11.

5. On the organization of prosecutor's supervision of the procedural activities of the bodies of inquiry: order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of January 26, 2017 № 33. URL: <http://consultant.ru>

6. Mikhailovskaya I. B. The quality standards of the preliminary investigation are set by the court // World judge. 2015. № 4.

© 2017 г. О. В. Айвазова,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье проводится анализ понятия, сущности и содержания заключения специалиста как самостоятельного вида доказательств с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства. Представлена аргументированная авторская позиция, касающаяся дефиниции понятия «заключение специалиста», предусмотренной в части 3 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: доказательства, уголовное судопроизводство, уголовные дела, специалист, эксперт, заключение специалиста.

O. V. Aivazova – Professor, Department of Criminalistics and Operational Investigative Activity, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Phd in Law, Associate Professor.

EXPERT OPINION AS A SPECIFIC VARIANT OF THE IMPLEMENTATION OF SPECIAL KNOWLEDGE WHILE INVESTIGATING CRIMINAL CASES: SOME CONTROVERSIAL ISSUES

The article examines the concept, nature and content of the expert's opinion as an independent type of evidence from the point of view of criminal procedural law. Presents the author's reasoned position on the definition of «expert opinion» presented in part 3 of article 80 of the Criminal procedure code of the Russian Federation.

Key words: evidence, criminal procedure, criminal cases, specialist, expert, expert opinion.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации заключение и показания специалиста признаются в качестве самостоятельных видов доказательств по уголовным делам, что является одной из многочисленных новелл постсоветской модели уголовно-процессуального законодательства. Однако такое расширение системы доказательств оказалось не вполне согласованным с иными уголовно-процессуальными нормами, регулирующими процесс доказывания, основания и порядок производства следственных и судебных действий, а также собственно процедуру использования в доказывании специальных знаний. Это породило отсутствие единообразия в судебной-следственной практике (вплоть до минимизации реального использования указанных видов доказательств [1, с. 94–95], не соответствующих их изначально заданному высокому доказательственному потенциалу), а также наличие ряда контрарных точек зрения у представителей научной общественности.

Дефиниция понятия «заключение специалиста», закрепленная в ч. 3 ст. 80 УПК РФ в следующей редакции: «...представленное в

письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», вызывает ряд проблем [2], которые мы условно дифференцировали на две группы. Первая группа проблем связана с установлением соотношения заключения специалиста и заключения эксперта. Определение понятия «заключение эксперта» дано в ч. 1 ст. 80 УПК РФ. Под заключением эксперта законодатель понимает «представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

При сопоставлении указанных дефиниций высказываются различные точки зрения относительно возможности, а также объема и содержания исследований, проводимых специалистом в рамках подготовки заключения [3]. Существуют сторонники позиции о том, что заключение специалиста ограничивается письменной консультацией, содержащей ответы на вопросы, не требующие выполнения исследований, которые поставлены следователем, дознавателем, защитником или представителем.

Другие ученые-юристы и практические сотрудники следственно-судебных органов считают, что заключение специалиста может не исчерпываться письменной консультацией, а отражать также результат осуществления специалистом отдельных исследований, преимущественно элементарных, не требующих сложного оборудования, проведения экспериментальных действий, применения разрушающих методов исследования. Кроме того, заключение специалиста связывается с деятельностью стороны защиты по установлению обстоятельств, свидетельствующих в пользу подзащитного, в порядке собирания доказательств в соответствии со ст. 86 УПК РФ.

Согласно третьей точке зрения, сложно провести четкую границу исходя из содержания, методики, объема исследования в рамках заключения эксперта и заключения специалиста хотя бы потому, что дефиниция понятия заключения специалиста в содержательном аспекте не имеет каких-либо категоричных отграничений по отношению к заключению эксперта. Поэтому, опираясь на имеющееся определение заключения специалиста, сложно обнаружить какую-либо содержательную уникальность данного вида доказательств. Законодатель называет заключением именно суждение специалиста (а не просто мнение), что предполагает какие-либо элементы познавательной деятельности, объем и пределы которого не обозначены.

В этой связи весьма категоричным представляется мнение о том, что в силу отсутствия регламентации четкой процессуальной формы заключения специалиста и порядка ее получения данное заключение не обладает такими незыблемыми качествами, присущими каждому доказательству, как относимость и допустимость, следовательно, оно не может использоваться в процессе доказывания [4, с. 110]. Конечно, данная позиция является радикальной, поскольку законодатель прямо признает заключение специалиста в качестве одного из видов доказательства. Другое дело, что, несомненно, требуется уточнение процессуальной формы заключения специалиста, ее содержания, допустимости осуществления исследований, их объема и пределов, а также рег-

ламентация порядка получения такого заключения [5, с. 26].

Следует отметить, что заключение специалиста не ограничивается умозрительной консультацией (оно может иметь форму аргументированного квалифицированного суждения относительно поставленных перед ним вопросов), по необходимости предусматривая определенные исследовательские приемы. Вместе с тем не следует смешивать процессуально-тактическую форму заключения специалиста со ставшим уже привычным за многие десятилетия заключением эксперта, являющимся, как известно, основной формой реализации специальных знаний в уголовном судопроизводстве [6, с. 274–277; 7, с. 67–70; 8, с. 168–172; 9, с. 164–167]. Законодателем не случайно была введена указанная альтернативная форма реализации специальных знаний (наряду с заключением эксперта), причем возведенная в статус самостоятельного вида доказательства, тогда как иная широко известная форма обращения к специальным знаниям – участие специалиста в производстве следственных действий, чаще всего осмотра места происшествия [10, с. 16–21], процессуально отображается в рамках соответствующих протоколов. Иными словами, участие специалиста в производстве следственных действий, выступая с позиции криминалистики самостоятельной разновидностью использования специальных знаний в расследовании преступлений, с точки зрения доказательственного права своей процессуальной формы не имеет.

Использование при дифференцировании заключения специалиста от заключения эксперта таких критериев, как применение специалистом «простых» или «несложных» методов (в отличие от методов, реализуемых в процессе судебной экспертизы), на наш взгляд, является неэффективным, поскольку такая трактовка носит оценочный характер и не лишена субъективизма. Вряд ли целесообразно ограничивать заключение специалиста применением диагностических (а не идентификационных) методов, поскольку соотношение понятий «простые» и «диагностические», «сложные» и «идентификационные» не всегда является очевидным. На наш взгляд, отграничение заключения специалиста возмож-

но по такому критерию, как использование специалистом при исследовании поступивших в его распоряжение сведений и материалов преимущественно эмпирических методов познания, а в рамках экспертного исследования необходимо сочетание эмпирических и теоретических методов.

Другие аспекты дискуссии относительно заключения специалиста как доказательства по уголовным делам связаны с определением этапа уголовного судопроизводства, на котором целесообразно обращение к такой форме использования специальных знаний.

В юридической литературе и правоприменительной практике заключение специалиста нередко увязывается с предварительными исследованиями, проводимыми на этапе проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела. Однако такой взгляд, возможно, был наиболее актуальным в период времени, предшествовавший принятию Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, разрешившего проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела, в сочетании с регламентацией иных методов доследственной проверки. При этом, несмотря на упоминание о назначении судебной экспертизы в числе процессуальных действий, проводимых в рамках проверки сообщения о преступлении в действующей редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ, адаптация указанной новеллы и соответствующая правоприменительная практика осуществляются с достаточной долей осторожности. До сих пор на местах нередко сохраняется привычная процедура проведения предварительных исследований до возбуждения уголовного дела в сочетании с дальнейшим назначением судебных экспертиз, в содержательном плане фактически дублирующих предварительные исследования.

Существует и противоположное мнение. Его суть заключается в том, что на этапе проверки сообщения о преступлении не может применяться процессуальная форма заключения специалиста, поскольку на данном этапе досудебного производства отсутствуют стороны, ответы на вопросы которых должны составлять содержание заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Кроме того, указание именно на стороны (во множественном

числе), а не на одну из сторон по смыслу предполагает согласованное (с участием представителей и стороны обвинения, и стороны защиты) формулирование вопросов к специалисту.

Однако такую модель постановки вопросов нельзя назвать типичным явлением для отечественного досудебного производства, поскольку на данном этапе состязательность сторон еще не проявляется в полной мере. Стороны, исследуя обстоятельства совершенного деяния, действуют относительно обособленно друг от друга (разумеется, с соблюдением гарантий защиты прав и законных интересов лиц, проходящих по уголовному делу). Они формируют, накапливают доказательственную базу для последующего представления каждой стороной обвинительных либо оправдывающих доказательств в суде, где состязательность проявится в максимальной форме, а суду предстоит разрешение основного вопроса по делу. При этом совместное и согласованное обсуждение вопросов, адресуемых специалисту, является маловероятным (хотя бы с точки зрения организации проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела и реализации эффективных криминалистических приемов). Несомненно, возможность получения квалифицированного суждения по вопросам, требующим обращения к специальным знаниям, должна быть у представителей обеих сторон, однако по общему правилу вряд ли требуется какое-либо согласованное обсуждение формулируемых вопросов с участием представителей сторон по аналогии с процедурой назначения экспертиз на этапе судебного следствия.

Таким образом, по нашему мнению, заключение специалиста – представленное в письменном виде аргументированное суждение по вопросам, требующим специальных знаний, поставленным на его разрешение дознавателем, следователем, прокурором, защитником, представителем и иными участниками уголовного судопроизводства, имеющими право на обращение к помощи специалиста, которые значимы для рассмотрения сообщения о преступлении, всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и в целом для выполнения уголовным судопроизводством своего на-

значения. В процессе формирования аргументированного суждения специалист наряду со специальными знаниями вправе также использовать методы эмпирического анализа,

которые не могут повлечь за собой полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или отдельных свойств.

Литература

1. Варданян А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. Иркутск, 2016.

2. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7.

3. Бикмаева Н. Л. Криминалистические основания разграничения деятельности эксперта и специалиста // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 3.

4. Божьев В. П. Недостатки системного характера в регулировании процесса доказывания по уголовному делу // Совершенствование борьбы с преступностью в сфере экономики: сб. аналит. и метод. матер. М., 2006.

5. Коновалов С. И., Соболев А. В. К вопросу о совершенствовании процессуального положения специалиста как участника уголовного судопроизводства // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2012. № 2.

6. Варданян А. В., Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России): сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016.

7. Варданян А. В., Овсепян Г. М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. 2015. № 1 (68).

8. Варданян А. В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.

Bibliography

1. Vardanyan A. V., Antonov V. A., Belochrebtov V. S. The peculiarities of detection, disclosure, and the initial stage of investigation of attempt at fraud with compensation of a value added tax: monograph. Irkutsk, 2016.

2. Ovsyannikov I. Conclusion and the testimony of the expert // Legitimacy. 2005. № 7.

3. Bikmaeva N. L. Criminalistic bases of demarcation of activities of the expert and specialist // «Black holes» in Russian legislation. 2006. № 3.

4. Bogiev V. P. Systemic Weaknesses in the regulation of the process of proof in a criminal case // Improved fight against crime in the sphere of economy: collection of analytical and methodological materials. Moscow, 2006.

5. Konovalov S. I., Sobol A. V. To the question of the improvement of procedural status of a specialist as a party to criminal proceedings // Izvestia of the Tula state University. Series: Economic and legal Sciences. 2012. № 2.

6. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. Forensic examination prescribed for the investigation of transport objects // Theory and practice of combating crime in the Asia-Pacific region (to the 95th anniversary of the far Eastern juridical Institute of MIA of Russia): proceedings of the International scientific-practical conference. Irkutsk, 2016.

7. Vardanyan A. V., Hovsepyan G. M. Judicial expertise in criminal cases about the crimes connected with infringement of requirements of fire security: tactical and forensic capacities, the problems of appointment and production // Philosophy of Law. 2015. № 1 (68).

8. Vardanyan A. V. Some problems of assignment psychological and psychiatric examination during the investigation of the violent attacks on the lives and health of a person, committed by persons having a mental disorder, not excluding sanity // Izvestia of the Tula State University. Series: Economic and legal Sciences. 2014. № 2-2.

9. Vardanyan A. V. Features of the formation of criminal motivation in individuals with mental disorders not excluding sanity, when they commit crimes against life and health of the individual sex offender // Bulletin of the Volgograd Academy of the MIA of Russia. 2014. № 3 (30).

10. Vardanyan A. V., Melnikova O. V. Peculiari-

9. Варданыан А. В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2014. № 3 (30).

10. Варданыан А. В., Мельникова О. В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экон. и юрид. науки. 2013. № 2-2.

ties of the production of crime scene examination in the investigation of crimes in the sphere of production and turnover of counterfeit alcohol production // Izvestia of the Tula State University. Series: Economic and legal Sciences. 2013. № 2-2.

© 2017 г. Д. С. Ондар,

аспирант кафедры криминалистики юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: dolaana-91@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ ИЗ ЖИЛИЩА, СОВЕРШЕННЫХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье анализируется проблема совершенствования взаимодействия следственного органа и органа дознания в ходе расследования краж из жилища, совершенных в условиях специфической сельской местности. Исследуются обстоятельства, учитываемые при организации такого взаимодействия, рассматриваются его основные формы. Отмечаются недостатки в работе следователя с иными субъектами данной совместной деятельности.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования, расследование краж из жилища в сельской местности, взаимодействие следователя, формы взаимодействия.

D. S. Ondar – Postgraduate, Department of Criminalistics, the Law Institute of the National Research Tomsk State University.

INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE BODY OF INQUIRY AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF BURGLARIES OF DWELLINGS COMMITTED IN THE COUNTRYSIDE IN THE SPECIFIC CONDITIONS OF LIFE OF THE POPULATION

The article analyzes the problem of improving the interaction of the investigative body and of the body of inquiry in the investigation of burglaries of dwellings committed in the context of specific rural areas. Explores the circumstances to be considered in arranging such interaction, discusses its basic form. Shortcomings in the work of the investigator with other subjects of this joint activity.

Key words: the initial phase of the investigation, investigation of thefts from dwelling places, the interaction of the investigator, forms of interaction.

Расследование преступлений, прежде всего, совершенных в отсутствие свидетелей, требует привлечения больших сил и средств. В работе по уголовному делу, кроме следователя, участвуют должностные лица органа дознания, а также эксперты-криминалисты. Единство правоохранительной цели определяет общее направление их деятельности, осуществляемой на основе отдельных законов. Четко упорядоченная, спланированная, взаимно согласованная деятельность различных органов, направленная на решение задач по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, является одним из основных факторов успешной работы по разрешению складывающихся следственных ситуаций [11, с. 31].

Кража в силу тайного характера хищения является одним из преступлений, которое требует тесного и разностороннего взаимодействия следователя с органом дознания. Разумеется, их общая задача решается разными методами: следователем – в процессуальной

форме, посредством производства следственных и иных процессуальных действий, органом дознания – путем осуществления оперативно-разыскных и иных мероприятий.

Необходимо иметь в виду, что следователь не связан обязанностью использовать возможности органа дознания при расследовании каждого уголовного дела. Взаимодействие указанных субъектов не означает их служебного соподчинения, слияния процессуальной, оперативно-разыскной и иной правоохранительной деятельности. Каждый из взаимодействующих сотрудников, несмотря на общность задач в борьбе с преступностью и объединение усилий в их решении, остается должностным лицом самостоятельного подразделения, действующего в пределах своей компетенции. Единство действий достигается согласованностью усилий, направленных на раскрытие и расследование преступлений.

Представляется, что при осуществлении такого взаимодействия следователю недоста-

точно руководствоваться только принципами уголовного процесса, а органу дознания – принципами своей деятельности. В данном случае необходимо следовать именно принципам взаимодействия. Чаще всего этот перечень присутствует в содержании данного понятия: называются принципы законности, разграничения функций сторон, оптимального использования их возможностей, своевременности, конспирации и неразглашения данных предварительного следствия, организующей роли следователя [14, с. 483–485; 7, с. 538–539].

Таким образом, непротиворечивость действий каждого из субъектов взаимодействия может быть обеспечена лишь такими основополагающими началами, которые в равной мере распространяют свое влияние на деятельность любого из субъектов взаимодействия [10, с. 184].

В криминалистической литературе положения, касающиеся природы руководства расследованием и принципов взаимодействия следователя, находят отражение в следующих определениях. Так, по мнению Н. П. Яблокова, взаимодействие следователей с оперативно-разыскными органами – это основанная на законе и согласованная по всем принципиальным условиям деятельность соответствующих лиц и органов, направленная на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений [18, с. 403]. В данном определении на первый план выходит согласованность деятельности отмеченных субъектов.

И. Ф. Герасимов и Е. В. Цыпленкова высказывают точку зрения, согласно которой взаимодействие органов предварительного следствия и дознания представляет собой основанное на законе правильное сочетание и эффективное использование полномочий и методов работы, присущих каждому из этих органов, направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [6, с. 72]. Здесь на первый план выходит тезис о правильном сочетании полномочий и методов работы.

Р. С. Белкин акцентирует внимание на том, что взаимодействие субъектов доказывания является одной из форм организации расследований преступлений. Оно базируется в основном на законе сотрудничества следователя с органом дознания, согласо-

ванного по цели, месту и времени. Это взаимодействие осуществляется в пределах их компетенции в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела [1, с. 31]. Наиболее ценным в данном определении представляется взгляд на взаимодействие в контексте организации расследования преступления.

Как видно, приведенные дефиниции различаются и по форме, и по содержанию. Объединяет эти определения следующее: взаимодействие рассматривается как деятельность, которая осуществляется согласованно по направленности, месту и времени в соответствии с законодательством для целей раскрытия, расследования и предупреждения преступлений на основе взаимного доверия взаимодействующих лиц. Содержанием взаимодействия является выполнение функций в рамках предоставленных полномочий, когда возможностями одного органа сочетаются с возможностями других и дополняются ими. При этом результаты взаимодействия следователя с иными лицами, например с экспертом, позволяют осуществлять более плодотворное взаимодействие с оперативным сотрудником. В более широком смысле взаимодействие следователя с одним из органов (должностным лицом) становится предпосылкой более успешного взаимодействия с другим органом (должностным лицом).

Прежде чем приступить к рассмотрению аспектов взаимодействия следователя с органом дознания, необходимо отметить два важных обстоятельства: во-первых, это взаимодействие выступает одной из составляющих руководства расследованием преступлений как важнейшего элемента его организации [8, с. 739; 2, с. 11; 5, с. 7]; во-вторых, необходимость взаимодействия следователя и органа дознания имеет объективный характер, обусловленный спецификой сферы уголовного судопроизводства. Указанная специфика проявляется в том, что органы предварительного следствия и органы дознания имеют различные законные средства, это находит отражение в нормативной правовой основе деятельности данных субъектов [13, с. 173; 16, с. 11].

Согласно результатам анкетирования, проводимого в следственных управлениях Следственного комитета Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу и Республике Тыва с целью оценки состояния взаимодействия следователя и оперативно-го сотрудника по делам о кражах из жилища в сельской местности, основополагающими при его осуществлении являются следующие задачи: полное и своевременное раскрытие преступления (87 % следователей Сибирского федерального округа и 86,1 % следователей Республики Тыва) и преодоление противодействия расследованию преступления (13 и 11,1 % соответственно). Наиболее тесное взаимодействие происходит в случаях осуществления одновременно следственных и оперативно-разыскных действий. Опрошенные работники следственных управлений Следственного комитета РФ по Сибирскому федеральному округу отметили, что при расследовании краж из жилища в сельской местности примерно в половине случаев (50,4 %) следственные действия проводятся одновременно с оперативно-разыскными мероприятиями. Мнения следователей Республики Тыва распределились таким образом: 47,5 % указали, что следственные действия крайне редко проводятся одновременно с оперативно-разыскными мероприятиями, 45 % констатируют, что вышеперечисленные действия проводятся одновременно по каждому уголовному делу. Согласованные действия в основном направлены на поиски неизвестного преступника (34,2 % следователей Сибирского федерального округа и 20,2 % следователей Республики Тыва), изъятие орудия преступления, других вещественных доказательств (19,4 и 24 % соответственно), а также на задержание предполагаемого преступника (18 и 22,1 % соответственно).

Немаловажным фактором, обуславливающим необходимость взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания при расследовании преступлений, является различное юридическое значение результатов деятельности указанных субъектов: процессуальной деятельности следователя – доказательства, оперативно-разыскной деятельности – оперативная информация, которая не является доказательством по уголовному делу и может быть им лишь при усло-

вии выполнения требований уголовно-процессуального закона.

Помимо объективных факторов, определяющих необходимость взаимодействия следователя и органа дознания, большое значение приобретают тесно связанные с ними субъективные факторы. К их числу относятся: 1) отсутствие у должностных лиц органа дознания системного подхода к подбору оперативных материалов; 2) неверная правовая оценка оперативной информации; 3) недоверие следователя к информации, предоставленной оперативными сотрудниками, несвоевременное реагирование на нее. При этом общим фактором и для следователей, и для оперативных работников является недостаточный опыт их профессиональной деятельности [14, с. 659].

Ответственность за организацию взаимодействия возлагается на руководителей органов предварительного следствия и начальника органа дознания. Они должны контролировать организацию и состояние взаимодействия, выполнение запланированных следственных действий и мероприятий процессуального или оперативно-разыскного характера, давать оценку полученным результатам и принимать меры для устранения выявленных недостатков [4, с. 64].

Природа руководства расследованием преступления, объективные и субъективные факторы взаимодействия следователя с органом дознания определяют существование отдельных форм указанного взаимодействия. Выбор же той или иной формы взаимодействия по конкретному уголовному делу обусловлен складывающейся следственной ситуацией, прежде всего на первоначальном этапе расследования.

В научной литературе чаще всего называются следующие формы взаимодействия: составление единого согласованного плана, обмен информацией, совместное производство следственных и розыскных действий по поручению следователя, обсуждение профилактических мер, отчеты оперативных сотрудников и следователей перед руководителями соответствующих подразделений о выполнении плановых мероприятий [3, с. 260–261], следственная группа, следственно-оперативная группа [12, с. 152–157] и другие. Изученная нами практика показывает, что следова-

тели осуществляют взаимодействие с оперативно-разыскными органами чаще всего в таких формах, как: участие в проведении следственных и розыскных мероприятий (35,1 % следователей Сибирского федерального округа и 32,9 % следователей Республики Тыва), обмен информацией (28,2 и 64 % соответственно), обсуждение имеющейся информации (20,2 и 36 % соответственно). Наиболее эффективным является совместное участие в проведении следственных и иных розыскных мероприятий (40,1 и 32,9 % соответственно).

Согласованность действий при расследовании преступлений представляет собой важный аспект взаимодействия. Этой точки зрения придерживаются Р. С. Белкин, Н. П. Яблоков и другие авторы. Согласованность должна выражаться в выработке единого мнения у участников взаимодействия о необходимости проведения определенных процессуальных действий, тактико-криминалистических операций и в меньшей мере – оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижение целей расследования [11, с. 32].

Взаимодействие следователя и оперативного работника не может только сводиться к поручению провести отдельное следственное действие и непосредственному его осуществлению. Такие поручения должны носить эпизодический характер.

Оперативно-розыскная деятельность носит обеспечительный характер по отношению к уголовному процессу. Это равнозначная подсистема деятельности по расследованию преступлений. Действия следователя, направленные на организацию следственно-оперативной группы, имеют внутриорганизационный характер, который проявляется в процессуальном обеспечении производства по уголовному делу [9, с. 13].

Одной из задач подобного взаимодействия опрошенные следователи считают преодоление противодействия расследованию преступлений. Согласно материалам изученных нами уголовных дел, в той или иной мере оно оказывалось в 72 % случаев. Это противодействие, как правило, связано со стремлением скрыть, изменить или уничтожить информацию, важную для расследования преступления, с уклонением от уголовной ответственности

и наказания за совершенное общественно опасное деяние.

Так, 27 июня 2012 года в селе Эрзин Эрзинского района Республики Тыва около 16–17 часов Б., незаконно проникнув в жилище с целью хищения чужого имущества, тайно похитил цветной телевизор и DVD-плеер, которые впоследствии продал своим знакомым. В ходе проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий в отношении Б. была избрана мера пресечения – взятие подписи о невыезде, после чего он стал оказывать противодействие расследованию, отказываясь являться на допросы, а впоследствии скрылся.

Более серьезное противодействие расследованию можно проиллюстрировать следующим примером. Так, 22 апреля 2014 года в селе Уюк Пий-Хемского района Республики Тыва С. путем взлома навесного замка проник в дом своего соседа, совершив тайное хищение ноутбука. В результате проведенных следственных и иных действий было выявлено лицо, совершившее кражу. В ходе расследования преступления от потерпевшего поступило заявление об оказании С. на него давления, выразившегося в принуждении путем угроз отказаться от данных им показаний. Это обстоятельство, безусловно, потребовало оперативного реагирования следователя.

Некоторые авторы считают, что решение задачи преодоления противодействия является необходимым условием решения задачи полного и своевременного раскрытия преступления [15, с. 163]. На наш взгляд, выделять какую-либо из названных задач в качестве приоритетной будет неверным: в равной мере успешная деятельность следователя по доказыванию способствует более эффективному преодолению противодействия расследованию, особенно если речь идет о расследовании групповых преступлений.

Значительную роль в выявлении, нейтрализации и преодолении такого противодействия играет информация, предоставляемая следователю участковым уполномоченным полиции. В случае невозможности прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы территориального органа МВД России на районном уровне он самостоятельно проводит неотложные следственные действия в целях обнаружения и

фиксации следов преступления. По прибытии на место происшествия следственно-оперативной группы участковый уполномоченный полиции информирует ее руководителя о характере и месте совершения преступления, о потерпевших и возможных очевидцах преступления, предоставляет полученные от них объяснения.

Разумеется, участковый уполномоченный полиции должен знать особенности обслуживаемой им территории. Это требование значительно возрастает к тем из них, кто работает в сельской местности. Выполнение указанного требования становится тем более важным в силу специфических условий жизнедеятельности сельского населения, и в частности Республики Тыва. При этом ему должны быть известны местонахождение селений, скотопрогонных дорог, направление и состояние рек, горных троп, лесов, степень их проходимости, а также местонахождение мостов и переправ. Участковый также знаком с жителями села, знает их привычки, интересы и родственные связи, что однозначно помогает в расследовании преступлений. К сожалению, приходится констатировать, что в большинстве случаев до момента начала необходимого взаимодействия проходит значительный промежуток времени, и это, как отмечают отдельные исследователи, усложняет процесс предварительного расследования [17, с. 111].

Эффективности взаимодействия следователя и органа дознания также будут способствовать такие факторы, как планирование, полнота использования возможностей взаимодействующих сторон в решении задач раскрытия и расследования преступлений, создание атмосферы доверия между ними, сплоченности и взаимной помощи [14, с. 658].

Еще одним фактором, препятствующим осуществлению успешного взаимодействия при расследовании уголовного дела, являются проблемы, связанные межличностными взаимоотношениями его участников. Так, по результатам нашего опроса, наличие указанных проблем отметили 57,4 % следователей. Это вызвано тем, что оперативные сотрудники не всегда своевременно (32 %) и качественно (29,1 %) выполняют поручения следователя о производстве разыскных и отдельных следственных действий по уголовным де-

лам, имеет место недостаточный уровень организованности оперативного сотрудника (24,6 %) и т. д. Аналогичная ситуация складывается и в сфере взаимодействия при расследовании краж из жилища в сельской местности.

Ряд исследователей среди причин, препятствующих эффективному взаимодействию, называют такой фактор, как ограниченная возможность ознакомления следователя с результатами оперативно-разыскной деятельности. По мнению специалистов, доступ следователя ко всей оперативно-разыскной информации органов дознания позволил бы ему осуществить многофакторный, всесторонний анализ имеющихся данных для выработки наиболее оптимального плана следственных действий [13, с. 670].

Значительное число следователей взаимодействие с оперативными сотрудниками при расследовании краж из жилища в сельской местности оценивают как недостаточно эффективное (43,2 %). Это, по их мнению, связано с чрезмерной загруженностью в работе следователей (35,9 %) и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (23,6 %), некомплект в следственном отделе (12,2 %) и т. д.

Несовершенной остается и система взаимного обмена информацией по делам о рассматриваемых кражах, наблюдается несогласованность при производстве следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Следователи порой с недоверием относятся к оперативно-разыскной информации, особенно полученной до возбуждения уголовного дела (72,5 %), при планировании и производстве расследования, а оперативные сотрудники не всегда своевременно и качественно выполняют их поручения о производстве разыскных и отдельных следственных действий по уголовным делам. Необходимо признать, что эти проблемы связаны с недостаточной теоретической разработанностью вопросов взаимодействия следователя и оперативно-разыскных подразделений, а также с отсутствием выработанных на научной основе рекомендаций для практических работников по взаимодействию прежде всего на первоначальном этапе расследования краж из жилища, совершенных в сельской местности.

Литература

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие. 2-е изд., доп. М., 2000.
2. Бескровный Ю. В. Организация раскрытия и расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
3. Бурнашев И. А. Взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел // Криминалистика: учеб. для вузов МВД России. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / редкол.: Б. П. Смагоринский (отв. ред.), А. Ф. Вольинский, А. А. Закатов, А. Г. Филиппов. Волгоград, 1994.
4. Варданыан А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. Иркутск, 2016.
5. Водянова Н. Б. Основы планирования и программирования следственной деятельности: моногр. М., 2010.
6. Герасимов И. Ф. Теоретические и методические основы криминалистики: учеб. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
7. Головин А. Ю. Взаимодействие следователя с субъектами расследования преступлений. Использование помощи общественности // Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольинского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
8. Зеленский В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9, № 4.
9. Зув С. В. Организация применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств противодействия организованной преступности // Рос. следователь. 2008. № 1.
10. Князьков А. С., Польгерт А. В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 415.
11. Лебедев Н. Ю. Взаимодействие органов,

Bibliography

1. Belkin R. S. Forensic encyclopedia: info. allowance. 2nd ed., ext. Moscow, 2000.
2. Beskrovny Yu. V. The organization of disclosure and investigation of crimes that are under investigation to the internal affairs bodies: abstract of dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2012.
3. Burnashev I. A. Interaction of the investigator with the employees of the criminal investigation department, forensic experts and employees of other services of the law-enforcement bodies // Forensic Science: textbook for high schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Vol. 2: Technique, tactics, organization and methodology of investigating crimes / rare: B. P. Smagorinsky (ed.), A. F. Volynsky, A. A. Zakatov, A. G. Filippov. Volgograd, 1994.
4. Vardanyan A. V., Antonov V. A., Belokhrebtoov V. S. Features of detection, disclosure and the initial stage of the investigation of an attempted fraud in the event of reimbursement of value added tax: monography. Irkutsk, 2016.
5. Vodyanova N. B. Fundamentals of planning and programming of investigative activities: monograph. Moscow, 2010.
6. Gerasimov I. F. Theoretical and methodical foundations of criminalistics: textbook for universities / ed. by I. F. Gerasimov, L. Ya. Drapkin. 2nd ed., revised and additional. Moscow, 2000.
7. Golovin A. Yu. Interaction of the investigator with the subjects of the investigation of crimes. Use of public assistance // Forensic Science: textbook for students universities / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. 2nd ed., revised and additional. Moscow, 2009.
8. Zelensky V. D. On the concept and content of the organization of investigation of crimes // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9, № 4.
9. Zuev S. V. Organization of the application of criminal procedural and operational-search means of counteraction to organized crime // Russian investigator. 2008. № 1.
10. Knyazkov A. S., Polgert A. V. Interaction as an element of the criminal organization of the investigator in cases of illegal sale of narcotic drugs using electronic and information-telecommunication networks // Bulletin of the Tomsk State University. 2017. № 415.
11. Lebedev N. Yu. Interaction of bodies that carry out criminal procedural, operational-search and expert-criminalistic activities as one of the elements of the forensic characteristics of preliminary investi-

осуществляющих уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную и экспертно-криминалистическую деятельность как один из элементов криминалистической характеристики предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2004.

12. Меретуков Г. М. Возникновение и развитие следственно-оперативных групп как формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2002.

13. Плиев Р. Х. Некоторые аспекты взаимодействия следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании преступлений террористического характера // Проблемы в российском законодательстве. Юрид. журн. 2012. № 5.

14. Пупцева А. В. Основные факторы взаимодействия следователя и органа дознания в ходе расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (1).

15. Стерлядьев А. С. Роль оперативно-розыскной деятельности в преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006.

16. Цуканова О. В. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта // Рос. следователь. 2015. № 19.

17. Шурухнов В. А. Оперативная деятельность как фактор, обеспечивающий выявление и нейтрализацию противодействия расследованию // Наука и практика. 2015. № 1 (62).

18. Яблоков Н. П. Тактика взаимодействия следователей и оперативно-розыскных органов при расследовании: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

gation // Actual problems of combating crimes and other offenses: materials of the Second International scientific and practical conference. Barnaul, 2004.

12. Meretukov G. M. The emergence and development of investigative and operational groups as a form of interaction between the bodies of preliminary investigation and inquiry // Actual problems of criminalistics at the present stage: materials All-Russian scientific-practical conference. Krasnodar, 2002.

13. Pliev R. Kh. Some aspects of the interaction of investigators, operatives and specialists in the investigation of crimes of a terrorist nature. // Gaps in Russian legislation. Juridical journal. 2012. № 5.

14. Puptseva A. V. The main factors of interaction of the investigator and the body of inquiry during the investigation of crimes // Modern problems of science and education. 2015. № 2 (1).

15. Sterlyadiev A. S. The role of operative-search activity in overcoming the counteraction to the disclosure and investigation of crimes // Overcoming conflict situations in the process of disclosure and investigation of crimes: Sat. sci. works. Ekaterinburg, 2006.

16. Tsukanova O. V. Peculiarities of interaction of the investigator with the bodies of inquiry in the investigation of crimes committed at railway transport facilities // Russian Investigator. 2015. № 19.

17. Shurukhnov V. A. Operational Activity as a Factor Ensuring Identification and Neutralization of Counteraction to Investigation // Science and Practice. 2015. № 1 (62).

18. Yablokov N. P. Tactics of the interaction of investigators and operational investigative bodies in the investigation: textbook. 3rd ed., revised and additional. Moscow, 2005.

© 2017 г. Т. В. Стукалова,

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: tanya.stukalova.2002@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

В статье рассматривается отличие апелляции от кассации по уголовным делам. Дается краткая характеристика стадии апелляционного производства по уголовным делам по «квадрату обязательных признаков стадии», являющемуся изобретением нижегородской школы процессуалистов. Анализируются основные проблемы апелляционного пересмотра уголовных дел.

Ключевые слова: апелляционный суд по уголовным делам, апелляционная инстанция по уголовным делам, пересмотр судебных решений по уголовным делам, судебные решения по уголовным делам, не вступившие в законную силу, проблемы уголовной апелляции.

T. V. Stukalova – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

CURRENT PROBLEMS ARISING FROM THE REVIEW OF CRIMINAL CASES BY THE COURT OF APPEAL

The article discusses the difference of the appeal of cassation in criminal cases. Provides a brief description of the appeal stage in criminal cases to «square the essential characteristics of the stage», which was the invention of the Nizhny Novgorod school of processualists. Analyzes the main problems of appellate review of criminal cases.

Key words: Court of Appeal for Criminal Matters, Court of Appeal in Criminal Matters, revision of court decisions in criminal cases, judicial decisions in criminal cases that have not entered into force, problems of criminal appeal.

В настоящее время в нашей стране осуществляется судебная реформа, начало которой было положено вступлением России в 1996 году в Совет Европы. С этой реформой связано, во-первых, принятие новых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, во-вторых, объединение судов общей юрисдикции и арбитражных судов под эгидой Верховного Суда РФ, в-третьих, изменение сущности пересматривания итоговых судебных решений по существу в вышестоящих *instantia* (апелляции, кассации, надзора), а также другие изменения и дополнения, внесенные в законодательство.

Как известно, до реформы апелляционной *instantia* по уголовным делам выступал только районный суд. Однако это противоречило международным стандартам в области обеспечения прав обвиняемых (подсудимых, осужденных) в совершении преступления. В частности, в пункте 1 статьи 2 протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено право на апелляцию по уголовным делам [1].

Следует отметить, что апелляции принадлежит решающая роль и в практической деятельности судебных органов. Обратимся к официальным данным судебной практики. Так, уголовными судами общей юрисдикции в 2016 году по существу были рассмотрены и разрешены 961 083 уголовных дела (в 2015 году – 965 925 дел, в 2014 году – 936 797). Апелляционному пересмотру подверглись 346 757 (36 %) уголовных дел (в 2015 году – 350 894 (36,3 %), в 2014 году – 346 513 (37 %)). Для сравнения: в кассационной и надзорной *instantia* пересматривались 10 534 (1 %) уголовных дела (в 2015 году – 10 532 (1,1 %), в 2014 году – 10 366 дел (1,1 %)).

В 2016 году в 73 % (в 2015 году – 71,2 %, в 2014 году – 71,4 %) случаев принимались новые решения в суде апелляционной *instantia* (в 2015 году – 28,8 %, в 2014 году – 28,6 %), в 27 % случаев – в судах кассационной и надзорной *instantia*. Таким образом, почти 30 % случаев исправления судебных ошибок приходится на кассационную и надзорную *instantia*, что свидетельствует о недостаточной эффективности работы судов апелляционной *instantia* [2].

Как известно, до внесения законодательных изменений в стадии апелляционного и кассационного производства осуществлялся пересмотр не вступивших в законную силу судебных решений нижестоящих судов. Сегодня ситуация изменилась. Сходство кассационного и апелляционного производств заключается в единстве их задач, проверке решений нижестоящих судов; процессуальный порядок обжалования судебных решений также в основном не имеет различий; действует правило о невозможности «поворота к худшему». В свою очередь, различия между апелляционным и кассационным производством состоят в следующем:

1. Предмет пересмотра. В порядке апелляции пересматриваются только претензии апеллятора и представления прокурора на итоговые судебные решения по уголовным делам, не вступившие в законную силу. В порядке кассации обжалуются итоговые судебные решения, вступившие в законную силу.

2. Субъекты пересмотра. Отличие здесь касается субъектов, имеющих право на обжалование со стороны публичных органов уголовного преследования. Апелляционное представление вправе подать должностное лицо прокуратуры любого звена, начиная от районного, в то время как правом обжалования в кассационном порядке обладают только Генеральный прокурор Российской Федерации, прокурор субъекта РФ и их заместители.

3. Сроки обжалования. В апелляционном порядке стороны вправе обжаловать судебное решение в течение 10 суток со дня его провозглашения (либо вручения копии судебного решения лицу, находящемуся под стражей), а в кассационном – в течение года со дня вступления судебного решения в законную силу.

4. Пределы проверки. В апелляционном порядке стороны имеют право обжаловать законность, обоснованность и справедливость принятого судебного решения, а в кассационном производстве обжалуется только законность вынесенного решения, то есть проверяются вопросы соответствия решения и процедуры рассмотрения дела в суде первой *instantia* нормам уголовного и уголовно-процессуального законов.

5. Способы исследования доказательств. При апелляции суд проверяет доказательства непосредственно, а при кассации он, как

правило, не осуществляет непосредственного исследования доказательств по делу. Рассмотрение жалобы в суде кассационной *instantia* происходит в основном по письменным материалам, однако стороны имеют право выступить по делу.

6. Процедура рассмотрения жалобы. В отличие от апелляции, подача кассационной жалобы при условии соблюдения необходимых процедур не предусматривает ее обязательного рассмотрения. Предварительно жалоба, представление изучаются судьей на предмет наличия основания для переоценки итоговых судебных решений в кассационном порядке, после чего принимается решение либо об отказе в передаче претензий кассатора, представления для ее рассмотрения, либо об их направлении в суд кассационной *instantia*.

7. «Поворот к худшему». Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность «поворота к худшему» как в рамках апелляционного, так и кассационного производств. Но при рассмотрении дела в апелляционной *instantia*, в отличие от кассационной, суд вправе непосредственно ухудшить положение обвиняемого, то есть постановить взамен прежнего новый приговор, ухудшающий положение лица.

8. Итоговые решения. Суд апелляционной *instantia* может по результатам рассмотрения вынести новое (собственное) итоговое процессуальное решение, заменяющее собой судебные решения суда по существу. Кассационный суд не правомочен сделать это. В его компетенцию входит изменение либо отмена первоначального судебного решения и возвращение материалов дела на предыдущие стадии уголовного процесса.

Внедрение единообразной системы апелляционного производства для всех звеньев судов общей юрисдикции позволило повысить гарантированность судебной защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Для того чтобы лучше понять сущность апелляции, необходимо рассмотреть эту стадию по «квадрату обязательных признаков стадии» [3], разработанному и предложенному представителями нижегородской школы процессуалистов (В. Т. Томиным, А. С. Александровым, М. П. Поляковым, Н. Н. Ковтуном и другими). При этом в рамках обязательных

признаков рассматриваются: 1) задачи, разрешаемые в данной стадии; 2) методы стадии (то есть набор процессуальных средств и способов, применяемых органами, в производстве которых находится уголовное дело, для решения задач стадии); 3) круг участников уголовного процесса; 4) структура стадии (начальный и конечный момент, протяженность во времени).

К задачам стадии можно отнести: проверку законности, обоснованности и справедливости судебного решения нижестоящего суда, не вступившего в законную силу, и промежуточного решения суда по существу; вынесение правосудного решения судом апелляционной *instantia*; обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 2 ст. 389.2) промежуточные судебные решения обжалуются апелляционно одновременно с итоговыми судебными решениями по уголовному делу, например, постановления или определения об удовлетворении ходатайств или об отказе в удовлетворении ходатайств участников уголовного дела, о порядке исследования доказательств и другие судебные промежуточные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, помимо указанных в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ.

К основному методу стадии необходимо отнести рассмотрение уголовного дела апелляционным судом в форме открытого (или закрытого) судебного заседания по общим правилам судебного разбирательства за изъятиями, предусмотренными главой 45.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Круг участников стадии апелляционного пересмотра составляют: подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого уголовное дело было прекращено; лицо, в отношении которого вынесено решение об экстрадиции; лицо, в отношении которого ведется (или велось) производство о применении принудительных мер медицинского характера; их защитники; законные представители; прокурор и (или) вышестоящий прокурор; государственный обвинитель; гражданский истец, гражданский ответчик; их законные представители и (или) представители (в части, касающейся гражданского иска); потерпевший; ча-

стный обвинитель; их законные представители и (или) представители; иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает права и законные интересы данных лиц в уголовном процессе.

Структурно апелляционное производство включает в себя два взаимосвязанных этапа: а) производство в суде, в котором уголовное дело рассматривается по существу; б) производство в суде вышестоящей *instantia*.

Протяженность стадии апелляционного производства законодательно не регламентирована. Жалоба либо представление апеллятора на приговор или иное итоговое решение суда по уголовному делу могут быть поданы в течение 10 суток со дня постановления и провозглашения итогового судебного решения. В случае подачи жалобы «особым» апеллятором – осужденным, к которому применена такая мера пресечения, как заключение под стражу, – в тот же срок, но уже со дня вручения ему копии итогового судебного решения.

В ст. 362 УПК РФ имеется указание на то, что рассмотрение уголовного дела в апелляционном порядке должно быть начато в срок не позднее 14 суток со дня поступления апелляционной жалобы или представления. Стадия начинается с момента подачи участником жалобы или представления на решение суда. Заканчивается она постановлением судом апелляционной *instantia* итогового судебного решения по уголовному делу.

Проанализируем некоторые проблемы, возникающие при рассмотрении уголовных дел в стадии апелляционного производства.

При рассмотрении уголовных дел судом второй *instantia* одной из актуальных остается проблема «поворота к худшему». Данный правовой институт регламентируется в том числе и на международном уровне (например, п. 2 ст. 2 протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Частью 4 ст. 389.19 УПК РФ апелляционному суду запрещено «предвосхищать» решение суда первой *instantia*, направившего уголовное дело для пересмотра. Однако на практике суды апелляционной *instantia* оказываются «заложниками», которые подсознательно дают указания суду первой *instantia*.

Анализ итоговых решений апелляционного суда судебной коллегии по уголовным де-

лам Нижегородского областного суда за 2013–2015 годы показал, что в основном суд апелляционной *instantia* соблюдает запрет на «поворот к худшему» положения осужденного, однако имеют место случаи, когда апелляционный суд вопреки требованиям ч. 4 ст. 389.19 УПК РФ занимает позицию обвинительного уклона и дает рекомендации при возвращении уголовного дела суду первой *instantia*, которые, по сути, запрещены.

Так, например, рассмотрим приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 30 января 2013 года по уголовному делу № 22-4470АП. Фабула уголовного дела заключалась в следующем: Ш. и К. совершили грабеж в отношении Б. группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище и применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Преступники были осуждены за совершенный грабеж и ранее совершенный совместно с гражданином Н. разбой с применением насилия, опасного для жизни, с причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего С.

Судебная коллегия по уголовным делам в апелляционном определении указала, что «фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, не соответствуют предварительной квалификации содеянного и могут свидетельствовать о наличии в действиях обвиняемых Н. и Ш. признаков более тяжкого преступления...». В описательно-мотивировочной части определения также было отмечено, что «если при новом рассмотрении дела судом вина К., Н. и Ш. будет доказана, наказание, назначенное каждому из них, следует признать несправедливым вследствие чрезмерной мягкости...» [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактически апелляционный суд дал указание суду по существу относительно рассмотрения направляемого уголовного дела и порядка назначения наказания. Тем самым суд апелляционной *instantia* оказал своего рода давление на независимый суд. В данном случае усматривается косвенное влияние суда апелляционной *instantia* на изменение приговора в сторону ухудшения положения лиц, совершивших преступление.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года

№ 26 (в редакции от 1 декабря 2015 года) апелляционный суд не имеет права предвосхищать выводы суда об обстоятельствах, указанных в ч. 4 ст. 389.19 УПК РФ, поскольку при повторном рассмотрении дела суд первой *instantia* обязан разрешить вопрос о виновности (невиновности) лица исходя из самостоятельной оценки доказательств в соответствии с требованиями ст. 17 и 88 УПК РФ [5].

Вторая проблема тесно связана с предыдущей – запретом «поворота к худшему». В частности, это проблема реализации диспозитивного и ревизионного начал в апелляции. Суд апелляционной *instantia*, как и любой суд, не может выступать субъектом диспозитивности. При рассмотрении и разрешении уголовных дел суд выступает как субъект, выполняющий публичную функцию. К субъектам диспозитивности в широком смысле можно отнести всех лиц, наделенных правами апеллятора, в том числе и иных лиц, чьи права и законные интересы были затронуты судебным решением суда первой *instantia*.

Суд апелляционной *instantia* в современный период может выйти за пределы апелляционной жалобы либо представления, если тем самым не будет допущено ухудшение положения осужденного. В этом усматривается проявление ревизионного начала суда апелляционной *instantia*. По ранее действовавшему законодательству суд апелляционной *instantia* не мог выйти за рамки претензии апеллятора. Если в ходе рассмотрения судом уголовного дела по существу были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, которые не могут быть самостоятельно устранены апелляционным судом, то в соответствии с ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ итоговые решения суда по существу подлежат отмене и возвращению уголовного дела для нового судебного разбирательства.

В случаях, предусмотренных в ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ, уголовное дело передается для нового судебного разбирательства в суд, постановивший изначально итоговое решение при рассмотрении уголовного дела по существу, но иным составом. Поскольку решения мирового судьи также подлежат апелляционному обжалованию, а также с учетом того, что на судебном участке имеется один мировой судья и сформировать иной состав суда при возвращении уголовного дела невозмож-

но, пересмотр уголовного дела осуществляется мировым судьей другого судебного участка (как правило, соседнего с основным).

Если при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной *instantia* будут выявлены обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, то в соответствии с ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ итоговые решения суда по существу подлежат отмене с возвращением уголовного дела прокурору. В том же контексте обеспечения права на реализацию идеи широкой свободы обжалования может быть воспринято и правило, определяющее обязательность указаний вышестоящей *instantia*.

Третья проблема напрямую связана с предыдущей и относится к реализации принципа диспозитивности в суде апелляционной *instantia*. В частности, она касается понятия сущности такой категории участников-апелляторов, как «и иные лица, чьи права и законные интересы были затронуты судебным решением суда первой *instantia*» (ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ). Эта категория участников уголовного судопроизводства правоприменителю не совсем понятна. В связи с этим представляется возможным внести предложение о разработке в ст. 5 УПК РФ нового пункта, в котором содержалось бы понятие данных лиц с указанием обязательных признаков.

При рассмотрении уголовных дел судом апелляционной *instantia* может возникнуть проблема, связанная с примирением сторон в ходе апелляции. Она является достаточно дискуссионной. Апелляционный суд может «столкнуться» с правовым институтом примирения сторон в следующих случаях: во-первых, если суд по существу не прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон в случае, когда на то имелись законные основания, во-вторых, если в апелляционный суд обжалуется постановление суда по существу о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, и, в-третьих, если стороны (обвинения и защиты) желают примириться непосредственно в суде апелляционной *instantia*.

Причем в том и в другом случае суд апелляционной *instantia* может отменить решение суда по существу как незаконное и необоснованное. В первом случае апелляционный суд будет действовать по правилам суда по существу и принимать решение в том числе в соответствии со ст. 389.21 УПК РФ. Во втором – если, например, суд первой *in-*

stantia отказывает потерпевшему в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, апелляционный суд примет решение об отмене судебного решения в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ. В третьем случае апелляционный суд вправе прекратить уголовное дело исходя из п. 8 ст. 389.20 УПК РФ.

В соответствии со ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ суд на основании заявления потерпевшего или его законного представителя может прекратить уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, при условии, что: 1) это преступление небольшой или средней тяжести; 2) преступление совершено впервые; 3) лицо, обвиняемое в совершении преступления, примирилось с потерпевшим; 4) лицо, обвиняемое в совершении преступления, загладило причиненный вред.

Пленум Верховного Суда РФ (п. 9 постановления от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности») дополнительно разъяснил судам, что также необходимо принимать во внимание конкретные обстоятельства уголовного дела, такие как: число объектов преступных деяний, особенности и приоритет этих объектов, наличие «свободно заявленного согласия потерпевшего», изменение степени общественной опасности преступника после возмещения им причиненного вреда и реализации правового института примирения сторон, обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание.

Конституционный Суд Российской Федерации также пришел к выводу о том, что «по буквальному смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства решение вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, исследование и оценка которых являются прерогативой судов общей юрисдикции» [6].

Пятая проблема связана с исследованием доказательств судом апелляционной *instantia* на этапе судебного следствия. При этом законодатель разрешает суду не исследовать апелляционной *instantia* все доказательства непосредственно и в устной форме. Доказательства, полученные судом по существу, могут оцениваться (и переоцениваться) судом апел-

ляционной *instantia* путем исследования письменных доказательств, если такие доказательства не вызывают сомнения в их относимости, достоверности, допустимости и достаточности, а также в случае, если отсутствует ходатайство сторон о дополнительном (или повторном) исследовании доказательств, уже исследованных в суде первой *instantia*.

Однако подобное положение дел встречается резкое неприятие со стороны ведущих российских ученых. В частности, А. С. Александрова считает, что исследование доказательств в суде апелляционной *instantia* должно происходить, во-первых, в полном объеме, то есть при условии вынесения законного, обоснованного и справедливого решения, во-вторых, с соблюдением такого общего условия судебного разбирательства, как «непосредственность и устность судебного разбирательства».

Некоторые ученые полагают, что апелляция должна быть неполной. Так, по мнению Н. Н. Мазина, «назначение апелляции не требует ни повсеместного применения максимальных познавательных средств суда первой *instantia*, ни обязательного повторения разбирательства уголовного дела в его полном объеме в силу одного лишь заявленного интереса сторон в получении “правосудного решения”» [7].

С. А. Трухин также утверждает, что «апелляция представляет собой процедуру проверки законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой *instantia* с возможностью проведения судебно-следственных действий для проверки тех фактических обстоятельств, которые оспаривают стороны либо которые вызывают сомнения у суда апелляционной *instantia*, а также исследования новых обстоятельств, отсутствовавших в суде первой *instantia*, существенно влияющих на решение предусмотренных ст. 299 УПК РФ вопросов об уголовной ответственности подсудимого, назначении наказания либо освобождении от уголовной ответственности или наказания» [8].

В связи с этим становится понятным, что «короткое» исследование доказательств в суде апелляционной *instantia* обусловлено реальной практической необходимостью. В данном случае это зависит как минимум от трех факторов. Во-первых, на одну апелляционную *instantia* приходится несколько судов первой *in-*

stantia (например, в Нижнем Новгороде на 8 районных судов города с районным делением – только одна апелляционная *instantia* – Нижегородский областной суд). Во-вторых, суды апелляционной *instantia* пытаются обеспечить соблюдение принципов разумного срока уголовного судопроизводства и процессуальной экономии, действуя в максимально сжатые сроки. В-третьих, нельзя забывать о том, что к осужденному по обвинительному приговору, не вступившему в законную силу, по-прежнему применяется мера пресечения в виде заключения под стражу. В соответствии с третьим фактором следует помнить об обеспечении прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов. Помимо высказанных аргументов, законодателю и правоприменителю необходимо учитывать и то, что при любом стечении обстоятельств должны соблюдаться общие правила проверки и оценки доказательств в целях вынесения правильного судебного решения.

Рассмотрение уголовного дела в апелляционном суде также должно быть состязательным. Однако реализация состязательности при производстве по уголовным делам в суде второй *instantia* имеет свои особенности, связанные с выполнением судом и сторонами уголовно-процессуальных функций. Так, по мнению Л. И. Алтыниковой, эти функции отличаются от тех, которые возложены на участников уголовного дела при рассмотрении дела по существу [9].

Стороны осуществляют уголовно-процессуальную деятельность в целях защиты судом второй *instantia* их прав, нарушенных в суде первой *instantia*, в том числе путем восполнения пробелов судебного разбирательства, допущенных при рассмотрении уголовного дела по существу. Апелляционный суд, в свою очередь, осуществляет, кроме прочего, и функцию судебного контроля. Суд второй *instantia* проверяет законность, обоснованность и справедливость приговора, иного обжалуемого итогового решения суда по существу, а также своевременность исправления и устранения ошибок суда.

Таким образом, необходимо отметить, что при рассмотрении и разрешении уголовных дел судом второй *instantia* возникает достаточно много проблем, которые требуют решения как на законодательном, так и на правоприменительном уровне в ближайшее время и в отдаленном будущем.

Литература

1. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22 ноября 1984 г.). URL: <http://consultant.ru>
2. Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов за 2014, 2015 и 2016 годы. URL: <http://www.cdep.ni>
3. Статистические сведения Верховного Суда Российской Федерации о работе судов за 2014, 2015 и 2016 годы. URL: <http://www.V5rf.ru>
4. Уголовный процесс России: учеб. / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003.
5. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 21 августа 2013 года по делу № 22-4470АП // Архив Нижегород. областного суда. URL: <http://consultant.ru>
6. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 нояб. 2012 г. № 26 (в ред. от 1 дек. 2015 г.). URL: <http://consultant.ru>
7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 04.06.2007 № 519-О-О. URL: <http://consultant.ru>
8. Мазина Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
9. Трухин С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
10. Алтынникова Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в современном российском апелляционном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Bibliography

1. Protocol № 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Strasbourg, November 22, 1984). URL: <http://consultant.ru>
2. Statistical information of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the work of courts for 2014, 2015 and 2016. URL: <http://www.cdep.ni>
3. Statistical information of the Supreme Court of the Russian Federation on the work of courts for 2014, 2015 and 2016. URL: <http://www.V5rf.ru>
4. Criminal Process in Russia: textbook / A. S. Aleksandrov, N. N. Kovtun, M. P. Polyakov, S. P. Serebrova; scientific ed. V. T. Thomin. Moscow, 2003.
5. Appeal determination of the judicial collegium for criminal cases of the Nizhny Novgorod Regional Court of August 21, 2013 in the case № 22-4470AP // Archive of the Nizhny Novgorod Regional Court. URL: <http://consultant.ru>
6. On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the proceedings in court of the appellate instance: decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 № 26 (ed. on December 1, 2015). URL: <http://consultant.ru>
7. On refusal to accept the request of the Leninsky district court of the city of Makhachkala to verify the constitutionality of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.06.2007 № 519-O-O. URL: <http://consultant.ru>
8. Mazina N. N. Appeal production in the modern criminal process: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2015.
9. Trukhin S. A. The subject and limits of the appeal proceedings of criminal cases: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2016.
10. Altynnikova L. I. Peculiarities of the implementation of the adversarial principle of the parties in the modern Russian appellate proceedings in criminal cases: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2017.

© 2017 г. **М. Н. Шувалов,**

старший преподаватель кафедры криминалистики четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

E-mail:mnshuvalov@yandex.ru

М. И. Чувствина,

преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России.

E-mail:michuvstvina@gmail.com

СТАТУС АДВОКАТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оказанием адвокатом правовой помощи подзащитному лицу в уголовном процессе. Представлено теоретическое и практическое обоснование участия адвокатов как защитников при производстве предварительного расследования.

Ключевые слова: адвокат, право на защиту, предварительное расследование, права и свободы, подозреваемый, обвиняемый.

M. N. Shuvalov – Senior Lecturer, Department of Criminalistics of the fourth Faculty of Professional Development (Nizhny Novgorod) of the Advanced Training Institute, the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

M. I. Chuvstvina – Lecturer, Department of the Preliminary Investigation, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

STATUS OF A LAWYER DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article discusses issues related to the lawyer's provision of legal assistance to the defendant person in criminal proceedings. Presents a theoretical and practical basis for the participation of lawyers as defenders during a preliminary investigation.

Key words: lawyer, the right to counsel, the preliminary inquiry rights and freedoms of the suspect, the accused.

Как известно, право на защиту в уголовном процессе обуславливается не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и правовым статусом лица, гражданина в обществе, государстве, характером и степенью развития демократических начал. В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации права и свободы и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства [1]. Утверждение и обеспечение прав и свобод являются главной обязанностью государства. Реализация права на правовую помощь защитника связана со статусом лица, нуждающегося в этой помощи. В зависимости от статуса лица, которому предоставляется правовая помощь, существенно меняется процессуальный статус адвоката в конкретном деле, а следовательно, изменяются его права и обязанности.

Законодательство Российской Федерации наделяет адвоката определенными правами и обязанностями для осуществления им профессиональной деятельности на досудебном

следствии и в суде. В статье 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] устанавливается, что защитник вправе использовать предусмотренные в кодексе и не запрещенные им средства и способы защиты с целью выяснения обстоятельств, опровергающих подозрение или обвинение, смягчающих или исключających уголовную ответственность подзащитного, и оказывать необходимую ему юридическую помощь.

В научной литературе не сформировано устойчивого понимания соотношения таких категорий, как «способы защиты» и «средства защиты», Уголовно-процессуальный кодекс РФ также не раскрывает содержания категории «средства защиты», следовательно, возникает вопрос о том, что регламентируется законодателем в указанной норме, когда речь идет о «средствах защиты». Одни ученые приравнивают средства и способы защиты к правам и обязанностям адвоката и в то же время приемы и тактику защиты, а другие – процессуальные формы участия защитника в

уголовном судопроизводстве, то есть права, предоставленные ему законом.

Для решения вопроса о критериях разграничения категорий «средство защиты как нормативно определенное возможное действие защитника» и «способ защиты как тактический прием» необходимо использовать критерий нормативного определения способа защиты. Однако в некоторых случаях законодатель заранее определяет тактику действий защитника и время этих действий, если под тактикой понимать приемы, используемые им для эффективной защиты. Так, например, чисто тактический аспект защиты находит свое отражение в ч. 6 ст. 49 УПК РФ, в которой указывается, что лицо не может быть защитником двух подзащитных, если их интересы противоречат друг другу. Способ защиты как тактический прием адвокат использует по своему усмотрению в пределах средств защиты, которые являются производными от определенных в законодательстве его прав, а не в связи с тем, что эти средства определены в законодательстве (чего в действительности не происходит).

Анализ ст. 53 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что задачей защитника и его обязанностью в уголовном процессе является выяснения обстоятельств, которые опровергают подозрение или обвинение, смягчают или исключают уголовную ответственность подзащитного. Избрание адвокатом верной тактики защиты – залог исполнения им своих профессиональных обязанностей. Учитывая бесспорность этого тезиса, по нашему мнению, тактические особенности участия адвоката-защитника при выполнении отдельных следственных действий необходимо рассматривать в контексте его прав и обязанностей. В частности, процессуальный статус адвоката, который оказывает правовую помощь в качестве защитника конкретного лица в ходе предварительного расследования, имеет определенные особенности. Предоставление правовой помощи потенциальным подозреваемым или обвиняемым на стадии досудебного следствия, когда дело было возбуждено по факту, рассматривается многими исследователями как важный этап в работе адвоката.

В связи с этим Ю. Ф. Лубшев отмечает, что объем конкретных правомочий защитника зависит от момента его вступления в дело. Исследователь определяет три задачи адвоката к моменту предъявления обвинения: во-первых, профессиональное оказание правовой помо-

щи подозреваемому, во-вторых, защита его гражданских и личных прав и, в-третьих, защита от обвинения, которое в данный момент еще имеет форму подозрения [3, с. 668].

В соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник допускается к участию в уголовном деле с момента осуществления иных мер процессуального принуждения и иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы подозреваемого. По мнению А. П. Рыжакова, началом реализации иных мер процессуального принуждения и иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы подозреваемого, как правило, может быть объявление ему соответствующего постановления (о проведении обыска, освидетельствования и т. п.) [4, с. 167–168]. Во время объявления этого документа может присутствовать защитник. При допросе подозреваемого, как указывает А. П. Рыжаков, затрагиваются права и свободы данного лица, поэтому начинать допрос необходимо только после предоставления подозреваемому возможности пригласить защитника [4, с. 168]. В этом случае право на правовую помощь защитника предоставлено лицу, которое подозревается, с момента осуществления иных мер процессуального принуждения и других процессуальных действий в отношении данного лица. Частью 3 ст. 49 УПК РФ устанавливается, что защитник допускается к участию в деле на любой стадии производства предварительного расследования, но не ранее возбуждения производства по делу в отношении лица, задержания, избрания меры пресечения или применения иных мер процессуального принуждения. В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым признается лицо при наличии одного из следующих оснований: 1) возбуждения в отношении этого лица производства по уголовному делу; 2) процессуального оформления его задержания соответствующим протоколом; 3) применения в отношении него меры пресечения. При таком подходе законодателя к нормативному закреплению допуска защитника к участию в деле и дальше будет продолжаться негативная практика, когда лицо, заподозренное в совершении преступления, дает объяснения или допрашивается в качестве свидетеля, не имея процессуальных прав для защиты от подозрения.

Несовершенными в рассматриваемой норме являются права и обязанности адвоката до его официального допуска в качестве защит-

ника конкретного лица в ходе предварительного расследования.

В ст. 49 УПК РФ закрепляется перечень прав и обязанностей защитника с момента допуска его к участию в деле. Совокупность этих прав и обязанностей определяется категорией «процессуальный статус» данного субъекта процессуальных отношений. Однако ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5] безотносительно к тому, приобрел ли адвокат статус защитника, во многом дублирует указанный перечень прав, но уже как перечень прав адвоката. К этому можно добавить, что и Правила адвокатской этики конкретизируют статус адвоката и выдвигают дополнительные требования к его профессиональной деятельности. Таким образом, процессуальный статус защитника-адвоката определяется не только нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, но и другими нормативными правовыми актами.

В юридической литературе высказано мнение о существовании двух статусов защитника и несовпадении процессуального статуса с его фактическим статусом. Ю. Ф. Лубшев, рассматривая права и обязанности адвоката-защитника на предварительном следствии, различает процессуальный и фактический статусы: «Вся совокупность прав и обязанностей участника процесса, составляющая содержание его статуса как участника уголовного процесса, может быть названа его фактическим положением ... Есть отношения, которые или нецелесообразно, или невозможно урегулировать правом в силу их многогранности и индивидуальной неповторимости» [3, с. 665, 666]. С точки зрения автора, выделение фактического положения адвоката обусловлено необходимостью реформирования уголовно-процессуального законодательства, Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ. Представлена также позиция о том, что деятельность адвоката в уголовном процессе нужно рассматривать на двух этапах: «передпроцессуальной или допроцессуальной деятельности» и процессуальной деятельности защитника по уголовному делу [6, с. 178].

По нашему мнению, статус адвоката-защитника целесообразно разделять не на правовой и фактический, а на общеправовой и уголовно-процессуальный, поскольку правовая помощь адвоката в уголовном процессе не ограничивается его процессуальным статусом в деле. До вступления в дело в качест-

ве защитника адвокат, как правило, предоставляет предварительную правовую помощь лицам, которые считают, что в отношении них у правоохранительных органов имеются подозрения в совершении преступления. Предоставление адвокатом правовой помощи лицу в ходе проведения дознания и на стадии досудебного следствия является примером реализации его профессиональных прав, установленных в ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ. В данном случае следует вести речь не об адвокате-защитнике в уголовном процессе, а об адвокате, который оказывает правовую помощь лицу в уголовном процессе. При этом можно утверждать, что именно на стадии решения вопросов о возбуждении уголовного дела относительно определенного лица или возбуждения дела «по факту совершения преступления» такое лицо нуждается в квалифицированной правовой помощи. Правовая помощь не должна ограничиваться консультациями в адвокатских конторах или составлением письменных справок. Некоторых подозреваемых, обвиняемых на первых стадиях уголовного процесса, допрашивают в качестве свидетелей, поэтому внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ изменения о предоставлении правовой помощи свидетелям в определенной степени могут защитить права и интересы подозреваемых, обвиняемых, которые впервые были допрошены в качестве свидетелей.

Представляется, что проблема защиты этих лиц возникает еще с момента проверки заявлений, сообщений о преступлениях субъектами доказывания. В частности, когда необходимо проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения дела, такая проверка осуществляется дознавателем, следователем или органом дознания путем отобрания объяснений от отдельных граждан, должностных лиц или проведения оперативно-разыскных мероприятий.

В. С. Зеленецкий определяет процесс приема, регистрации и проверки заявлений и сообщений о преступлении как доследственный уголовный процесс [6, с. 261]. Как отмечает В. В. Тищенко, данная стадия предполагает сбор, анализ источников информации, которые впоследствии трансформируются в источники доказательств [7, с. 234]. Вместе с тем возникает вопрос о том, могут ли воспользоваться помощью адвоката лица, в отношении которых осуществляются про-

цессуальные меры в виде отобрания объяснений. Бесспорно, это их конституционное право, но данные лица не свободны в выборе места и времени получения правовых консультаций адвоката. Скажем, при проверке заявлений о преступлении в случае явки с повинной или отобрания объяснений от лиц в порядке ст. 144 УПК РФ соответствующие должностные лица правоохранительных органов не позволяют адвокатам присутствовать при осуществлении таких процессуальных действий в отношении их клиентов.

Нормы ч. 4 ст. 56 УПК РФ, предоставляющие свидетелю право воспользоваться правовой помощью адвоката во время допроса, не устранили указанных ограничений прав лиц на правовую помощь в уголовном процессе. Эти ограничения являются следствием не только неурегулированности данного вопроса в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, но и продуцируются недостатками Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ. В частности, данный закон не предусматривает такого вида адвокатской деятельности, как оказание правовой помощи в уголовном судопроизводстве. Определенные в ст. 2 закона виды адвокатской деятельности (консультации по юридическим вопросам, представительство) не охватывают предоставление правовой помощи в уголовном процессе, в том числе на стадии проверки заявлений о преступлении в случае явки с повинной или отобрания объяснений от лиц в порядке ст. 144 УПК РФ. Как уже отмечалось, Уголовно-процессуальный кодекс РФ также не предусматривает предоставления адвокатом правовой помощи лицу на этой стадии.

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [8] разъяснил, что в соответствии со ст. 16 УПК РФ, касающейся обеспечения права на защиту как одного из принципов уголовного судопроизводства, действующего на всех стадиях уголовного процесса, правом на защиту наделены, помимо указанных в статье подозреваемого и обвиняемого, лица, в отношении которых осуществляются процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном в ст. 144 УПК РФ, затрагивающие их права и свободы.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым внести в Федеральный за-

кон от 31.05.2002 № 63-ФЗ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ изменения, связанные с правом адвоката присутствовать при проведении любых процессуальных действий в отношении лица, интересы которого адвокат защищает или представляет, с правом задавать вопросы всем участникам процессуальных действий и занесением этих вопросов и ответов на них в соответствующий протокол. Однако сегодня адвокат-защитник, уполномоченный осуществлять защиту прав и законных интересов, предоставлять правовую помощь при производстве по уголовному делу только указанным в ст. 49 УПК РФ лицам, а именно подозреваемым и обвиняемым для предоставления им правовой помощи во время допроса или проведения других следственных действий с их участием.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ в целом наделяет защитника широким кругом процессуальных прав для защиты прав и законных интересов подзащитного лица. Так, в соответствии со ст. 215–220 УПК РФ следователь, признав досудебное расследование по делу, которое подлежит направлению для постановления приговора, законченным, обязан предоставить защитнику обвиняемого возможность ознакомления с материалами дела. Причем все материалы дела, из которых защитник может делать выписки, должны предъявляться ему в полном объеме.

Вместе с тем, как показывает следственная и судебная практика, если у адвоката отсутствует допуск к государственной тайне по соответствующей форме, то его не допускают в качестве защитника к участию в уголовном деле, материалы которого составляют государственную тайну. Такая практика воспринимается неоднозначно и встречает в том числе и возражения, поскольку норма ч. 5 ст. 49 УПК РФ и ст. 21.1 Закона от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [9] регламентирует возможность участия адвоката, не имеющего допуска к сведениям, содержащим государственную тайну, при условии дачи подписки о неразглашении этих сведений.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ относительно урегулированных им правоотношений устанавливает особый режим охраны сведений, составляющих тайну следствия. И адвокат согласно ч. 2 ст. 53 УПК РФ не вправе разглашать любую информацию, ставшую ему известной в связи с исполнением им профессиональных обязанностей. Следовательно,

сведения, составляющие адвокатскую тайну, должны защищаться именно в том порядке, который предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом РФ, и никакие дополнительные процедурные требования к субъектам уголовного процесса применяться не могут, тем более что адвокат дополнительно связан предусмотренной Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ обязанностью неразглашения указанных сведений. Таким образом, применение Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ в части гарантий следственной и адвокатской тайны обеспечивает защиту сведений, которые составляют государственную тайну, являются более узкими по предмету и, безусловно, охватываются двумя названными видами секретной информации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 07.06.2017) // Рос. газ. 2001. № 249.
3. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России: учеб. М., 2001.
4. Ръжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002.
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Рос. газ. 2002. № 100.
6. Зеленецкий В. С. Возбуждение уголовного дела. Харьков, 1998.
7. Тищенко В. В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ: моногр. Одесса, 2002.
8. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 № 29 // Рос. газ. 2015. № 150.
9. О государственной тайне: Закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 // Рос. газ. 1993. № 182.

В соответствии с положениями ст. 28 Конституции РФ лицо свободно в выборе защитника. Исходя из этого отказ в приглашении выбранного подозреваемым или обвиняемым адвоката-защитника по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, как и предложение выбрать защитника из определенного круга адвокатов, у которых такой допуск имеется, неправомерно ограничивает их права, гарантированные Основным законом, на получение квалифицированной юридической помощи и на свободу выбора защитника. По нашему мнению, зависимость обвиняемого при выборе адвоката-защитника от наличия допуска к государственной тайне противоречит принципам равноправия и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKL, from 30.12.2008 № 7-FKL from 05.02.2014 № 2-FKL, from 21.07.2014 № 11-FKL) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (as amended on 07.06.2017) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. № 249.
3. Lubchev Yu. F. The legal Profession in Russia: textbook. Moscow, 2001.
4. Ryzhakov A. P. Commentary on the Criminal procedure code of the Russian Federation. 2nd edition, changed and supplemented. Moscow, 2002.
5. On advocate activity and advocacy in Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 31.05.2002 № 63-FL (as amended on 02.06.2016) // Rossiyskaya Gazeta. 2002. № 100.
6. Zelenetskiy V. S. Institute criminal proceedings. Kharkov, 1998.
7. Tishchenko V. V. Selfish and violent crimes: forensic analysis: monograph. Odessa, 2002.
8. About practice of application by courts of the legislation providing the right to defense in criminal proceedings: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 30.06.2015 № 29 // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 150.
9. On state secrets: Law of the Russian Federation from 21.07.1993 № 5485-1 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 182.

© 2017 г. Ф. Г. Аминев,

доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума союза «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова», исполнительный директор ООО «Урало-Поволжское объединение судебных экспертов» (г. Уфа)
доктор юридических наук, доцент.
E-mail: faminev@mail.ru

ПО ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ

В статье исследуется тактика назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом, анализируются тактико-криминалистические приемы, присущие стадиям назначения судебных экспертиз. Рассматриваются конкретные ситуации, возникающие при назначении судебных лингвистических, автороведческих, взрывотехнических экспертиз, приводятся формулировки вопросов, поставленных перед экспертом, и тактические требования к ним, особое внимание уделяется выбору эксперта и судебной экспертной организации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, судебная экспертиза, тактика, тактический прием, эксперт, образцы для сравнительного исследования, постановление.

F. G. Aminev – Associate Professor, Department of Criminalistics, the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of Presidium of the Union «Chamber of Forensic Experts named after Yu. G. Korukhov», Executive Director of Ltd «Ural-Povolzhskoe Association of Judicial Experts (Ufa)», Doctor of Law, Associate Professor.

WITHIN THE QUESTION OF THE TACTICS OF THE PURPOSE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO EXTREMISM AND TERRORISM

The article examines the tactics of the purpose of forensic examinations in the investigation of crimes related to extremism and terrorism, and analyzes tactical and forensic techniques specific to the stages of the purpose of forensic examinations. Discusses specific situations that arise in the appointment of judicial linguistic, avtozavodskij, explosive expertise, given the wording of the questions put before the expert, and tactical requirements, special attention paid to the choice of expert and forensic organizations.

Key words: extremism, terrorism, forensic examination, tactics, tactic, expert, samples for a comparative study, decision.

В расследовании преступлений, связанных с таким крайне опасным для государства и общества явлением, как экстремизм и терроризм, используется весь арсенал методов и средств правоохранительных ведомств и других структур. Особое значение в формировании доказательственной базы по уголовным делам данной категории имеют судебные экспертизы. И в целях достижения их наибольшей результативности полагаем очень важным уделить исключительное внимание тактике назначения судебных экспертиз. По мнению Е. Е. Центрова, сущность следственной тактики определяет сложное сочетание приемов, рекомендаций, предписаний, носящих характер подлежащих обязательному следованию тактических правил, установлений, технологий, процедур, тактико-криминалистических знаний, которые ради успешности следствия надо в опреде-

ленных ситуациях непременно учитывать и выполнять [1, с. 299].

Как известно, не все процессуальные действия имеют такую же высокую степень тактической разработанности, как следственные действия. Тем не менее представляется совершенно верной позиция о том, что некоторые процессуальные действия, не относящиеся к разновидности следственных действий, вполне оправданно изучаются в рамках криминалистической тактики [2, с. 6]. Одним из таких действий является назначение судебной экспертизы, которое предусмотрено статьей 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Порядок назначения судебной экспертизы». С нашей точки зрения, ее назначение выступает начальной стадией такого многоаспектного действия, как производство судебной экспертизы, после чего следует собственно это производство и оценка

результатов судебно-экспертного исследования следователем и судом. На данной стадии большое значение должно придаваться тактико-криминалистическим вопросам назначения судебной экспертизы, особенно в ходе расследования преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом.

Как известно, одним из первых тактико-криминалистических приемов (наиболее рациональным и эффективным способом собирания, исследования, оценки и использования доказательств) в ходе подготовительной стадии назначения судебной экспертизы является анализ материалов уголовного дела в целях установления оснований для ее проведения. При этом должно обращать внимание на правильность процессуальной и криминалистической фиксации и упаковки объектов, представляемых для экспертного исследования, так как, например, в случае направления на экспертизу взятых взрывных устройств и взрывчатых веществ необходимо обеспечить герметичность, непроницаемость упаковки для магнитных и радиоволн, что позволит избежать случайного воздействия или направленной детонации взрыва.

Следователь также должен обладать достаточно обширными знаниями для определения вида (рода) судебной экспертизы, выбора судебного эксперта или судебно-экспертной организации, в которую будет назначена экспертиза. Кроме того, в качестве еще одного эффективного действия следователя можно назвать приглашение специалиста в интересующей области знаний с целью оказания помощи в подготовке материалов уголовного дела, объектов, направляемых для проведения судебной экспертизы. В некоторых случаях возникает необходимость согласовать с экспертом вопросы о сроках проведения, объектах судебной экспертизы, а также о формулировке данных вопросов. Например, при изъятии в разных районах (регионах) листовок (воззваний) экстремистской направленности судебному эксперту может быть задан вопрос: «Является ли автором нескольких текстов в листовках, воззваниях, представленных на исследование, одно и то же лицо?». После задержания подозреваемого – проверяемого в составлении текстов лица (в некоторых случаях – еще до его задержания, но при изъятии в качестве свободных образцов для сравнительного исследования текстов,

несомненно, составленных данным лицом) перед экспертом должен быть поставлен вопрос: «Является ли автором исследуемого текста в листовках, воззваниях, образцы письменной речи (текстов) которого представлены на исследование?». Результаты идентификационного исследования в авторо-ведческой экспертизе во многом зависят от пригодности изъятых текстов, основными критериями которой являются: достаточная выраженность норм языка и речи, нормы мышления, объем исследуемого текста (не менее 100–150 слов [3, с. 390]). В случае недостаточности предоставленных материалов для составления заключения эксперт в соответствии со ст. 199 УПК РФ в письменной форме сообщает органу, назначившему экспертизу, о невозможности дать такое заключение. В ситуации крайней необходимости (при расследовании преступлений, связанных с угрозой совершения или совершением акта терроризма) судебный эксперт с многолетним опытом работы может провести судебно-авторо-ведческую экспертизу с предположительным (вероятным) выводом даже при исследовании текстов малого объема.

При назначении судебной авторо-ведческой экспертизы по делам об экстремизме большое значение имеет не только объем текста в объектах исследования (инструкциях, листовках и т. д.), но и объем образцов для сравнительного исследования (свободных образцов текста – не менее 15 листов, экспериментальных образцов – не менее 25 [4, с. 171]). Назначая судебные экспертизы по делам, возбужденным по фактам терроризма и экстремизма, следует учитывать еще один важный фактор: материально-техническое обеспечение судебно-экспертного учреждения. Так, например, для экспертного исследования взрывных устройств, имеющих тротиловый эквивалент до 2 граммов, достаточно экспертной взрывной переносной камеры «ВК-2», а для экспертного исследования взрывных устройств с массой взрывчатого вещества до 1 000 граммов в тротиловом эквиваленте уже необходим специальный стационарный комплекс с целью проведения взрывотехнической экспертизы «ВК-1000».

Особое внимание при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности обращается на своевременность назначения судебных экспертиз. Кроме случаев обязательного назначения су-

дебных экспертиз, предусмотренных ст. 196 УПК РФ (для установления причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности и т. д.), в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» содержится указание на необходимость назначения судебной экспертизы для решения вопроса об отнесении предметов к оружию, боеприпасам, взрывчатым веществам или взрывным устройствам. Выполнение этой рекомендации будет очень своевременным при расследовании дел, связанных с экстремизмом и терроризмом.

Определяя момент назначения судебной экспертизы, необходимо установить: 1) характеристики свойств объектов, представленных на исследование; 2) целесообразность и осуществимость получения образцов для сравнительного исследования; 3) специфику экспертного исследования (проблемность, наличие соответствующих методик); 4) следственную ситуацию [5, с. 243]. Изучение следственной и экспертной практики показало, что судебную экспертизу необходимо назначить как можно раньше, а по следам, изъятым с нераскрытых преступлений, – в дежурные сутки. В этом случае следы сохраняют свое качество и криминалистически значимую информацию. Чем в более короткие сроки следователи получают ориентирующую информацию, тем раньше они смогут использовать ее в тактическом обеспечении следственных действий, и, возможно, в результате проведенной судебной экспертизы будет установлено лицо либо обстоятельства чрезвычайной важности, а также предотвращены другие тяжкие преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом.

Право выбора эксперта или экспертного учреждения процессуальным законодательством закреплено за следователем, дознавателем и судом (ст. 195, 283 УПК РФ). При составлении постановления о назначении экспертизы лица, ведущие расследование, выясняют данные о специальности и компетентности эксперта. Закон не устанавливает жестких требований к определению компетентности судебного эксперта: в таком качестве

может выступать любое лицо, обладающее специальными знаниями (работник конструкторского бюро завода, преподаватель криминалистики юридического вуза и т. д.). Вместе с тем практика и ведомственные нормативные акты ограничивают круг лиц, привлекаемых в качестве экспертов. Так, для проведения судебно-медицинской экспертизы могут быть привлечены лишь те врачи, которые прошли обучение по специальным учебным дисциплинам патологоанатомии и получили подтверждающий документ. Криминалистические экспертизы проводятся обычно специалистами, имеющими свидетельства на право их проведения. Судебно-психиатрическим экспертом может быть только врач-психиатр.

Кроме вышеназванных ограничений в выборе судебного эксперта, при назначении экспертиз по делам экстремистской направленности, по нашему мнению, следует в предварительной беседе с этим специалистом установить его принадлежность или отношение к той или иной конфессии, религиозному течению. Данное обстоятельство необходимо учитывать, например, при проведении судебной лингвистической экспертизы, так как ненависть или, наоборот, очень лояльное отношение эксперта к тем или иным религиозным воззрениям может негативно отразиться на качестве и результатах экспертного исследования.

Ограничение круга лиц, назначаемых в качестве судебного эксперта по уголовным делам, выступает гарантией того, что экспертом будет выбрано действительно незаинтересованное в деле сведущее лицо, имеющее соответствующую специальность и квалификацию.

Постановление о назначении экспертизы – обязательный процессуальный документ, являющийся основанием для производства экспертизы. При расследовании уголовных дел, связанных с экстремизмом и терроризмом, особое внимание должно уделяться резолютивной (третьей) части постановления, в которой указываются вопросы, подлежащие разрешению. Поставленные перед экспертом вопросы должны отвечать следующим тактическим требованиям:

1. Вопросы должны быть максимально конкретными (при назначении судебной взрывотехнической экспертизы нельзя задавать неконкретные вопросы, например: «Могло ли в представленном объекте содержать-

са взрывчатое вещество?», а следует задавать такие, как: «Является ли вещество в данном объекте взрывчатым веществом? Если да, то какое это взрывчатое вещество? Какова его область применения и целевое назначение?» [6, с. 462] и т. д.).

2. Вопрос должен задаваться исходя из возможностей современного состояния науки и техники. Не следует ставить перед экспертом вопросы, заведомо неразрешимые ввиду неразвитости соответствующей отрасли знаний (так, в настоящее время отсутствует научно обоснованная методика определения давности выстрела).

3. Вопросы необходимо формулировать грамотно, в соответствии с требованиями научно разработанных экспертных методик.

При расследовании дел, связанных с экстремизмом, все чаще приходится назначать судебные экспертизы не только в государственных судебно-экспертных учреждениях, но и обращаться в негосударственные судебно-экспертные организации и к частным (вневедомственным) экспертам. О росте значения деятельности негосударственных судебных экспертов свидетельствуют следующие данные: в 2014 году 64 % постановлений (определений) о назначении судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве Российской Федерации и 30,2 % постановлений в административном производстве вынесены в адрес указанных экспертов [7, с. 155]. Проведенный нами опрос сотрудников следствия органов внутренних дел г. Уфы Республики Башкортостан показал, что 72 % респондентов назначали судебные экспертизы в негосударственные судебно-экспертные организации [8, с. 8].

Следует отметить, что негосударственные

судебно-экспертные организации функционируют независимо от органов юстиции и дознания, что позволяет обеспечивать самостоятельность уголовного, гражданского, арбитражного судопроизводства. При этом в данных судебно-экспертных организациях проводятся такие виды судебных экспертиз, которые не включены в перечень экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях (например, религиоведческая, нормативно-правовая, экспертиза по установлению давности исполнения текста документа, выполненного с помощью электронных печатающих устройств, и другие).

Вместе с тем следователю рекомендуется учитывать тот факт, что наряду с негосударственными экспертами, ответственно и качественно выполняющими обязанности по проведению судебных экспертиз, имеются частные организации, именующие себя экспертными, но не имеющие ни квалифицированных специалистов, ни современных научно-технических средств, ни научно обоснованных методик проведения судебных экспертиз. Поэтому полагаем, что следователю, расследующему преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом, необходимо проводить тщательный анализ компетентности судебных экспертов и ответственно подходить к их выбору.

Вопросы тактического обеспечения назначения судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, возбужденных по фактам экстремизма и терроризма, имеют большое теоретико-прикладное значение, и в дальнейшем они будут находиться в центре внимания в контексте современных комплексных научных подходов.

Литература

1. Центров Е. Е. Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Н. П. Яблокова, 22 дек. 2015 г. М., 2015.

2. Варданян А. В., Варданян Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6.

Bibliography

1. Centrov E. E. The paradigm of criminalistic tactics and its basic concepts // Modern criminalistics: problems, trends, prospects: materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary from the birthday N. P. Yablokov, 22 December 2015. Moscow, 2015.

2. Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Theoretical and methodological problems of criminalistic tactics in the context of contemporary models of the criminal process // Yurist-Pravoved. 2015. № 6.

3. A practical guide to forensic examinations for experts and practitioners: practical allowance / ed.

3. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
4. Экспертиза в судопроизводстве: учеб. для бакалавров / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016.
5. Шепитко В. Ю. Криминалистика: курс лекций. Харьков, 2009.
6. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008.
7. Гречуха Н. М., Киселев С. Е., Корухов Ю. Г. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 янв. 2016 г.). М., 2016.
8. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 2.
- by T. V. Averyanova, V. F. Statkus. 2 edition, revised and supplemented. Moscow, 2015.
4. Examination procedure: textbook for students / ed. by E. R. Rossinsky. Moscow, 2016.
5. Shepitko V. Yu. Forensic science: a course of lectures. Kharkov, 2009.
6. Rossinsky E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow, 2008.
7. Grechukha N. M., Kiselev S. E., Korukhov Yu. G. On the status of departmental and non-departmental judicial-expert activity in the Russian Federation // Problems of classification of forensic examinations, certification and validation of methodological support, standardization of forensic activities: materials of the International scientific-practical conference (Moscow, January 21, 2016). Moscow, 2016.
8. Aminev F. G. About some of the problems of integration of scientific-methodical and organizational support of forensic activities in the Russian Federation // Yurist-Pravoved. 2016. № 2.

© 2017 г. О. Л. Комарницкий,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Южного федерального университета.
E-mail: komolleon1106@yandex.ru

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассматривается штраф как важная мера уголовного наказания, нацеленная на гуманизацию уголовного принуждения и максимизацию общественной пользы. Отмечается, что данная мера не является совершенной и необходим пересмотр норм и правил в данной области.

Ключевые слова: штраф, уголовно-правовое регулирование, общественная значимость, ущерб, принуждение, наказание.

O. L. Komarnitsky – Postgraduate, Department of Criminal Law and Criminology, the Faculty of Law, the South Federal University.

JUDICIAL PENALTY ASA MEASURE OF CRIMINAL LAW

The article considers the penalty as an important measure of criminal punishment aimed at humanization of criminal coercion and maximizing public benefit. It is noted that this measure is not a perfect and necessary revision of standards and regulations in this area.

Key words: fine, criminal-legal regulation, social significance, damage, coercion, punishment.

Определяя штраф как меру уголовно-правового воздействия, следует констатировать, что она относится к гуманным формам наказания, это означает отсутствие признака тяжести совершенного преступления. Ужесточение наказания ведет к нарастанию величины штрафных санкций. Можно вести речь о прямой зависимости тяжести совершенного преступного деяния и величины штрафа, но данный концепт может рассматриваться и как идеализированная форма, которая крайне редко совпадает с действительностью.

Штраф в качестве вида уголовного наказания стал применяться очень широко на рубеже XX–XXI веков почти во всех цивилизованных странах. В большинстве государств Европы, таких как Германия, Австрия, Испания, Польша, США, Франция, Чехия и другие, к штрафу приговаривались от 40 до 90 % осужденных.

В статье 46 Уголовного кодекса Российской Федерации штраф трактуется как денежное взыскание, которое назначается в пределах, установленных данным нормативным правовым актом [1]. С точки зрения государственной полезности штраф является методом пополнения общественного бюджета, что придает ему особую ценность. Определяя размер штрафа, следует иметь в виду, что на основании ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей либо в размере заработ-

ной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещаемых денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

К числу содержательных (в широком смысле – уголовно-политических) проблем уголовного закона относятся вопросы его социальной обусловленности, когда имеют место пробелы в уголовно-правовом регулировании либо излишняя криминализация соответствующих деяний, объявленных на сегодняшний день преступлениями. Декриминализация и депенализация деяний происходит по выборочному принципу – в отношении отдельных групп населения (например, предпринимателей) под влиянием различных групп лоббирования.

Система уголовных наказаний теряет свою логичность, так как в результате многочисленных изменений штраф перестал быть наименее суровым наказанием, а степень тяжести иных наказаний также изменилась. В настоящее время нет ни одной значимой социальной группы, которая была бы удовлетворена состоянием уголовного законодательства, хотя причины этой неудовлетворенности являются самыми разными [2].

С 2003 года судебная и уголовно-испол-

нительная системы ориентированы на широкое и последовательное применение штрафа. В 2009 году Министерство юстиции Российской Федерации, ссылаясь на поручение Президента РФ расширить возможности применения альтернативных наказаний, декларировало, что одним из главных наказаний в системе альтернативных наказаний должен стать штраф. Курс на расширение сферы применения мер, не связанных с лишением свободы, включая штраф, подтвержден и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1772.

Ближайшая цель использования штрафа, являющегося основной альтернативой лишению свободы, – разрешить кризисную ситуацию, сложившуюся в уголовно-исполнительной системе, уменьшив загруженность мест лишения свободы и сократив расходы на исполнение наказаний. Главными задачами штрафа выступают обеспечение правопорядка посредством необходимого, но не избыточного принуждения и снижение показателей рецидивной преступности [3, с. 16].

Согласно оценкам исследователей, названные задачи не всегда выполняются. Наполнение санкций статей Особенной части Уголовного кодекса РФ штрафом постоянно увеличивается (федеральными законами от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ, от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, от 28 июня 2013 года № 134-ФЗ и другими), но эффективность этого наказания остается низкой. Отрицательный результат связан главным образом с отсутствием рекомендаций о выборе адресатов штрафа (с учетом категорий преступлений, видов преступной деятельности, особенностей субъектов преступлений) и неразработанностью правил оценки имущественного положения осужденного для цели определения размера штрафа, а также объясняется тем, что не обеспечены ни надлежащая дисциплина исполнения приговоров, ни ответственность осужденных в случае уклонения от уплаты штрафа. В связи с этим необходимо проведение реалистичной пенитенциарной политики государства, подкрепляемой существенно обновленной Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [4, с. 160].

Многие приговоры с назначением штрафа сегодня являются не исполненными. Назна-

чая наказание в виде штрафа, судьи основываются на данных о личности, включая имущественное положение подсудимого. Однако после постановления приговора могут возникнуть новые обстоятельства, например в связи с увольнением осужденного и утратой трудоспособности на длительное время, появлением дополнительных обязанностей по содержанию членов его семьи и т. д. Учесть все варианты развития событий невозможно. Закон и не обязывает судью это делать. Другое обстоятельство, препятствующее исполнению судебных решений о штрафе, – несовершенство законодательных предписаний о данном виде наказания.

Поскольку значительная часть приговоров с назначенным штрафом остается без исполнения, мы приходим к выводу о том, что в Уголовном кодексе РФ необоснованно расширены пределы применения штрафа. Для реального исполнения штрафа необходимо, во-первых, обеспечить ответственность за злостное уклонение от уплаты штрафа, а во-вторых, существенно повысить качество работы судебных приставов. Под злостным уклонением от уплаты штрафа следует понимать умышленное неисполнение осужденным обязанности по уплате штрафа либо его части в установленные законом сроки при наличии у должника реальной возможности исполнить данную обязанность либо намеренное создание препятствий для уплаты штрафа и связанный с этим отказ должника от трудоустройства.

Повышению эффективности службы судебных приставов может способствовать внесение изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, направленных на установление ответственности должностных лиц службы за ненадлежащее исполнение обязанностей по реализации назначенного судом наказания. Итак, необходимо системно совершенствовать уголовное, уголовно-исполнительное и исполнительное законодательство, а также Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Пенитенциарная политика должна быть точной, правила назначения и исполнения наказаний следует дифференцировать с учетом категорий преступлений, видов преступной деятельности, составов преступлений, характеристик личности виновного. Основная особенность назначения и исполнения штрафа – последова-

тельный учет общественной опасности совершенного преступления и реального финансового состояния осужденного и его семьи.

Несмотря на то, что по большинству таких дел суды не назначают наказания, связанные с лишением свободы, последствия уголовного осуждения влекут за собой социальные ограничения осужденных граждан и их близких родственников: право на профессию, вопросы получения кредита, выезда за границу и т. д.

В 2016 году председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев выступил с предложением о принятии новых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ в связи с тем, что, как он пояснил, многие поправки в действующий уголовный закон вносились в том числе на основании актов Конституционного Суда РФ. Такие поправки не всегда соответствуют «концепции Уголовного кодекса». Ранее внесенные И. В. Лебедевым предложения были обусловлены масштабной декриминализацией (2015) и введением категории уголовного проступка (2016).

Следственный комитет Российской Федерации выступает последовательным сторонником введения уголовной ответственности юридических лиц. Так, из миллиона уголовных дел, которые рассматриваются судьями ежегодно, доля дел о преступлениях небольшой тяжести составляет 5 %, то есть 550 000. С этой целью предлагалось исключить из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях положения, предусматривающие ответственность юридических лиц за причастность к преступлениям (на начальном этапе, за исключением налоговых преступлений), оставив только положения об ответственности за административные правонарушения, и ввести в Уголовный кодекс РФ институт мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Для повышения эффективности системы уголовно-правового регулирования уровень репрессивности уголовного закона может и должен быть понижен с сохранением при этом таких целей уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предотвращение совершения новых преступлений. Это понижение возможно, во-первых, за счет расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы, снижения

продолжительности сроков лишения свободы и, во-вторых – последовательного проведения принципа максимального благоприятствования лицу, впервые совершившему преступление, сохранения жесткой карательной политики в отношении рецидива преступлений или сознательного игнорирования гуманизма государства в отношении совершенного преступления.

Представляется убедительным расширение применения кратного штрафа на всю область преступлений в сфере экономики, а также иных преступлений, где в качестве криминообразующего признака используется имущественный ущерб. При этом следует ограничиться разумными кратными ставками штрафа (например, не выше 5-кратного размера), позволяющими осужденному сохранять надежду на возможность его выплаты.

Следует расширить область применения освобождения от уголовной ответственности с выплатой компенсации государству и возмещением ущерба потерпевшему в отношении преступлений в сфере экономики, а также иных преступлений, в которых в качестве криминообразующего признака используется имущественный ущерб. При этом следует сделать данный вид освобождения обязательным для суда. Для того чтобы освобождение стало экономически выгодным, необходимо предусмотреть механизмы оспаривания размера причиненного ущерба, служащего основанием для исчисления штрафа (компенсации), на стадии предварительного расследования и суда, создав специальный процессуальный механизм и специальный вид освобождения от наказания.

Штраф является объективно значимой мерой при рассмотрении дел в сфере предпринимательства. В интервью «Российской газете» в январе 2017 года председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин высказал точку зрения о неприемлемости мер реального лишения свободы для предпринимательских споров: «...Уверен – экономические споры не должны разрешаться с использованием уголовно-правовых средств и тем более незаконного уголовного преследования предпринимателей». Штраф в данном случае приобретает обеспечительный статус и гарантирует наказуемость при минимизации мер уголовного давления. Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ внес изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный

кодексы РФ. Речь идет об основаниях и порядке освобождения от уголовной ответственности. При этом введен институт назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении виновного от уголовной ответственности.

Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ предусмотрен новый порядок освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2, 104.5 УК РФ). Исходя из этих поправок следственные органы и дознаватели с согласия прокурора могут обратиться в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если данное лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 25.1 УПК РФ). Размер судебного штрафа не может превышать половины максимального размера штрафа, установленного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ. Если штраф не определен отдельной статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, то размер судебного штрафа не может составлять более двухсот пятидесяти тысяч рублей. Хотя судебный штраф расширяет основания для освобождения от уголовной ответственности, более приемлемым является прекращение уголовных дел за примирением сторон, и достаточно только примириться с потерпевшим без уплаты значительных сумм в качестве штрафа.

Подробные разъяснения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в редакции от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» и от 20.12.2011 № 21 (в редакции от 29.11.2016) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Рассмотрим проблемы исполнения наказания в виде штрафа в отношении несовершеннолетних. Так, 1 октября 2016 года вступила в силу новая редакция Федерального закона от 03.07.2016 № 50 «Об исполнительном производстве», в которой уточняется, что взыскание штрафа, назначенного в качестве

наказания за совершение преступления несовершеннолетним, может исполняться как самим несовершеннолетним, так и его родителями или законными представителями. При этом целью является выполнение исполнительного документа, а также защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения обязательств по международным договорам.

Следует отметить, что штраф – это мера наказания, которая носит имущественный характер и заключается в лишении осужденного материальных благ, принадлежащих ему на праве собственности. Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Сущность штрафа состоит в ущемлении имущественных интересов лица, виновного в совершении преступления.

При назначении наказания суд обязан учитывать обстоятельства, единые для всех лиц, совершивших преступления, независимо от их возраста и обусловленные несовершеннолетием виновного лица. В этом плане допускаются ошибки.

Так, Приговором Инжавинского районного суда Тамбовской области от 10.03.2016 К. осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 5 000 рублей в доход государства. Суд апелляционной инстанции принял решение об отмене приговора в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Суд установил, что обвинение, с которым согласилась К., является обоснованным и подтверждается доказательствами, собранными по делу. Действия К. в соответствии с предъявленным обвинением правильно квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Потерпевшей Ф. в суд апелляционной инстанции предоставлено заявление, в котором она ходатайствует о прекращении уголовного дела в отношении К. за примирением сторон, поскольку К. полностью возместила причиненный вред, Ф. претензий к ней не имеет. Ходатайство потерпевшей поддержано осужденной К. в апелляционной жалобе, в которой последняя также просила

о прекращении дела в связи с примирением с потерпевшей, подтвердив факт состоявшегося примирения и возмещения вреда.

Судом апелляционной инстанции при изложенных обстоятельствах не усмотрено каких-либо препятствий для освобождения К. на основании ст. 76 УК РФ от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон.

Учитывая то обстоятельство, что К. еще на предварительном следствии возместила Ф. ущерб в полном объеме и потерпевшая претензий к ней не имеет, в суд апелляционной инстанции представлены заявления о состоявшемся примирении и прекращении уголовного дела, а также принимая во внимание данные о личности К., которая впервые совершила преступление, относящееся к категории средней тяжести, признала вину, раскаялась в содеянном, суд апелляционной инстанции счел необходимым прекратить уголовное дело в отношении К. в связи с примирением сторон [5].

Штраф, назначаемый в соответствии с Уголовным кодексом РФ на сумму от 4 тыс. руб. (ч. 1 ст. 46 УК РФ), с одной стороны, не пересекается с административным штрафом, назначаемым гражданам на сумму до 5 тыс. руб. (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ); однако это поло-

жение незамедлительно дезавуируется штрафами для граждан в размере до 300 тыс. руб. (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ), которые в ряде случаев превышают в разы штрафы за некоторые преступления. Например, санкция ч. 1 ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» предусматривает среди иных видов наказаний штраф в размере до 80 тыс. руб., ч. 1 ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища» – до 40 тыс. руб. В то же время число исключений из общего правила о размере административного штрафа для граждан возрастает, в связи с чем возникает вопрос уже относительно этого правила.

Отдельного упоминания заслуживают также штрафные санкции для юридических лиц, предусмотренные в Кодексе РФ об административных правонарушениях, которые значительно превышают «уголовные» штрафы, установленные в Уголовном кодексе РФ.

Представляется целесообразным пересмотреть понимание штрафа, существующее в уголовно-правовой практике, в том числе штрафа судебного. Важно сформировать эффективную систему реализации штрафа как метода уголовного наказания в практике отечественной судебной системы.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
2. Парламентские слушания на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики», 18 ноября 2013 года. URL: <http://archive.council.gov.ru>
3. Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель). М., 2004.
4. Коробеев А. И. Штраф // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2013.
5. Обзор апелляционной практики по уголовным делам Тамбовского областного суда за 1 полугодие 2016 года. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=130

Bibliography

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, effective from August 26, 2017). URL: http://www.consultant.com/document/cons_doc_LAW_10699
2. Parliamentary hearings on «Improving Legislation in the Sphere of Criminal Legal Policy», November 18, 2013. URL: <http://archive.council.gov.ru>
3. Dvoryanskov I. V. Effectiveness of alternative punishments (compensation model). Moscow, 2004.
4. Korobeev A. I. Fine // Criminal Law of the Russian Federation. General part: textbook / ed. by L. V. Inogamova-Hegai. Moscow, 2013.
5. Review of the appellate practice in criminal cases of the Tambov Regional Court for the first half of 2016. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=130

© 2017 г. Ю. А. Кашуба,

профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань, Россия) доктор юридических наук, профессор.
E-mail: koshianatol@yandex.ru

Ю. Ю. Повеликин,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань, Россия).
E-mail: yuriyrovvelikin@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ К БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

В статье рассматриваются вопросы применения отсрочки отбывания наказания к лицам, больным наркоманией, на современном этапе. Анализируются отдельные проблемы применения уголовно-правового института отсрочки отбывания наказания к больным наркоманией осужденным, предлагаются некоторые пути его совершенствования.

Ключевые слова: наркотики, немедицинское потребление наркотиков, отсрочка отбывания наказания, медицинская и социальная реабилитация.

Yu. A. Kashuba – Professor, Department of Criminal and Penal Law, the Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences (Ryazan, Russia), Doctor of Law, Professor.

Yu. Yu. Povelikin – Adjunct, Faculty for the training of scientific and pedagogical staff, the Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences (Ryazan, Russia).

POSSIBILITY TO USE A SUSPENDED SENTENCE TO THE DRUG ADDICTS

In article discusses the use of deferral of serving punishment to persons, drug addicts, at the present stage. We analyzed some problems of application of the criminal law institute serving a delay penalty drug addicts convicted. It suggests some directions how to improve it.

Key words: drugs, non-medical drug use, postponement of serving punishment, medical and social rehabilitation.

Приоритетными задачами государственной политики по профилактике алкоголизма и наркомании в России являются: формирование нетерпимости общества к проявлениям злоупотребления алкогольной продукцией, переориентирование населения на ведение трезвого образа жизни [1]; создание государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков с приоритетом мероприятий первичной профилактики; совершенствование системы оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией; выработка адекватных мер противодействия наркотрафику на территории Российской Федерации; обеспечение надежного государственного контроля за легальным оборотом наркотиков и их прекурсоров и другие [2].

В качестве главной цели и одного из направлений Стратегии государственной анти-

наркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690 (далее – Стратегия), было названо существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. Реализация поставленной цели предполагала введение норм о предоставлении подсудимым, больным наркоманией и признанным виновными в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, возможности выбора между лечением и уголовным наказанием, а также установлении механизма контроля принятых обязательств по лечению и ответственности за их невыполнение (п. 43). Разработчиками Стратегии не планировалось возрождение уголовно-правового института принудительного лечения больных наркоманией, токсич-

команией или алкоголизмом. В этом документе речь шла только о расширении перечня уголовно-правовых мер к больным наркоманией, совершившим наркопреступления, предусматривавших возможность (в качестве альтернативы назначению уголовного наказания) подвергнуть их по приговору суда добровольному обязательному лечению.

Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ [3] внес существенные изменения и дополнения одновременно в несколько кодифицированных нормативных правовых актов, в том числе в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации.

Одной из новелл явилось дополнение Уголовного кодекса РФ статьей 82¹ (ч. 1) «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией», устанавливающей правовые основания для предоставления отсрочки указанной категории осужденных: «Осужденному, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 настоящего Кодекса, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет» (в редакции Федерального закона от 28.12.2016 № 491-ФЗ)*.

Выделение законодателем среди многих социальных болезней отсрочки в отношении лиц, страдающих наркоманией, может представляться спорным по причине наличия других не менее опасных проявлений – алкоголизма, токсикомании и прочих. Однако это проблема отдельного исследования [4].

Дополнение Уголовного кодекса РФ статьей 82¹ носит четко определенный характер – введение нового способа, формы, метода борьбы с наркоманией. Кроме того, отсрочка позволяет суду не лишать свободы осужденного, признанного по приговору суда виновным человека, и не пополнять существенное количество заключенных, находящихся в местах лишения свободы.

В недавнем прошлом существовала практика назначения наркологических экспертиз,

которые устанавливали степень заболевания, содержали рекомендации для лечения. С 2003 года такая (сложившаяся десятилетиями) судебная практика прекратилась. В настоящее время по делам о преступлениях, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, суды не требуют от органов дознания и предварительного следствия полного и тщательного исследования условий, создавших правонарушительно возможную для пьянства и потребления наркотических средств или психотропных веществ. Нередко также остаются без должной проверки и реагирования данные о содержании притонов для распития спиртных напитков или потребления наркотиков [5]. В связи с этим следует принять во внимание позицию Верховного Суда РФ в той части, что срок, необходимый для проведения курса лечения конкретного больного от наркомании и его реабилитации, должен быть определен в заключении эксперта. Кроме того, при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ч. 1 ст. 72¹ УК РФ), устанавливается наличие (отсутствие) у лица заболевания наркоманией на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проведенной согласно пункту 3² статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривается, что заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза «наркомания», а также об отсутствии медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания (п. 35.1, 35.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14) [6]. Следовательно, обязательность наличия заключения судебной экспертизы при назначении осужденному наказания с применением ст. 82¹ УК РФ не может оспариваться.

Как представляется, в подобной ситуации лицо, ведущее производство по уголовному

* Это положение закона применяется с 1 января 2012 года.

делу, обязано назначить судебно-медицинскую экспертизу с целью установления наличия заболевания наркоманией у обвиняемого, поскольку для такого вывода необходимы специальные познания. Наличие заболевания наркоманией и его последующее добровольное лечение составляют сущность ст. 82¹ УК РФ. В процессе расследования следователь обязан установить наличие или отсутствие обстоятельств для последующего назначения экспертизы, чтобы установить наличие (отсутствие) у лица заболевания наркоманией. Такие целенаправленные действия могут осуществляться только при индивидуальном уголовном преследовании и после привлечения лица в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ). В противном случае, то есть когда лицо не привлечено в качестве обвиняемого и его действия не квалифицированы по одной из статей, перечисленных в ст. 82¹ УК РФ, отсутствуют основания как для назначения судебной экспертизы, так и для последующего решения судом о возможности отсрочки.

Вместе с тем совокупность предпосылок применения положений ст. 82¹ УК РФ включает в себя наличие заболевания наркоманией как главного элемента отсрочки. Необходимо определить основание применения отсрочки наказания к больным наркоманией. На наш взгляд, таковым является основанная на материалах уголовного дела убежденность суда в возможности достижения целей наказания без его реального отбывания. Об этом свидетельствует и указание закона на возможность, а не на обязательность применения отсрочки судом. Помимо основания, необходимо выделить и условия предоставления такой отсрочки:

- применить отсрочку можно только к лицу, совершившему преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, 231 и 233 УК РФ;
- за данные преступления наказание в виде лишения свободы назначается впервые;
- осужденный должен быть признан больным наркоманией;
- лицо осуждается судом к наказанию в виде лишения свободы, а не к другому виду наказания;

– осужденный изъявил желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию (желание подсудимого добровольно пройти курс лечения от наркомании может быть выражено как письменно, так и устно, в этом случае такое ходатайство отражается в протоколе судебного заседания на любой стадии процесса до удаления суда в совещательную комнату)*.

Не следует забывать и о том, что наркозависимые лица по большей части не имеют постоянного источника доходов, а следовательно, и возможности прохождения курса лечения, медико-социальной реабилитации в частных (но имеющих лицензию) клиниках у них нет. Однако если даже лицо, потребляющее наркотики, изъявит желание пройти указанные курсы, оно столкнется с множеством проблем как материального, так и иного характера. В различных субъектах Российской Федерации курс лечения от наркозависимости одного лица колеблется от 250 до 500 тыс. руб. и выше, и практически столько же требуется на реабилитацию [7, с. 127]. К тому же лечебных учреждений и койко-мест, предоставляющих возможность прохождения стационарного лечения в различных субъектах Российской Федерации, в разы меньше количества наркозависимых лиц. Тем не менее закон ставит во взаимозависимость наличие объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет. Только в этом случае суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся его части.

Существующее положение дел в сфере помощи наркозависимым нельзя назвать удовлетворительным. В России, несмотря на доступность амбулаторных и стационарных форм наркологической помощи, лишь незначительная часть наркозависимых снимаются с наркологического учета в связи с выздоровлением (стойкой длительной ремиссией). Подавляющее большинство больных наркоманией вновь становятся участниками незаконного

---

* Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ от 27.06.2012 (вопрос № 44). URL: <http://consultant.ru>

оборота наркотиков, регулярно обращаясь в наркологический диспансер, в результате погибая от передозировки наркотиков, опасных сопутствующих заболеваний и деградации личности. При этом наиболее слабым звеном в единой технологической цепочке освобождения от наркотической зависимости стал этап реабилитации и ресоциализации. Основные организационные и финансовые ресурсы государства направлены на медицинские структуры, осуществляющие лишь детоксикацию и краткосрочное лечение, а главная и долгосрочная часть работы – реабилитация и ресоциализация – находится в зачаточном состоянии.

Таким образом, проблема освобождения от наркозависимости носит комплексный характер, фокусируя и затрагивая интересы различных ведомств, которые занимаются ее решением от случая к случаю, разрозненными блоками, что не может удовлетворять ни государство, ни гражданское общество.

Контроль за осужденными, признанными больными наркоманией, наказание которых отсрочено, осуществляется в соответствии с требованиями статьи 178¹ Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также Порядком осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией [8].

Согласно ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» государство гарантирует больным наркоманией оказание наркологической помощи и социальную реабилитацию, что подразумевает возможность лечения в рамках обязательного медицинского страхования. Однако в настоящее время на законодательном уровне четко не определены формы собственности организаций и предъявляемые к ним требования для проведения курса социальной реабилитации осужденным, которым в соответствии со ст. 82¹ УК РФ отсрочено отбывание наказания в виде лишения свободы.

Статьей 26 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» регламентировано, что организации социального обслуживания оказывают помощь в социальной реабилитации в порядке, определяемом органами государственной

власти субъектов Российской Федерации. В ряде субъектов РФ успешно организована деятельность в сфере комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, осуществляемая во взаимодействии с институтами гражданского общества. Например, на должном уровне организовано взаимодействие субъектов системы комплексной реабилитации потребителей наркотических средств и психотропных веществ в Красноярском крае. В соответствии с Федеральным законом от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» региональные управления ФСКН, МВД, ФСИН, а также министерства здравоохранения и министерства социальной политики Красноярского края в 2015 году определили Порядок и условия взаимодействия (далее – Порядок), определившие меры, направленные на обеспечение контроля за добровольным прохождением курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации, социальной реабилитации осужденным, которым судом ст. 82¹ УК РФ предоставлена отсрочка отбывания наказания.

Филиалы уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН России по Красноярскому краю осуществляют учет осужденных (по месту жительства), контроль за прохождением ими курса лечения от наркомании, а также медицинской и (или) социальной реабилитации (п. 2 ст. 178¹ УИК РФ, ст. 82¹ УК РФ). Взаимодействие подразделений уголовно-исполнительной инспекции и медицинских учреждений организуется на основании п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ и совместным приказом Минюста и Минздрава России [8]. Порядок проведения мероприятий по диагностике, профилактике, лечению от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации определяется нормативными правовыми документами органов, уполномоченных проводить указанные мероприятия (Министерство социальной политики, Министерство здравоохранения Красноярского края).

В соответствии с приказами Минздрава России от 15.11.2012 № 929н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю “наркология”», Минздрава Красноярского края от 27.12.2011 № 618-орг «Об утверждении региональных стандартов ока-

зания медицинской помощи больным с наркологическими заболеваниями» диагностика наркологических расстройств проводится специалистами наркологической службы и включает в себя, в зависимости от ситуации, опрос, осмотр, клиническое, инструментальное, лабораторное и психологическое обследование. Срок проведения диагностики в среднем может составлять от 1 до 10 дней. Лечение от наркомании осуществляется специалистами учреждений здравоохранения государственной и муниципальной формы собственности и может иметь продолжительность от 10 до 30 дней.

Профилактические медицинские мероприятия могут предусматривать проведение санитарно-просветительных, тренинговых и психо-коррекционных манипуляций сроком от 3 до 30 дней. Мероприятия по медицинской реабилитации наркологических больных осуществляются как амбулаторно, так и в стационарных условиях. Стационарная медицинская реабилитация проводится на базе Красноярского наркологического диспансера № 1 и предполагает участие в стационарной реабилитационной программе в стационарных условиях сроком до 60 дней. Период прохождения амбулаторной медицинской реабилитации составляет от 2 до 6 месяцев.

Мероприятия по социальной реабилитации проводятся на базе социальных учреждений, определенных Министерством социальной политики Российской Федерации. Реабилитационные мероприятия проводятся с учетом приказа Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.09.2012 № 327-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 54990-2010 “Социальное обслуживание населения. Реабилитационные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг”».

Литература

1. Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2009 г. № 2128-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 2.

За гражданами с установленным диагнозом наркологического заболевания осуществляется диспансерное наблюдение. Факт вынесения наркологического диагноза влечет за собой определенные социальные ограничения. В случае отказа гражданина от прохождения рекомендованных видов медицинской помощи оказание медицинской помощи прерывается, о чем в уполномоченный орган направляется уведомление.

Порядок определил конкретные действия каждого субъекта системы комплексной реабилитации с указанием сроков предоставления контрольно-отчетных документов, а также взаимодействие правоохранительных органов при уклонении осужденного от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (статья 6^{9.1} Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях)

Из года в год количество осужденных, к которым применена ст. 82¹ УК РФ, возрастает. Так, по данным проведенного нами исследования, в 2013 году в учетах уголовно-исполнительных инспекций числилось 228 осужденных, в 2014 году – 278, в 2015 году – 314. Учитывая, что в декабре 2016 года в диспозицию ст. 82¹ УК РФ внесены изменения, расширившие круг лиц, к которым может быть применена отсрочка отбывания наказания, в ближайшее время прогнозируется рост числа осужденных вышеуказанной категории. Последнее обстоятельство предполагает необходимость совершенствования механизма предоставления отсрочки отбывания наказания осужденным, позволяющего им в доступной форме проходить курс медицинской и социальной реабилитации.

Bibliography

1. The concept of implementation of public policies to reduce the abuse of alcoholic beverages and prevent alcoholism among the population of the Russian Federation for the period till 2020: order of the Government of the Russian Federation dated 30 December 2009 № 2128-r // Collected legislation of the Russian Federation. 2010. № 2.

2. Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Рос. Федерации от 9 июня 2010 г. № 690. URL: <http://consultant.ru>
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.
4. Бакаева Ю. В., Бойко И. Б., Капуба Ю. А. Правовые, пенитенциарные и медико-социальные аспекты проблемы превенции алкоголизма в подростковой среде: моногр. Рязань, 2004.
5. Буркина О. А., Кузнецов А. И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4.
6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.06.2006 № 14. URL: <http://consultant.ru>
7. Клименко Т. М. Лечение от наркозависимости: право потребителя или обязанность общества? Саратов, 2008.
8. Совместный приказ Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации от 07.07.2015 № 169/425н. URL: <http://consultant.ru>
2. About approval of strategy of state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020: decree of the President of the Russian Federation from June 9, 2010 № 690. URL: <http://consultant.ru>
3. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 07.12.2011 № 420-FL // Russian newspaper. 2011. 9 December.
4. Bakaev Yu. V., Boiko I. B., Kashuba Yu. A. The legal, penal, medical and social aspects of prevention of alcoholism in adolescents: monograph. Ryazan, 2004.
5. Burkina O. A., Kuznetsov A. I. Suspension of sentence for drug addicts: problems of application // Narcocontrol. 2013. № 4.
6. About court practice on Affairs about the crimes connected with narcotics, psychotropic, strong and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.06.2006 № 14. URL: <http://consultant.ru>
7. Klimenko T. M. The care of drug addicts: the right of consumer or responsibility of a society? Saratov, 2008.
8. Joint order of the Ministry of justice of the Russian Federation and the Ministry of health of the Russian Federation from 07.07.2015 № 169/425н. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. Е. В. Безручко,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Bezrutschko@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ «БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ» И «БЛИЗКИЕ ЛИЦА» ДЛЯ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются вопросы влияния терминов «близкие родственники» и «близкие лица» на правовую оценку деяний, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека. Автор приводит определения понятий «близкие родственники» и «близкие лица», вносит предложения о внесении изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: посягательства на безопасность жизни и здоровья человека, вред здоровью человека, насилие, близкие родственники, близкие лица.

E. V. Bezruchko – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

TO THE QUESTION OF NECESSITY LEGISLATIVE DEFINITION OF TERMS «CLOSE RELATIVES» AND «CLOSE PERSONS» TO THE LEGAL EVALUATION OF THE ACTS ENCROACHING ON SAFETY OF LIFE AND HEALTH

The article examines the effect of the terms «close relatives» and «related parties» to the legal assessment of the acts encroaching on safety of life and human health. The author presents the definition of «close relatives» and «related parties» and the «proposed changes» to the criminal law.

Key words: attacks on the security of life and health, harm to human health, violence, close relatives, close person.

Здоровье человека – самое важное благо наряду с правом на жизнь [1, с. 27–35]. Обеспечение права человека на безопасность здоровья является приоритетным направлением реализации уголовной политики России. Однако право человека на безопасность здоровья в Конституции Российской Федерации прямо не закреплено. Из общего права на здоровье выделено и гарантировано лишь право человека на охрану здоровья, которое в нормативных правовых актах, например в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в редакции от 29.07.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], связывается с оказанием своевременной медицинской помощи, тогда как право человека на безопасность здоровья напрямую не признается и не защищается государством. В силу этого предлагаем закрепить в Конституции РФ право человека на безопасность здоровья, включающее в себя право на безопасность здоровья человека от преступных посягательств, на неприкосновенность здоровья, на распоряжение своим здоровьем, на недопущение причинения вреда

здоровью и на его компенсацию, если вред здоровью человека был все же причинен.

Исследование системной значимости безопасности как состояния защищенности от возникающих угроз различного характера позволяет нам рассматривать объект преступных деяний, причиняющих вред здоровью человека, с позиции обеспечения безопасности его здоровья от преступных посягательств. При этом объектом посягательств на здоровье человека предлагаем считать безопасность здоровья с биологических (медицинских) позиций как определенное физическое и (или) психическое состояние человека, каким бы далеким от идеального состояния оно (здоровье) ни было. В статье 2 Уголовного кодекса РФ в качестве задач уголовного законодательства по охране общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств следует определить обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

Сложности, возникающие у правоприменителя при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность здоровья человека

вызваны не только ошибками при установлении причинно-следственной связи между совершением деяния и наступившими последствиями, выделении субъективной стороны преступлений в контексте определения умысла, мотивов и целей преступления, но и с нечеткостью изложения в уголовном законе признаков вреда, причиненного здоровью человека, а также признаков объективной стороны данных деяний.

В п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ законодатель предусмотрел квалифицированный вид умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека и средней тяжести вреда здоровью человека в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ является обстоятельством, отягчающим наказание. При этом, давая правовую оценку деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, особое внимание следует уделить вопросам совершенствования системы уголовных наказаний, назначаемых за совершение данных преступлений [3, с. 72–78]. В ч. 2 ст. 102 УК РФ «Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера» законодатель указывает на близкого родственника, наделенного правом ходатайствовать о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения. В примечании к ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» предусматривается, что лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Примечание к ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» также наделяет правоприменителя обязанностью не привлекать к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, супруга или близких родственников.

Причинение вреда близким потерпевшего в отечественном уголовном законодательстве предусмотрено в качестве конструктивного (ч. 1 ст. 163 УК РФ «Вымогательство»),

ч. 1 ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», ч. 1 ст. 296 «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования», ч. 2 ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу», ч. 1 ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса», ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», ч. 1 ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ч. 1 ст. 320 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа») либо в качестве квалифицирующего признака (п. «б» ч. 2 ст. 105 «Убийство», п. «а» ч. 2 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», п. «б» ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», п. «б» ч. 2 ст. 117 «Истязание», ч. 3 ст. 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», ч. 2 ст. 296 «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования», ч. 2 ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ч. 2 ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

Таким образом, в уголовном законодательстве используется два термина: «близкие родственники» и «близкие лица». В п. 3 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» [3] под близкими лицами понимаются иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. В пункте 4 этой же нормы определяется, что близкие родственники – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

В статье 14 Семейного кодекса Российской Федерации «Обстоятельства, препятствующие заключению брака» [4] устанавливается, что заключение брака не допускается в том числе и между близкими родственниками, под которыми понимаются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. Термин «близкие родственники» также употребляется в ст. 67 СК РФ «Право на общение с ребенком дедушки, бабушки, братьев, сестер и других родственников», ст. 73 «Ограничение родительских прав», ст. 127 «Лица, имеющие право быть усыновителями», ст. 146 «Опекуны (попечители) детей».

Административное законодательство содержит термины «близкие родственники» и «близкие». Согласно примечанию к статье 25.6 «Свидетель» Кодекса Российской Федерации [5] об административных правонарушениях к числу близких родственников относятся родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Понятие близких лиц в КоАП РФ не раскрывается.

В Жилищном кодексе Российской Федерации [6] отсутствует понятие «близкие родственники», однако согласно части 1 статьи 31 «Права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении» к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг (супруга), а также дети и родители указанного собственника. При этом другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и (в исключительных случаях) иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены данным собственником в качестве членов его семьи.

Законодатель в пункте 18.1 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации [7], упоминая о близких родственниках, делает отсылку к вышеупомянутой ст. 14 СК РФ. Так, в ст. 217 НК РФ близкими родственниками признаются супруги, родители и дети, в том числе усыновители и усыновленные, дедушка, бабушка и внуки, полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры.

В соответствии с пунктом 3 статьи 108 «Прекращение по инициативе пассажира действия договора воздушной перевозки пассажира» Воздушного кодекса Российской Федерации [8] под членами семьи понимаются супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), под близкими родственниками – дедушки, бабушки и внуки, полнородные и неполнородные братья и сестры.

По смыслу статьи 64.1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в редакции от 18.07.2017) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 30.09.2017) [9] близкими родственниками являются: супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Исходя из статьи 31 «Требования к участникам закупки» Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (в редакции от 29.07.2017) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [10] близкими родственниками считаются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры, усыновители или усыновленные.

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (в редакции от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что «к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений» [11]. Понятие «близкие» использовано также в п. 8, 16 данного постановления. Однако вопросы уголовно-правовой оценки отдельных деяний порой неоднозначно оцениваются в рекомендациях Верховного Суда РФ, и позиция высшей судебной инстанции диаметрально меняется [4, с. 9–16].

Побои в юридической литературе вполне справедливо относят к различным формам проявления насилия [5, с. 39]. В примечании к ст. 116 УК РФ «Побои» в редакции Феде-

рального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ [12] понятие близких лиц определяется лишь по отношению к данной норме. Так, под близкими лицами в данной статье понимаются «близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство» [12].

Мы полагаем, что законодатель пошел по верному пути, определив понятие близкого лица применительно к ст. 116 УК РФ «Побои», однако эта норма в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ в настоящее время утратила силу и представлена в уголовном законодательстве в существующей редакции без примечания, раскрывающего содержание данного термина.

Как видно из представленных выше конструктивных и квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений, в которых используется термин «близкие» лица, а также положений отдельных норм Общей части Уголовного кодекса РФ, законодатель в указанном нормативном правовом акте 22 раза употребляет термины «близкие родственники» и «близкие лица», не объясняя их значения. В Особенной части Уголовного кодекса РФ данные термины применяются по отношению к насильственным преступлениям, посягающим на безопасность жизни и здоровья человека, где причинение вреда является негативным последствием совершения преступного деяния, имеется реальная угроза причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам или реальная угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Итак, в настоящее время сложилась такая ситуация, когда в Уголовно-процессуальном кодексе РФ определяются понятия «близкие лица» и «близкие родственники», в Семейном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, Воздушном кодексе РФ, Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг

для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других нормативных правовых актах содержится понятие «близкие родственники», в Уголовном кодексе РФ до недавнего времени использовалось понятие «близкие лица», в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (в редакции от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» раскрывается понятие «близкие» лица.

Однако, во-первых, понятие «близкие лица» отсутствует в Семейном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, в Воздушном кодексе РФ и других нормативных правовых актах. Во-вторых, понятие «близкие родственники», закрепленное в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, имеет определенные различия. В-третьих, данные понятия распространяются только на статьи этих нормативных правовых актов. В-четвертых, устанавливая в примечании к ст. 116 УК РФ понятие «близкие лица», законодатель подчеркивает, что последнее распространяется только на настоящую статью. В-пятых, под близкими лицами в примечании к ст. 116 УК РФ понимаются также лица, ведущие с потерпевшим лицом общее хозяйство, что также не совпадает по смыслу с понятием, указанным в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (в редакции от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В-шестых, понятие «близкие лица», используемое в постановлении, распространяется только на деяния, относящиеся к убийству (ст. 105 УК РФ). Отметим, что ст. 105 УК РФ «Убийство» является общей нормой по отношению к ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Что касается ст. 277 УК РФ, то законодатель почему-то вообще не допускает наличие «близких лиц» у государственного или общественного деятеля при посягательстве на его жизнь, поскольку в аналогичных нормах (ст. 295 и ст. 317 УК РФ) речь идет о посягательстве не только на жизнь потерпевших, указанных в данных нормах, но

и на их близких. В-седьмых, в п. 3 ст. 5 УПК РФ говорится о близких лицах как иных, за исключением близких родственников и родственников, лицах, а в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (в редакции от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отмечается, что к близким потерпевшему лицам наряду с близкими родственниками могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. В-восьмых, законодатель в примечании к ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», а также в примечании к ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» отделяет супруга от близких родственников.

Полагаем, что сложившаяся ситуация требует нормативного разрешения, и в Уголовном кодексе РФ следует определить понятия «близкие лица» и «близкие родственники», которые правоприменителю надлежит использовать при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека.

Ранее нами рассматривались критерии определения вреда здоровью, разрабатывалось понятие причинения вреда здоровью человека, а также понятие насилия в российском уголовном законодательстве. Под причинением вреда здоровью человека целесообразно понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния. Под насилием – умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. Под близкими родственниками – родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей, детей, бабушку, дедушку, внуков), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца

или мать) братьев и сестер, супруга, супругу, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных. К близким потерпевшему лицам следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственников супруга (супругу)), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

Рассматривая совокупность преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, мы выделяли отдельную группу преступлений, связанных с насильственными действиями, где в качестве конструктивного или квалифицирующего признака законодатель указывает на причинение вреда здоровью человека. Полагаем, что в российском уголовном законодательстве следует определить понятия насилия, причинения вреда здоровью, понятие близких родственников, близких лиц для унификации признаков, позволяющих правильно квалифицировать преступления, посягающие на безопасность здоровья человека.

В связи с вышеизложенным предлагаем ст. 111 УК РФ дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание.

1. Под причинением вреда здоровью человека в статьях настоящего Кодекса следует понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

2. Под насилием в статьях настоящего Кодекса следует понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

3. Под близкими родственниками в статьях настоящего Кодекса следует понимать родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей, детей, бабушку, дедушку, внуков), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев

и сестер, супруга, супругу, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам в статьях настоящего Кодекса следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственников,

супруга (супругу), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство».

Литература

1. Безручко Е. В. Современные уголовно-политические способы противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: матер. Всерос. науч.-практ. конф., 4 февр. 2016 г. Ростов н/Д, 2016.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Рос. газ. 2011. № 263.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Рос. газ. 2001. № 249.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 14.11.2017) // Рос. газ. 1996. № 17.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 27.11.2017, с изм. от 04.12.2017) // Рос. газ. 2001. № 256.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Рос. газ. 2005. № 1.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 27.11.2017) // Рос. газ. 1998. № 148, 149.
8. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017) // Рос. газ. 1997. № 59, 60.
9. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федер. закон Рос. Федерации от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 18.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017) // Рос. газ. 2002. № 127.
10. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Рос. газ. 2013. № 80.

Bibliography

1. Bezruchko E. V. Modern criminal and political ways of counteraction to the crimes encroaching on safety of health of the person // Criminal policy of the Russian Federation: problems of formation and realization: materials of the All-Russian scientific and practical conference, on February 4, 2016. Rostov-on-Don, 2016.
2. About bases of protection of public health in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 21.11.2011 № 323-FL (an edition from 29.07.2017) // Russian newspaper. 2011. № 263.
3. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL (an edition from 29.07.2017, with amendment from 14.11.2017) (with amendment and additional, in force with 01.09.2017) // Russian newspaper. 2001. № 249.
4. Family code of the Russian Federation from 29.12.1995 № 223-FL (an edition from 14.11.2017) // Russian newspaper. 1996. № 17.
5. Russian Federation Code of Administrative Offences from 30.12.2001 № 195-FL (an edition from 27.11.2017, with amendment from 04.12.2017) // Russian newspaper. 2001. № 256.
6. Housing code of the Russian Federation from 29.12.2004 № 188-FL (an edition from 29.07.2017) (with amendment and additional, in force with 10.08.2017) // Russian newspaper. 2005. № 1.
7. Tax Code of the Russian Federation (part 1) from 31.07.1998 № 146-FL (an edition from 27.11.2017) // Russian newspaper. 1998. № 148, 149.
8. Air code of the Russian Federation from 19.03.1997 № 60-FL (an edition from 29.07.2017) (with amendment and additional, in force with 30.09.2017) // Russian newspaper. 1997. № 59, 60.
9. About the Central bank the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of the Russian Federation from 10.07.2002 № 86-FL (an edition from 18.07.2017) (with amendment and additional, in force with 30.09.2017) // Russian newspaper. 2002. № 127.
10. About contract system in the sphere of purchases of goods, works, services for ensuring the state and municipal needs: Federal Law of the Rus-

11. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27.01.1999 № 1 (в ред. от 03.03.2015) // Рос. газ. 1999. № 24.

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федер. закон Рос. Федерации от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Рос. газ. 2016. № 149.

sian Federation from 05.04.2013 № 44-FL (an edition from 29.07.2017) // Russian newspaper. 2013. № 80.

11. About jurisprudence on cases of murder (Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 27.01.1999 № 1 (an edition from 03.03.2015) // Russian newspaper. 1999. № 24.

12. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation concerning improvement of the bases and an order of release from criminal liability: Federal Law of the Russian Federation from 03.07.2016 № 323-FL // Russian newspaper. 2016. № 149.

© 2017 г. А. В. Курсаев,

главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России (г. Москва)
кандидат юридических наук.
E-mail: kursaev@list.ru

НАКАЗАНИЕ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТАТЬЯ 143 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье анализируются возможности уголовного права по назначению за нарушение требований охраны труда справедливого наказания. Обращается внимание на санкцию уголовно-правовой нормы и виды наказаний, которые в ней закреплены. Изучается статистика применения отдельных видов наказания. Формулируются предложения по совершенствованию практики назначения наказания за нарушение требований охраны труда.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, нарушение требований охраны труда, санкция.

A. V. Kursaev – Chief Expert-Specialist of Contractual-Legal Department, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow), PhD in Law.

PUNISHMENT FOR VIOLATION OF REQUIREMENTS OF LABOUR PROTECTION (ARTICLE 143 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article analyzes the possibilities of criminal law by assignment for breach of health and safety requirements of fair punishment. Attention is drawn to the sanction of the criminal law and the penalties, which it embodies. Studied statistics of the use of certain types of punishment. Formulated proposals to improve the practice of appointment of punishment for violation of requirements of labor protection.

Key words: punishment, the system of penalties, violation of requirements of labour protection, sanction.

Наказание является следствием любого преступления и отражает взаимообусловленность преступления и наказания. Указанное взаимодействие проявляется и на теоретическом уровне, так как диспозиция (выраженная в виде отдельных элементов состава преступления) и санкция (наказание) являются элементами уголовно-правовой нормы. Наказуемость также выступает признаком преступления, нормативно закрепленным в статье 14 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Практика применения уголовного наказания служит одним из факторов дальнейшего совершенствования уголовного закона. Как отмечают Ф. Р. Сундуков и М. В. Талан, «если логически рассматривать наказание как реакцию государства на преступление, то следует признать, что наказание было, есть и будет одним из средств противодействия преступности» [1, с. 11]. Более того, именно санкция статьи уголовного закона должна являться наиболее достоверной мерой определения сравнительной тяжести как самого преступления, так и отдельных преступлений между собой.

Согласно ст. 143 УК РФ деяние предусматривает наличие основного состава, закрепленного в ч. 1 (нарушение требований охра-

ны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека), квалифицированного – в ч. 2 (то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека) и особо квалифицированного – в ч. 3 (то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц).

В первом случае наказание назначается в виде штрафа (в размере до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного на период до восемнадцати месяцев) либо обязательных работ (на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов), либо исправительных работ (на срок до двух лет), либо принудительных работ (на срок до одного года), либо лишения свободы (на тот же срок) с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (на срок до одного года) или без такового.

Во втором (принудительные работы на срок до четырех лет либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового) и третьем (принудитель-

ные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового) случаях наказание характеризуется большей строгостью как в плане повышения его размеров, так и путем исключения из санкции видов наказания, не связанных с лишением свободы.

Приведенный анализ примененных в ст. 143 УК РФ видов наказания позволяет согласиться с выводом И. П. Лановенко, отмечавшего, что законодатель пошел по такому пути, когда тяжесть наказания предопределяется не степенью потенциальной опасности преступного деяния, связанного с характером преступного нарушения правил охраны труда и количеством лиц, против которых такие нарушения были направлены, а исключительно в связи с возникшими, но не обязательными последствиями [2, с. 157]. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что «вопросами соблюдения правил охраны труда и техники безопасности более активно занимаются тогда, когда допущены нарушения этих правил с последствиями, а не на более ранней стадии – до наступления последствий» [3, с. 6].

Аналогичный в целом принцип соотношения наказания и деяния прослеживался и в ранее действовавшем Уголовном кодексе РСФСР 1960 года [4, с. 287–289].

Анализ информации о мерах реагирования на совершение деяния, предусмотренного ст. 143 УК РФ, за 2004–2009 годы, позволяет сделать вывод о том, что весьма велика доля уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, – от 45 до 57,4 %.

Однако прослеживается последовательная тенденция к назначению наказания. В частности, если доля осужденных в 2004 году составляла 23,1 %, то в 2009 году она увеличилась уже до 45,0 %. Количество освобожденных от наказания является незначительным – в пределах 2,1 % от осужденных. Особенность назначения наказания за данное неосторожное преступление заключается в относительно широком применении наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Это объясняется тяжестью наступивших последствий, которые варьируются от причинения тяжкого вреда здоровью до причинения смерти нескольким лицам. Однако обстоятельство совершения преступления, в первую оче-

редь форма вины в виде неосторожности, обуславливают применение условного осуждения к лишению свободы. Самый низкий процент условно осужденных в 2009 году составил 60,5 %, в то время как в 2006 году он был равен 79,2 %.

Приговаривались к реальному лишению свободы не более 3,7 % осужденных (10 человек в 2007 году), из них на срок не более одного года – 83,3 %; к максимальному сроку лишения свободы, предусмотренному санкцией ст. 143 УК РФ, – не более 1,9 % осужденных.

Наказание в виде штрафа применено в отношении от 19,4 до 34,8 % осужденных (с тенденцией к последовательному росту применения данного наказания), в виде исправительных работ – в отношении не более 1,2 % осужденных [5, с. 206].

Таким образом, ст. 143 УК РФ характеризуется невысоким масштабом применения реального лишения свободы. Данная тенденция соответствует ранее высказанным научным рекомендациям, содержание которых заключается в ограничении реального применения наказания в виде лишения свободы на определенный срок за преступления, совершенные по неосторожности. Содержание подобных рекомендаций основано на справедливом представлении о несовпадении степени общественной опасности неосторожного преступления (определяемого тяжестью наступивших последствий) и уровня социально-нравственной запущенности личности виновного [6, с. 247].

Так, М. Д. Шаргородский отмечает, что «лишение свободы за неосторожные преступления следует назначать лишь в исключительных случаях. Отстранение от должности, штраф, запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью, запрещение занимать определенные должности – вот те основные меры, которые в настоящее время могут быть с пользой применены для борьбы с этой категорией преступлений» [7, с. 105]. Более того, П. В. Коробов предлагает даже совсем отказаться от этого вида наказания для преступлений, совершаемых по неосторожности [8, с. 59–60].

Во многом это обусловлено тем, что реальное лишение свободы за неосторожные преступления, связанные с нарушением профессиональных функций, устойчиво коррелирует с оценкой опасности совершенного деяния,

а не личности виновного, а потому в большей степени служит интересам восстановления социальной справедливости и общего предупреждения преступления [6, с. 248].

Поэтому ранее при привлечении к ответственности по ст. 143 УК РФ доминировало условное осуждение к лишению свободы. Надеемся, что в связи с введением в Уголовный кодекс РФ с 1 января 2017 года такой альтернативы лишению свободы, как принудительные работы, ситуация изменится.

В целях оптимизации процесса назначения наказания и достижения его целей необходимо учитывать специфические моменты, характеризующие и саму категорию неосторожных преступлений, и особенности рассматриваемого состава преступления. Сложность здесь заключается в том, что общепреventивное воздействие или цель специальной превенции применительно к преступлениям, совершенным по неосторожности, действуют не в полной мере, так как виновный субъект не допускает, а в некоторых случаях даже и не предвидит возможности наступления преступных последствий. Более того, вряд ли существуют и инструменты оценки превентивного воздействия наказания за преступную неосторожность. Указанные обстоятельства обусловлены специфическим механизмом совершения неосторожного преступления.

В связи с этим В. Е. Квашин верно отмечает, что выходом из отмеченных противоречий и коллизий целей наказания за неосторожные преступления, а также определенной компенсацией ограниченных возможностей наказания за эти деяния является необходимая дифференциация ответственности и наказания, оптимальная рационализация всей системы карательно-воспитательных мер борьбы с неосторожными общественно опасными деяниями [9, с. 191].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 8 постановления от 23 апреля 1991 года № 1 для решения поставленной задачи при назначении наказания лицам, виновным в преступном нарушении правил охраны труда и безопасности работ, рекомендует судам учитывать общественную опасность этих преступлений, характер допущенных нарушений, тяжесть наступивших последствий и другие обстоятельства, указанные в ст. 60 УК РФ, в зависимости от которых

следует обсуждать вопрос не только об основном, но и о дополнительном наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В случае если суд придет к выводу о необходимости назначения такого дополнительного наказания, в резолютивной части приговора следует сослаться на ст. 47 УК РФ.

Так, по ч. 2 ст. 143 УК РФ к ответственности привлечена гражданка П. В апелляционной жалобе осужденная П., не оспаривая фактические обстоятельства дела, просит приговор отменить, уголовное дело в отношении нее прекратить в связи с примирением с потерпевшей, указывая, что суд принял необоснованное решение об отказе в прекращении уголовного дела, так как вину она признала, причиненный вред возместила в полном объеме, потерпевшая к ней претензий не имеет, в силу чего назначенное наказание является чрезмерно суровым. Московский городской суд в апелляционном определении от 15 апреля 2013 года по делу № 10-1475 отвергает указанные доводы, определяя, что наказание П. назначено в соответствии с требованиями закона, в пределах санкции статьи Уголовного кодекса РФ, по которой она признана виновной, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, конкретных обстоятельств дела, данных о личности виновной и обстоятельств, смягчающих наказание: первого привлечения к уголовной ответственности, положительных характеристик, возмещения вреда и наличия на иждивении матери-инвалида.

В связи с этим санкция за нарушение требований охраны труда должна быть ориентирована на специфику деяния. Одним из возможных вариантов решения упомянутой задачи является учет при конструировании данного состава преступления не только тяжести наступивших последствий, которые носят вариативный, а потому отчасти случайный характер, но и обстоятельств самого нарушения правил охраны труда, того, каким образом это произошло и каково участие в этом виновного лица. Не должна оставаться без внимания и социально-нравственная запущенность личности виновного.

В качестве возможного примера можно привести ст. 263 УК РФ, в которой при назначении наказания за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств помимо тяжести наступив-

ших последствий учитывается также состояние опьянения. Не стоит забывать и о возможном применении в этом случае административной преюдиции (ст. 264¹ УК РФ). При таком подходе удачно решаются вопросы точного определения степени общественной опасности преступления, дифференциации и индивидуализации наказания, справедливости и соразмерности при назначении наказания, а также максимально используются профилактические возможности уголовного закона.

Качественное изменение санкции в этом случае требует включения в них видов наказания, не связанных с лишением свободы. Данная задача решена в ст. 143 УК РФ путем введения принудительных работ. Как отмечает Р. Т. Нуртаев, наказания, не связанные с реальным лишением свободы, к которым относятся и принудительные работы, предполагают исправление и перевоспитание осужденного смягченными мерами, основывающимися на корректировке мотивационной системы личности методом убеждения [10, с. 137].

Применение такого наказания, как штраф, может иногда являться затруднительным в условиях, когда последствием преступления выступают жизнь и здоровье человека. Однако приведенные выше данные судебной статистики о его относительно частом применении убеждают в обратном.

Высказанное В. Е. Квапишом мнение о том, что штраф мог бы заменить лишение свободы за многие неосторожные преступления [11, с. 165], представляется вполне обоснованным. Здесь необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что к ответственности очень часто привлекаются руководители предприятия, люди, достаточно обеспеченные. Кроме того, Уголовный кодекс РФ в настоящее время предусматривает весьма серьезные размеры штрафа, налагаемого на виновного, – от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет. Указанные обстоятельства создают благоприятные условия для значительного расширения сферы применения штрафа и, соответственно, сокращения практики применения лишения свободы.

Как положительный аспект следует оценивать и применение в санкции ст. 143 УК РФ такого дополнительного вида наказания, как лишение права занимать определенные долж-

ности или заниматься определенной деятельностью. Именно подобное наказание позволяет не допускать к процессам, которые могут повлечь преступное нарушение требований охраны труда, лиц, недостаточно компетентных по уровню своих знаний либо обладающих такими чертами характера, которые могут способствовать совершению преступления. Указанный вид наказания в большей степени отражает достижение цели предупреждения новых преступлений путем специальной превенции.

К сожалению, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ст. 143 УК РФ используется только как дополнительное наказание. Полагаем, что данный вид наказания должен перейти в разряд основного, по крайней мере в ч. 1 названной статьи Уголовного кодекса РФ.

При этом данное наказание, несмотря на то, что в системе наказаний, определенных в ст. 44 УК РФ, оно отнесено к числу наименее строгих, вряд ли обладает незначительным карательным эффектом, поскольку его применение требует обязательного увольнения осужденного, чего не наблюдается при назначении обязательных или исправительных работ.

Более того, согласно ч. 4 ст. 47 УК РФ в случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам, лишению свободы оно распространяется на все время отбывания указанных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия. Учитывая, что лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, отбывают наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ), срок такого дополнительного наказания становится еще больше.

В связи с вышеизложенным вывод о том, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью оказывает существенное психологическое воздействие на осужденного, значительно ограничивает его права и возможности, способствует очищению определенных видов деятельности от лиц, которые наносят серьезный ущерб обществу и отдельным гражданам, представляется верным [12, с. 120].

В то же время при назначении наказания необходимо учитывать, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью (ч. 1 ст. 47 УК РФ). В этой связи Московский городской суд исключил из резолютивной части приговора в отношении Ш., назначенного ответственным по обеспечению охраны труда на строительном объекте коммерческой организации, осужденного по ч. 2 ст. 143 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы с лишением права занимать руководящие должности при выполнении строительно-монтажных и пусконаладочных работ на срок, составляющий два года, указание на назначение ему данного дополнительного вида наказания, поскольку должности, которые суд запретил занимать осужденному, не связаны ни с государственной службой, ни со службой в органах местного самоуправления (апелляционное постановление от 18 сентября 2013 года по делу № 10-8577/2013).

Другим недостатком системы санкций в ст. 143 УК РФ является высокая амплитуда такого наказания, как лишение свободы на определенный срок. Конечно же, предложение И. И. Карпеца о том, что конструкция санкций была бы более оправданной, если высший предел санкции за менее опасное преступление являлся бы одновременно нижним пределом санкции за его квалифицированный вид, а сами границы санкций не должны превышать трех лет [13, с. 241], требует дополнительного обсуждения. В то же время ситуация, при которой по ч. 1 ст. 143 УК РФ лишение свободы может быть назначено на срок от двух месяцев до одного года, по ч. 2 – от двух месяцев до четырех лет, а по ч. 3 – от двух месяцев до пяти лет, представляется нам неприемлемой.

«Открытая» нижняя граница наказания дает явно чрезмерный простор судейскому усмотрению, а сама санкция в этом случае не коррелирует характеру и степени общественной опасности деяния. Учитывая, что криминологическим элементом ст. 143 УК РФ выступает именно тяжесть наступивших последствий (тяжкий вред здоровью, смерть одного человека, смерть нескольких лиц), пределы санкции должны соответствовать тяжести совер-

шенного деяния. Исходя из изложенного представляется целесообразным определить в ч. 2 и 3 ст. 143 УК РФ минимальные размеры наказания в виде лишения свободы.

Судейское же усмотрение, которое, безусловно, необходимо при принятии правоприменительного решения, должно реализовываться в предоставлении суду выбора путем конструирования законодателем альтернативных санкций. Включение в санкцию ст. 143 УК РФ наказаний альтернативных видов обеспечит на практике реализацию принципов неотвратимости и индивидуализации наказания.

Представленный в ст. 143 УК РФ альтернативный характер санкций даст возможность правоприменителю обеспечить возможность выбора наказания, отвечающего общим началам назначения наказания. При наличии альтернативного характера санкций суд может с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи применить то наказание, которое будет адекватно самому деянию, его последствиям, роли виновного. В результате именно при таких условиях и будет осуществляться достижение целей наказания, уголовно-правового регулирования и задач правосудия.

Именно в этом и видится выход из парадокса соотношения тяжести наступивших последствий и размера наказания в ст. 143 УК РФ. Как известно, одной из особенностей неосторожных преступлений, затрудняющих их верную оценку, является неправильное восприятие степени общественной опасности преступления общественным правосознанием. С одной стороны, привлеченное к ответственности лицо в такой обстановке не считается большинством окружающих преступником, отношение к нему складывается в определенной степени извинительное. С другой стороны, при наличии нескольких жертв общественное мнение требует самой жесткой оценки. Однако тяжесть последствий сама по себе не может служить основанием для признания необходимости уголовной ответственности и определения тяжести наказания.

В случаях когда поведение виновного при совершении неосторожного преступления не

отличается злостностью, применение наказаний, альтернативных лишению свободы, может способствовать достижению разумного баланса интересов общества, потерпевшего и виновного. Однако использованные при таких обстоятельствах в ст. 143 УК РФ альтернативные лишению свободы виды и размер наказания должны быть до определенной степени ему эквивалентны.

Литература

1. Сундугов Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве. М., 2015.
2. Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. Киев, 1989.
3. Куликов В. За дальнейшее усиление охраны труда // Социалистическая законность. 1967. № 7.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1984.
5. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М., 2013.
6. Мирошниченко Н. В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. М., 2014.
7. Шаргородский М. Д. Уголовная политика в эпоху научно-технической революции // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.
8. Коробов П. В. Неосторожные деяния как самостоятельная классификационная категория // Правоведение. 1986. № 3.
9. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1980.
10. Нургаев Р. Т. Борьба с неосторожными видами преступлений: проблемы эффективности. Алма-Ата, 1990.
11. Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.
12. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты / под ред. А. Н. Павлухина. М., 2007.
13. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.

Таким образом, повышение эффективности применения наказания за преступное нарушение требований охраны труда обуславливает дальнейшее совершенствование уголовного законодательства, имеющее целью учет достижений уголовной политики в сфере конструирования уголовно-правовых санкций и противодействия неосторожным преступлениям.

Bibliography

1. Sungurov F. R., Talan M. V. Punishment in Criminal Law. Moscow, 2015.
2. Lanovenko I. P., Ganguli G. I. Criminal legal protection of labor rights of citizens. Kiev, 1989.
3. Kulikov V. For further strengthening labour protection // Socialist legality. 1967. № 7.
4. The comment to the Criminal code of the RSFSR / ed. by Yu. D. Severin. Moscow, 1984.
5. Theoretical basis of research and analysis of delinquency / ed. by S. M. Inshakov. Moscow, 2013.
6. Miroshnichenko N. V. The theoretical basis of criminal responsibility for crimes related to the breach of professional functions. Moscow, 2014.
7. Shargorodsky M. D. Criminal policy in the era of the scientific-technical revolution // Main directions of the fight against crime. Moscow, 1975.
8. Korobov P. V. Careless actions as a separate classification category // Jurisprudence. 1986. № 3.
9. Improvement of measures of fight against crime in the scientific and technical revolution / ed. by V. N. Kudryavtsev. Moscow, 1980.
10. Nurtayev R. T. The struggle with careless crimes: problems of efficiency. Alma-Ata, 1990.
11. Kvashis V. E. Criminal negligence. Socio-legal and criminological problems. Vladivostok, 1986.
12. Additional types of punishment: criminal law and penal aspects / ed. by A. N. Pavlukhin. Moscow, 2007.
13. Karpets I. I. Punishment. Social, legal and criminological problems. Moscow, 1973.

© 2017 г. Н. А. Вакуленко,

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: foroposha@mail.ru

И. Г. Соломоненко,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ivan_solomonenko@mail.ru

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В статье рассматриваются изменения в уголовном законодательстве в сфере противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. Авторы подчеркивают важность принятых мер для практики противодействия данной деятельности, обращают внимание на некоторые противоречия, затрудняющие их применение.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, действия, представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего, соучастие в преступлении, состав преступления.

N. A. Vakulenko – Deputy Head of Criminal Law and Criminology Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

I. G. Solomonenko – Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

ON ADDITIONAL MECHANISMS OF RESISTANCE ACTIVITIES AIMED AT ENCOURAGING CHILDREN TO SUICIDAL BEHAVIOR

The article reviews changes in criminal legislation in the sphere of counteracting activities aimed at motivating children to commit suicidal behavior. The authors emphasize the importance of the measures taken to counteract this activity, draw attention to some contradictions that make their application more difficult.

Key words: bringing to suicide, inducing suicide, facilitating suicide, acts that endanger the life of a minor, complicity in a crime, crime.

Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ [1] внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. Обсуждение этого вопроса началось после появления информации о создании на территории России сообществ, которые ставили перед собой цель доведения несовершеннолетних до самоубийства или вовлечения их в совершение действий, связанных с опасностью для жизни. Принятие закона, хотя и произошло с определенным опозданием, тем не менее явилось значимым этапом в развитии отечественного уголовного законодательства.

Следует отметить, что ранее привлечение к уголовной ответственности лиц, создающих

данные сообщества или активно распространяющих идеи, ими культивируемые, было если не невозможным, то, по крайней мере, затруднительным. Между тем при ознакомлении с текстом этих изменений возникает ряд вопросов как у представителей науки уголовного права, так и у сотрудников правоохранительных органов, которым предстоит применять данные положения в своей профессиональной деятельности. Указанным федеральным законом внесены изменения, касающиеся введения новой нормы – статьи 110-1 Уголовного кодекса Российской Федерации с соответствующими квалифицирующими признаками, а также включения ч. 2 в ст. 110 УК РФ.

Следует отметить, что в теории уголовного права продолжают дискуссии по поводу квалификации лиц, склоняющих несовершенно-

нолетних к самоубийству, и лиц, находящихся в беспомощном состоянии. При этом высказывается позиция о том, что ответственность за доведение до самоубийства малолетних и лиц, страдающих психическими расстройствами, должна наступать по соответствующей части ст. 105 УК РФ.

Как известно, мнения ученых по этому вопросу разделились. Так, Н. И. Загородников считал, что «если лицо умышленно доводит того или иного человека до самоубийства, то такое поведение виновного ничем не отличается от действий лица, собственноручно застрелившего, отравившего или иным образом лишившего жизни человека» [3, с. 356]. Такого же мнения придерживались и Н. Д. Дурманов [4, с. 150].

С. И. Никулин полагает, что с такими выводами согласиться нельзя [5, с. 47], тогда как А. В. Наумов признает правильной первую точку зрения [6, с. 104].

Применительно к рассматриваемому квалифицирующему признаку Г. Н. Борзенков указывал, что склонение к самоубийству малолетнего ребенка или невменяемого лица следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти и квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ [7, с. 196].

Более категоричную позицию по данному вопросу занимал Н. Д. Дурманов, отмечавший, что «содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетних или лиц, заведомо не способных понимать свои поступки или руководить ими, если самоубийство последовало, надо признавать умышленным убийством» [4, с. 150].

Этот анализ можно продолжить, однако следует вернуться к редакции ст. 110-1 УК РФ. Исходя из положений части второй данной статьи можно утверждать, что в рассматриваемой норме речь идет о пособничестве самоубийству, поскольку названные деяния полностью дублируют положения ч. 5 ст. 33 УК РФ, за исключением обещания скрыть следы самоубийства.

С точки зрения учения о соучастии возникает некоторое логическое противоречие: с одной стороны, законодатель признает пособничество в самоубийстве самостоятельным преступлением, с другой стороны, склонение к совершению и содействие совершению самоубийства несовершеннолетнего либо лица, страдающего психическим расстройством, являются квалифицированным

составом этого пособничества. Такая коллизия, на наш взгляд, подтверждает доминирующую позицию о квалификации данного преступления по ст. 105 УК РФ, что противоречит тексту ст. 110-1 УК РФ и, несомненно, будет вводить в заблуждение правоприменителя. Редакция ст. 110-1 УК РФ вызывает и ряд других вопросов, которые, как представляется, могут создавать определенные трудности в правоприменительной деятельности.

Рассмотрим альтернативные способы склонения к совершению самоубийства, приведенные в первой части рассматриваемой статьи, в числе которых указаны уговоры и предложения совершить самоубийство. Во второй части также перечислены альтернативные способы содействия совершению самоубийства, среди них названы советы и указания. Обратимся в связи с этим к признанным авторитетам в области лексикографии.

Так, согласно толковому словарю В. И. Даля «предлагать» означает «отдавать на чью-либо волю, усмотрение, желая согласить на что-либо» [8, с. 313]. В словаре С. И. Ожегова существительное «предложение» рассматривается через глагол «предложить» – «высказать мысль о чем-нибудь как о возможном; представить на обсуждение как возможное» [9, с. 580].

В соответствии со словарем В. И. Даля «советовать» означает «склонять к чему-либо и убеждать» [8, с. 116], а в словаре С. И. Ожегова «совет» определяется как «мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание» [9, с. 741]. Примечательно, что в данном случае один способ содействия совершению самоубийства прямо толкуется через другой.

При этом «указание», по С. И. Ожегову, представляет собой «наставление, разъяснение, указывающее, как действовать» [9, с. 829], а, по В. И. Далю, «указывать» – «толковать, объяснять, наставлять, учить чему-либо» [8, с. 294]. Исходя из трактовки С. И. Ожегова, «уговор» и «советы, наставления» [9, с. 824], тогда как в интерпретации В. И. Даля, «угоривать», то есть «убеждать доводами, упрямивать, соглашать, склонять к чему-либо» [8, с. 283].

Таким образом, опираясь на определения способов склонения к самоубийству и содействия его совершению, можно сделать вывод

о том, что деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 110-1 УК РФ, крайне близки по своему смысловому содержанию.

Наши оппоненты на это могут возразить, что данные деяния направлены на запрет различных деяний и соотносятся между собой как подстрекательство и интеллектуальное пособничество: во-первых, в указанных нормах суть этих деяний раскрывается через способы их совершения, а во-вторых, законодатель признает подстрекательство деянием, которое влечет за собой меньшую общественную опасность, чем интеллектуальное пособничество.

Проведем сравнительный анализ п. «д» ч. 3 ст. 110-1 УК РФ и ч. 2 ст. 110-2 УК РФ. В первой из названных норм предусматривается в том числе уголовная ответственность за содействие совершению самоубийства путем предоставления информации в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет), а во второй – за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации, сопряженную с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет).

Представляется, что данные деяния практически совпадают в той части, которая нами была рассмотрена выше. Можно допустить, что появится критика этого утверждения, так как организация деятельности и содействие – в уголовно-правовом понимании различные деяния. Действительно, с точки зрения учения о соучастии исследуемые деяния в терминологическом смысле соотносятся как деятельность организатора и пособника. Однако, по сути, в указанных нормах они описываются как идентичные.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, поэтому для признания лица организатором необходимо установить, в чем именно выражалась его деятельность по организации совершения конкретного преступления. Общепризнанным является тот факт, что организатор выполняет несколько функций, в том числе планирует совершение преступления, подбирает соучаст-

ников, возможно, предоставляет им средства совершения преступления и т. д. Из текста ст. 110-2 УК РФ следует, что единственной функцией по организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, является распространение информации о способах совершения самоубийства, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет).

Далее рассмотрим следующий вопрос. Пункт «д» ч. 3 ст. 110-1 УК РФ предусматривает в том числе уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет). В свою очередь, ч. 2 ст. 110-2 УК РФ содержит уголовно-правовой запрет на организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем призывов к совершению самоубийства, сопряженную с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет).

Учитывая вышеприведенную аргументацию в отношении понимания «организации деятельности», считаем, что с точки зрения толкования терминов «уговоры», «предложения» и «призывы» разграничить данные деяния практически невозможно, тем более что это происходит в публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет). Однако первое деяние законодателем отнесено к категории преступлений средней тяжести, а второе – признано особо тяжким преступлением.

Федеральным законом от 7 июля 2017 года № 120-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена еще одна норма – статья 152-2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Важность ее включения в уголовный закон очевидна. Информация о гибели несовершеннолетних «зацеперов», «руферов», «дигтеров» и других в последнее время только множилась. Однако лица, активно вовлекаю-

щие несовершеннолетних в эти «занятия», фактически не подлежали ответственности.

При этом, несмотря на очевидную ценность приведенных законодательных новелл, следует обратить внимание на некоторые дискуссионные вопросы, связанные с редакцией ст. 152-2 УК РФ. В качестве альтернативных деяний в диспозиции части 1 этой статьи называются «склонение» и «иное вовлечение» несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни данного лица. В связи с этим обоснованно возникает вопрос: рассматривает ли законодатель в качестве склонения одну из форм вовлечения, и в таком случае зачем «перегружать» объективную сторону указанного состава преступления?

В теории уголовного права традиционно признается идентичность данных терминов. Практически все исследователи, разрабатывающие вопросы вовлечения, определяют его как «возбуждение желания» осуществить то или иное поведение. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [10] разъяснялось, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Склонение также предполагает возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить определенные действия. Более того, В. В. Палий отмечает, что «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления представляет собой подстрекательство» [11, с. 295], то есть, по сути, является склонением (прямое указание на это содержится ч. 4 ст. 33 УК РФ). В таком случае для ус-

ранения сложностей в правоприменении данной нормы, возможно, вполне достаточно указания на одно вовлечение?

В этом смысле вызывает интерес формулировка о склонении или ином вовлечении несовершеннолетнего «в совершение противоправных действий», в соответствии с которой вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, не являющихся противоправными, но представляющих опасность для его жизни, формально не образует состава данного преступления.

Полагаем, что указанная норма выступает общей по отношению к составам преступлений, предусмотренных ст. 110-1, 150 и 151 УК РФ, являющихся специальными. Это следует из ч. 1 ст. 151-2 УК РФ, в которой речь идет о возникновении основания уголовной ответственности только при отсутствии признаков данных преступлений, а в ст. 151-2 УК РФ предусматривается ответственность за вовлечение в совершение несовершеннолетним действий, прямо не запрещенных уголовным законодательством.

В заключение обратим внимание еще на один важный момент. Пункт «в» ч. 2 ст. 151-2 УК РФ содержит уже упоминавшийся нами квалифицирующий признак – «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет)». Следует подчеркнуть, что такое деяние совершается в отношении конкретного несовершеннолетнего (на это указывает употребление единственного числа в ч. 1 ст. 151-2 УК РФ применительно к термину). Отсюда возникает вопрос о том, как, прибегая к подобной публичности, можно вовлечь конкретного несовершеннолетнего в противоправную деятельность и не использовать общие призывы к этому, если известно, что последние не должны подлежать уголовно-правовой оценке.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at inducing children to commit suicidal behavior: Federal Law of the Russian Federation of June 7, 2017 № 120-FL. URL: <http://consultant.ru>

2. The Criminal Code of the Russian Federation

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). URL: <http://consultant.ru>
3. Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1975.
4. Советское уголовное право. Особенная часть / Г. Н. Борзенков, Н. А. Дурманов, Ю. А. Красиков и др.; под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1982.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учеб. / К. Л. Акоев, Х. М. Ахметшин, А. Е. Беляев и др.; под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 1998.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. М., 2007. Т. 2.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, В. П. Верин, Б. В. Волженкин и др.; под ред. В. М. Лебедева. М., 2013.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2005. Т. 3, 4.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1999.
10. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01.02.2011 № 1. URL: <http://consultant.ru>
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г. А. Есакова. М., 2017.
- of June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, effective from August 26, 2017). URL: <http://consultant.ru>
3. Zagorodnikov N. I. Soviet criminal law. General and Special Parts. Moscow, 1975.
4. Soviet criminal law. The special part / G. N. Borzenkov, N. A. Durmanov, Yu. A. Krasikov and others; ed. by G. A. Krieger, B. A. Kurinov, Yu. M. Tkachevsky. Moscow, 1982.
5. Russian criminal law. Special part: textbook / K. L. Akoyev, Kh. M. Akhmetshin, A. E. Belyaev and others; ed. by M. P. Zhuravlev, S. I. Nikulin. Moscow, 1998.
6. Naumov A. V. Russian criminal law: course of lectures: in 3 vol. Moscow, 2007. Vol. 2.
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / G. N. Borzenkov, V. P. Verin, B. V. Volzhenkin and others; ed. by V. M. Lebedev. Moscow, 2013.
8. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. Moscow, 2005. Vol. 3, 4.
9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / С. И. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow, 1999.
10. On judicial practice of the application of legislation regulating the specifics of criminal responsibility and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on 01.02.2011 № 1. URL: <http://consultant.ru>
11. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / K. A. Barysheva and others; ed. by G. A. Esakov. Moscow, 2017.

© 2017 г. Н. А. Гришко,

преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева.
E-mail: grish.nat88@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЖЕНЩИН В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

В процессе сопоставительного изучения большого количества источников права на протяжении длительного исторического периода, охватывающего XVII–XX столетия, в статье определяются особенности института ответственности женщин за преступное насилие в семейно-бытовой сфере. На основании законодательной периодизации сделаны выводы о закономерностях ответственности за данный вид преступлений.

Ключевые слова: преступное насилие, уголовное законодательство, закономерности, ретроспективный подход, международный опыт, Уголовное уложение, Устав, ответственность, Уголовный кодекс.

N. A. Grishko – Lecturer, Department of Humanitarian Disciplines, the Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev.

CRIMINAL LIABILITY FOR THE CRIMES OF WOMEN IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE

In the process of the comparative study of a large number of sources of law in a long historical period, covering XVII–XX centuries, the article defines the peculiarities of the responsibility of women for criminal violence in the family and domestic sphere. On the basis of legislative periodization conclusions about the patterns of responsibility for this type of crime.

Key words: criminal violence, criminal law, regularity, a retrospective approach, international experience, Criminal code, Charter, responsibility, penal code.

Одним из первых законодательных актов, выделивших женщину как специальный субъект преступного насилия в семейно-бытовой сфере, являлось Соборное уложение 1649 года [1, с. 434]. В частности, уложение имело следующие особенности наказания матери за убийство сына или дочери. За такое преступление мать наказывалась годом тюремного заключения, после чего она должна была явиться в церковь и объявить о содеянном и о своем покаянии всем людям вслух. Смертная казнь за его совершение не применялась (ст. 3 гл. XXII).

Уложение устанавливало смертную казнь жены за убийство мужа и его отравление. Смертная казнь осуществлялась путем закапывания живьем в землю. Авторами комментария к уложению описана процедура приведения в исполнение этого наказания. Женщину закапывали живой по плечи. На ночь к ней приставлялась стража. Последняя осуществляла наблюдение, чтобы женщину никто не кормил, а собаки не отъели голову. Днем священник читал перед ней молитву. Прохожим разрешалось бросать монеты для похорон казненной. Смерть обычно наступала на второй – третий день, хотя истории известны случаи, когда женщины жили 20–21 день [1, с. 434].

Закапывание в землю в качестве наказания за мужеубийство было заменено указом от 19 марта 1689 года отсечением головы, хотя на практике оно встречалась до 1740 года. Норма ст. 14 гл. XXII уложения предусматривала беспощадность данного вида наказания даже при наличии ходатайства детей и других близких убитого о его неприменении: «...Ей отнюд не дати милости, и содержатися в земле до тех пор, покамест она не умрет» [1, с. 434].

Впервые в истории российского законодательства убийство, осуществленное женщиной, было отнесено к категории квалифицированного убийства. Закон разрешал применение отсрочки исполнения смертной казни в отношении жены в случае нахождения ее в состоянии беременности. До родов предписывалось «держати ея в тюрьме, или за крепкими приставы, чтобы она не ушла» (ст. 15). Приведение приговора в исполнение наступало через шесть недель после рождения ребенка. По истечении этого срока ребенок передавался одному из близких родственников женщины, в случае его отсутствия – наемной кормилице [1, с. 434].

Следующим законодательным актом, в котором теме женщине-преступнице в семейно-бытовой сфере посвящен ряд норм, явля-

лось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года [2]. Одна из таких норм предусматривала ответственность матери за убийство новорожденного ребенка. Наказание дифференцировалось в зависимости от вида преступления: за умертвление незаконнорожденного младенца и за сокрытие мертворожденного ребенка (ст. 1460). В первом случае – в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключения в тюрьму на срок от полутора до двух с половиной лет, а во втором – женщина подвергалась заключению в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев. В случаях когда женщина рожала младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа и вместо того, чтобы донести о данном факте надлежащему начальству, лишала его жизни, она приговаривалась к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения. Кроме того, если эта женщина являлась христианкой, то она предавалась церковному покаянию (ст. 1469).

Уложение предусматривало ответственность родителей и попечителей за подкидывание или оставление ребенка с намерением в таких местах, где нельзя ожидать, что он будет найден другими. Наказание за данное деяние дифференцировалось в зависимости от возраста ребенка: до трех лет – в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачи в исправительные арестантские отделения на срок от четырех до пяти лет (ст. 1513), от трех до семи лет – в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачи в исправительные арестантские отделения по второй или третьей степени (ст. 1514).

Уложение устанавливало ответственность в том числе дочери за нанесение одному из родителей или обоим раны, увечья, причинение иного телесного повреждения. В случае насильственного действия в отношении родителей, не соединенного с побоями, наказание назначалось только по жалобе родителя (ст. 1591). При этом женщины не подвергались телесным наказаниям.

С точки зрения мер, направленных на предупреждение насилия, осуществляемого женщинами, снижение виктимности потерпевше-

го, следует отметить норму, предусматривавшую наказание за нанесение жене увечья, ран, тяжких побоев или иных истязаний или мучений, а также ответственность жены, которая, пользуясь слабостью своего мужа, позволяла себе нанести ему раны, увечья, тяжкие побои или иное истязание или мучение (ст. 1583).

Одним из последних фундаментальных законодательных актов уголовно-правового характера Российской империи являлось Уголовное уложение 1903 года [3], устанавливавшее самостоятельный состав преступления, в котором в качестве специального субъекта выделялось лицо женского пола: мать, виновная в убийстве прижитого ею вне брака ребенка при его рождении (наказание в виде заключения в исправительный дом) (ст. 461). Кроме того, особенностью заключалась в том, что законодатель установил применение наказания в виде смертной казни для женщин, не достигших семидесятилетнего возраста. Смертная казнь в отношении них заменялась бессрочной каторгой, за исключением тяжкого преступления (посягательства на жизнь, здоровье, свободу, на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола или на низвержение царствующего императора с престола, или на лишение его власти верховной, или на ограничение ее прав).

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 15 сентября 1914 года [4] содержит несколько норм, относящихся непосредственно к теме нашего исследования. Их можно классифицировать на две группы: 1) нормы, раскрывающие содержание насилия, и 2) нормы, направленные на предупреждение провокации насилия со стороны мужчины.

Авторы комментария к ст. 142 устава в число насильственных действий включили нанесение побоев [4, с. 321], назвав их отличия от самоуправства. Так, насильственные действия в виде заливания огня на кухне, выливания из кастрюли готовящегося обеда, самовольного забирая вьюшки из печи, вынимания рамы из окна, запирающая ворот с целью насильно принудить, заставить своего жильца очистить квартиру, которые они отнесли к самоуправству, а также употребления насилия без нанесения тяжких побоев, ран или увечий наказывались арестом на срок не более трех месяцев (ст. 142).

Комментарии к уставу содержат признаки психологического насилия в виде угрозы. Последняя заключалась в обзывании совершить в отношении угрожаемого каких-либо насильственных действия или произвести поджог. Поэтому слова «я выхожу, но припомню это» суд мог признать не имеющими никакого определенного значения [4, с. 315]. За угрозу, содержащуюся в словах, лишить кого-либо жизни или произвести поджог виновные, не имевшие при этом корыстной или иной преступной цели, подвергались аресту на срок не свыше одного месяца или денежному взысканию на сумму не свыше ста рублей (ст. 140).

Ко второй группе следует отнести норму, содержащуюся в ст. 131 устава. Согласно данной норме за нанесение обиды, выраженной в словах или в письме с обдуманном заранее намерением или в публичном месте или многолюдном собрании, в том числе лицу женского пола, виновные подвергались аресту на срок не свыше одного месяца или денежному взысканию на сумму не свыше ста рублей. В комментарии к ст. 135 устава отмечается, что в случае если обиженным был дан повод к обиде, то это может служить обстоятельством, уменьшающим вину обидчика [4, с. 298]. Причем нанесение обиды лицу женского пола подпадает под ст. 131 устава даже в случае нанесения обиды без обдуманного заранее намерения и не в публичном месте или многолюдном собрании [4, с. 269].

Устав предусматривал наказание за нанесение обиды действием лицу, не состоявшему с обидчиком в родстве по восходящей линии, если к этому был дан повод самим обиженным (ст. 133). В отношении женщины обидой могло служить всякое действие, оскорбляющее в ней нравственное чувство стыдливости и нарушающее правила благопристойности (например, умышленное поднятие мужчиной рубашки перед лицом женского пола) [4, с. 269].

В первых законодательных актах Советского государства (прямо или косвенно) также закреплялись нормы, направленные на предупреждение преступного насилия, осуществляемого женщинами в исследуемой сфере. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года [5, с. 116–142] имела место норма, определявшая ответственность за убийство, совершенное из ревности (п. «а» ст. 142).

Ответственность за умышленное убийст-

во из ревности нашла отражение в последующем уголовном законе – Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (ст. 136). Закон предусматривал ответственность за нанесение побоев беременной женщине, последствием которых стало рождение мертвого ребенка.

В Уголовный кодекс РСФСР 1961 года вводилась новая норма, устанавливающая ответственность за умышленное убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «ж» ст. 102), и исключалась санкция об ответственности за умышленное убийство из ревности.

Как показывает анализ уголовного законодательства советского периода, оно не содержало норм, в которых женщина выделялась бы в качестве социального субъекта преступления, это произошло только в 1996 году после принятия Уголовного кодекса Российской Федерации – ст. 106 «убийство матерью новорожденного ребенка».

В целом ретроспективное изучение ответственности женщины за насильственные деяния в семейно-бытовой сфере позволяют сделать вывод о том, что в первоначальный период становления уголовного законодательства России она выделялась как специальный субъект преступления (Соборное уложение 1649 года – «убийство матерью сына или дочери, мужа», Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года – «убийство матерью новорожденного ребенка, сокрытие мертворожденного ребенка, нанесение дочерью одному родителю или обоим раны, увечья, причинение иного телесного повреждения»). В это же время произошло сокращение деяний, субъектом которых являлась женщина. Уголовное уложение 1903 года выделяло в качестве такого деяния только убийство матерью новорожденного ребенка. В советский период развития России уголовное законодательство не рассматривало женщину как социальный субъект преступления вплоть до 1996 года.

Вышеизложенное свидетельствует о цикличности развития уголовного законодательства России в области применения уголовно-правовых средств в отношении женщины как социального субъекта преступления в семейно-бытовой сфере. Оно выражается в полном отказе законодателя от регулирования этого вопроса и повторным установлении уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

Литература

1. Соборное уложение 1649 года. Российское законодательство X–XX веков: в 3 т. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904.
3. Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. СПб., 1904.
4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по официальному изданию 1914 года. Петроград, 1916.
5. Сборник документов по истории законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 годов / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953.

Bibliography

1. Sobornoye ulozheniye of 1649. Russian law X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 3: Acts of the provincial councils. Moscow, 1985.
2. Code about punishments of criminal and corrective 1885. St. Petersburg, 1904.
3. Criminal Code of 22 March 1903. St. Petersburg, 1904.
4. Statute on punishments imposed by justices of the peace according to the official edition of 1914. Petrograd, 1916.
5. Collection of documents on the history of legislation of the USSR and the RSFSR 1917–1952 / ed. by I. T. Goljakov. Moscow, 1953.

© 2017 г. А. И. Попов,

начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.
E-mail: popov_62@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены правовые и организационные проблемы административно-договорных правоотношений между органами внутренних дел и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в административно-деликтной сфере. С учетом имеющейся практики предложены меры по преодолению существующих барьеров.

Ключевые слова: административно-договорные правоотношения, административно-деликтное законодательство, федеральные органы исполнительной власти, органы внутренних дел, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

A. I. Popov – Head of State and Civil Law Disciplines Department, the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

ADMINISTRATIVE AND CONTRACTUAL RELATIONS BETWEEN INTERNAL AFFAIRS BODIES AND EXECUTIVE AUTHORITIES OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers legal and organizational problems of administrative-contractual legal relations between internal Affairs bodies and Executive authorities of constituent entities of the Russian Federation in the administrative-tort field. Given the studied practices are proposed measures to overcome existing barriers.

Key words: administrative contracts, administrative tort law, the Federal Executive bodies, internal Affairs bodies, Executive bodies of constituent entities of the Russian Federation.

Проблема взаимодействия между различными уровнями государственной власти в настоящий момент является достаточно актуальной. Практически все органы государственной власти так или иначе осуществляют взаимодействие между собой, используя при этом разнообразные формы управленческой деятельности. Наиболее активно в последнее время применяются договорные формы опосредования управленческих отношений.

Статья 78 Конституции РФ [1] предусматривает возможность взаимной передачи части полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Данное конституционное положение является правовой основой для формирования и функционирования административно-договорного механизма взаимодействия органов государственной власти различных уровней.

Указанные конституционные нормы нашли свое развитие в Федеральном законе от

6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4], а также в региональном законодательстве. Подзаконное нормативное правовое регулирование исследуемого вопроса, состоящее из ряда актов Правительства Российской Федерации, закрепляет процедуру заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу части своих полномочий [4].

В число важнейших сфер взаимодействия указанных органов публичной власти входит, в частности, административно-деликтная, которая относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ.

Одним из основных вопросов законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях является определение полномочий должностных лиц по

составлению протоколов об административных правонарушениях.

Потребность в эффективной реализации полномочий органов публичной власти в административно-деликтной сфере, в том числе при распределении компетенции по составлению протоколов об административных правонарушениях, делает актуальным вопрос о научном исследовании возникающих в данной сфере административно-договорных правоотношений.

Таким образом, у федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации имеются общие вопросы в административно-деликтной сфере деятельности, этим продиктована необходимость взаимодействия данных органов при реализации ими своих полномочий. Только путем согласованной передачи части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях можно избежать дублирования в процессе их исполнения, повысить эффективность правоприменительной деятельности.

В сфере законодательства об административных правонарушениях могут возникать административно-договорные правоотношения двух видов: по передаче части полномочий федеральными органами государственной власти органам государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 2, абз. 4 ч. 3, ч. 6.2 ст. 28.3, ст. 23.79, 23.79.2 КоАП РФ [2]) и части полномочий органами исполнительной власти субъектов РФ федеральным органам исполнительной власти (абз. 2 ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ).

Следует отметить, что практика заключения соглашений по передаче части полномочий в административно-деликтной сфере не изобилует реальными примерами, поскольку заключено лишь несколько соглашений как первого, так и второго видов. Несмотря на заключение только одного соглашения по передаче части полномочий от федеральных органов исполнительной власти органам субъектов РФ [12], данный факт никаким образом не ограничивает реализацию составов, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, поскольку федеральные органы исполнительной власти в лице своих территориальных подразделений самостоятельно реализуют предоставленные полномочия по составлению протоколов. Относительно второй

разновидности административно-договорных правоотношений в рассматриваемой сфере следует указать на то, что при отсутствии заключенных соглашений о передаче МВД России части полномочий от органов исполнительной власти субъектов РФ должностные лица органов внутренних дел (полиции) фактически лишены права на составление протоколов об административных правонарушениях в сфере общественного порядка и общественной безопасности по законодательству субъектов РФ об административных правонарушениях.

Также необходимо отметить, что при передаче части полномочий федеральными органами исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов РФ предметом соглашений могут становиться полномочия, касающиеся составления протоколов по любым составам административных правонарушений, отнесенных к компетенции первых. При этом в рамках соглашений по передаче части полномочий органами исполнительной власти субъектов круг составов ограничивается протоколами об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов РФ.

Ограничения в рамках второго вида соглашений также распространяются и на субъектный состав – органы исполнительной власти субъектов РФ могут передать полномочия только органам внутренних дел (полиции). Представляется, что такое законодательное ограничение является правомерным, поскольку в качестве основных направлений деятельности полиции законодатель определяет охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности (Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3]).

Нельзя также оставить без внимания и тот факт, что имеющийся императивно-диспозитивный алгоритм передачи части полномочий в административно-деликтной сфере между органами исполнительной власти различных уровней не исключает права органов исполнительной власти субъектов РФ самостоятельно определять наличие или отсутствие возможности самостоятельно реализовывать имеющуюся компетенцию по составлению протоколов об административных пра-

вонарушениях в сфере общественного порядка и общественной безопасности.

В юридической литературе подчеркивается, что передача карательных полномочий федерального уровня на региональный уровень является спорной и имеет одну настораживающую тенденцию: использование карательных государственных полномочий не с целью предупреждения и пресечения правонарушений, а с целью коммерциализации таких полномочий [20]. Вместе с тем отмечается, что в предыдущие годы такая передача полномочий не всегда сопровождалась передачей источников финансирования, вследствие чего появилась существенная диспропорция между расходами бюджетов субъектов Российской Федерации по реализации полномочий в сфере совместного ведения, прежде всего в социальной сфере, и доходными поступлениями в бюджеты субъектов РФ [22]. В связи с этим актуальной представляется проблема точного определения порядка и объема финансирования, которое необходимо для исполнения передаваемых полномочий.

Соглашение определяет порядок взаимоотношений по вопросам наделения органов внутренних дел полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях по законодательству об административных правонарушениях субъектов РФ. Данное соглашение имеет законную силу как локальный акт, регулирующий отношения между двумя субъектами, наделенными государственно-властными полномочиями.

Юридическая сила заключенных соглашений состоит в том, что они наполняют административно-деликтные правоотношения административно-договорными отношениями. При этом они не только дополняют, но и изменяют административно-деликтное законодательство. Рассматриваемые соглашения имеют специальный и временный характер, поскольку действуют наряду с общими нормами и предоставляют полномочия на определенный срок.

В целом необходимо отметить, что компетенция органов внутренних дел по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных административно-деликтным законодательством субъектов Российской Федерации, может быть реализована только при наличии административно-договорных правоотношений меж-

ду федеральным органом исполнительной власти и органом исполнительной власти субъекта РФ.

Заключение соглашений о передаче части полномочий в рассматриваемой сфере имеет большое значение для правоприменительной практики органов внутренних дел. Однако приходится констатировать, что по состоянию на 1 октября 2017 года заключено лишь пять соглашений о передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях в соответствии с законодательством субъектов РФ. Такие соглашения заключены с кабинетом министров Республики Татарстан [7], правительствами Оренбургской [11], Челябинской [8], Мурманской [9] и Ульяновской областей [10], что вызывает озабоченность, поскольку данные административно-договорные правоотношения создают права и обязанности не только для участников этих отношений, но и для третьих лиц, то есть не только *inter partes*, но и *extra partes* [21, с. 79].

В МВД России значительное внимание уделяется вопросам заключения указанных соглашений. Согласно информации ГУОООП МВД России, по итогам 2016 года в МВД России на рассмотрение поступило 85 проектов соглашений (всего с 2014 года – 201 проект соглашений из 75 субъектов РФ), большая часть из которых возвращена на доработку в связи с предложениями и замечаниями [18]. В качестве основного замечания указывается на позицию, определенную Минюстом России в заключении на соглашения МВД России с кабинетом министров Республики Татарстан и правительством Оренбургской области, о том, что при отсутствии в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях норм, закрепляющих полномочия должностных лиц органов исполнительной власти субъектов РФ по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, такие соглашения не могут быть заключены.

Следовательно, законодательство субъектов Российской Федерации зачастую не предусматривает полномочия должностных лиц органов исполнительной власти соответствующего субъекта РФ по составлению про-

токолов, предусмотренных в статьях, передача полномочий по которым должна быть осуществлена МВД России на основе соглашения. Данными полномочиями, как правило, наделены органы внутренних дел, но при условии заключения соглашения. Таким образом, складывается абсурдная ситуация, когда органы субъектов РФ передают полномочия, которыми сами не обладают.

В связи с этим начальник Договорно-правового департамента МВД России А. Г. Авдейко справедливо отмечает, что усилия территориальных органов МВД России должны быть сконцентрированы на завершении работы по заключению соглашений, для чего необходима корректировка административного законодательства и закрепление в нем полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по составлению протоколов об административных правонарушениях [19, с. 15].

Анализ законодательства об административных правонарушениях отдельных субъектов Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в законодательстве одних субъектов РФ и ранее имелись нормы о закреплении полномочий [13], в других – они нашли свое отражение уже после выявления указанных замечаний [14, 15], а в некоторых из них такие нормы и вовсе отсутствуют [16]. При этом в ходе подготовки проектов соглашений территориальными органами МВД России было обнаружено определенное несовершенство законодательства субъектов РФ об административных правонарушениях, что в дальнейшем способствовало выявлению упомянутых недостатков и проведению необходимой работы по их устранению. Однако отсутствие заключенных соглашений с большинством субъектов РФ не позволяет сотрудникам полиции в полной мере выполнять функции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Также в качестве дополнительной управленческой меры, направленной на активизацию деятельности по подготовке и согласованию проектов соглашений, следует признать включение в Перспективный комплексный план мероприятий по реализации Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на период с 2017 по 2021 год, утвержденной при-

казом МВД России от 9 января 2017 года № 1 [17] (далее – План), пункта, предусматривающего завершение работы по заключению соглашений до 2021 года.

Следует отметить, что в рамках работы по организации заключения соглашений были внесены отдельные изменения в федеральные нормативные правовые акты, касающиеся процедурных вопросов их заключения. Так, в частности, с 2016 года изменен порядок утверждения соглашения Правительством Российской Федерации, которое может утвердить соответствующее соглашение только после проведения правовой экспертизы Минюстом России [5]. Утвержденное распоряжением Правительства РФ соглашение подлежит опубликованию на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).

Как представляется, принимаемые меры со стороны МВД России позволят в предусмотренные Планом сроки обеспечить заключение соглашений с органами исполнительной власти всех субъектов, входящих в состав Российской Федерации.

Результаты анализа практики заключения соглашений между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ по передаче части полномочий в административно-деликтной сфере дают возможность сделать вывод о наличии проблем как организационного, так и правового характера. При отсутствии иных механизмов представляется необходимым и обоснованным применять административно-договорное регулирование, что позволит усовершенствовать практику правоприменения по отдельным составам административных правонарушений.

Завершая анализ административно-договорных правоотношений в административно-деликтной сфере, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что наличие на сегодняшний день лишь пяти заключенных соглашений является результатом довольно сложного процесса правоприменения в условиях динамично развивающейся федеральной и региональной нормативной правовой базы. При этом имеются правовые и организационные основания утверждать, что переломный момент в данном процессе уже пройден.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 07.06.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 29.07.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 06.10.1999 № 184-ФЗ (в ред. от 07.06.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. О внесении изменений в Правила заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий: постановление Правительства Рос. Федерации от 11.02.2016 № 93. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий (вместе с Правилами заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий): постановление Правительства Рос. Федерации от 08.12.2008 № 924 (в ред. от 11.02.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
7. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Кабинетом Министров Республики Татарстан о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации час-

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKL, from 30.12.2008 № 7-FKL, from 05.02.2014 № 2-FKL, from 21.07.2014 № 11-FKL). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 № 195-FL (as amended on 07.06.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. On police: Federal Law of the Russian Federation 07.02.2011 № 3-FL (as amended on 29.07.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. On General principles of organization of legislative (representative) and Executive state authorities of constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 06.10.1999 № 184-FL (as amended on 07.06.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. On amendments to the Rules of conclusion and entry into force of agreements between the Federal bodies of Executive power and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation on transfer them to each other in the implementation of its powers: resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.02.2016 № 93. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. On the procedure of conclusion and entry into force of agreements between the Federal bodies of Executive power and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation on transfer them to each other in the implementation of its powers (together with Rules for the conclusion and entry into force of agreements between the Federal bodies of Executive power and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation on transfer them to each other in the implementation of its powers): resolution of the Government of the Russian Federation dated 08.12.2008 № 924 (ed. from 11.02.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
7. On approval of the Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan on transfer to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation powers for drawing up protocols on administrative offences: decree of the Government of the Russian Federation from 21.02.2017 № 317-R. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
8. On approval of the Agreement between the

ти полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 21.02.2017 № 317-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

8. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Челябинской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17.06.2017 № 1265-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

9. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Мурманской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30.06.2017 № 1375-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Ульяновской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 08.09.2017 № 1934-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

11. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Оренбургской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 05.10.2016 № 2086-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

12. Об утверждении соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об ад-

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the government of Chelyabinsk region on the transfer to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation powers for drawing up protocols on administrative offences encroaching on public order and public security: decree of the Government of the Russian Federation from 17.06.2017 № 1265-R. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

9. On approval of the Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the government of the Murmansk region on the transfer to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation powers for drawing up protocols on administrative offences: decree of the Government of the Russian Federation from 30.06.2017 № 1375-R. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. On approval of the Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Government of the Ulyanovsk region on the transfer to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation powers for drawing up protocols on administrative offences: decree of the Government of the Russian Federation from 08.09.2017 № 1934-r. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

11. On approval of the Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the government of the Orenburg region on the transfer to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation powers for drawing up protocols on administrative offences encroaching on public order and public security: decree of the Government of the Russian Federation from 05.10.2016 № 2086-r. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

12. On approval of the agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Government of Moscow on transfer to the city of Moscow of some Federal powers to consider cases on administrative offences stipulated by the Code of the Russian Federation about administrative offences: decree of the Government of the Russian Federation dated 21.09.2013 № 1706-r. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

13. About administrative offences in territory of Sverdlovsk area: law of Sverdlovsk region dated 14 June 2005 № 52-OL // Regional newspaper. 2017. February 21.

14. Code of Kaliningrad region on administrative offences dated 12.05.2008 № 244. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

15. On administrative offences: law of the Ryazan region from 04.12.2008 № 182-OL. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

16. Code of the Omsk region about administra-

министративных правонарушениях: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 21.09.2013 № 1706-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

13. Об административных правонарушениях на территории Свердловской области: закон Свердловской области от 14 июня 2005 г. № 52-ОЗ // Обл. газ. 2017. 21 февр.

14. Кодекс Калининградской области об административных правонарушениях от 12.05.2008 № 244. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

15. Об административных правонарушениях: закон Рязанской области от 04.12.2008 № 182-ОЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

16. Кодекс Омской области об административных правонарушениях от 24.07.2006 № 770-ОЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

17. Перспективный комплексный план мероприятий по реализации Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на период с 2017 по 2021 год: утв. приказом МВД России от 9 янв. 2017 г. № 1; утв. министром внутренних дел Рос. Федерации В. А. Колокольцевым 7 апр. 2017 г. (п. 1.2). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

18. О направлении обзора о результатах административной практики: письмо ГУОООП МВД России № 12/10120 от 03.03.2017. Документ опубликован не был.

19. Авдейко А. Г. Правовая работа МВД России: итоги и задачи // Профессионал: науч.-практ. альманах МВД России. 2017. № 2.

20. Дементьев А. Н. Законодательная деэвальвация полномочий исполнительных органов государственной власти: последствия и пределы допустимого // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7.

21. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Изв. высших учебных заведений. Сер.: Правоведение. 1998. № 2.

22. Собянин С. С. Правовые основы социального развития субъектов Федерации // Журн. рос. права. 2005. № 12.

tive offences of 24.07.2006 № 770-OL. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

17. Long-term comprehensive plan of measures on realization of the Concept of legal regulation and legal support of the activity of the MIA of Russia for the period from 2017 to 2021: approved by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from January 9, 2017 № 1; approved by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation General of police of the Russian Federation V. A. Kolokoltsev April 7, 2017 (section 1.2). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

18. About the direction of an overview of the results of the administrative practice: letter GUOOP Ministry of Internal Affairs of Russia № 12/10120 from 03.03.2017. Document has not been published.

19. Avdeiko A. G. The legal work of the interior Ministry of Russia: results and problems // Professional: scientific-practical almanac of the MIA of Russia. 2017. № 2.

20. Dementyev A. N. Legislative devaluation of powers of Executive bodies of state power: the consequences and limits // Constitutional and Municipal Law. 2016. № 7.

21. Magaziner Ya. M. General theory of law on the basis of Soviet law // News of higher educational institutions. Series: Law. 1998. № 2.

22. Sobyenin S. S. Legal framework the social development of subjects of Federation // Journal of Russian Law. 2005. № 12.

© 2017 г. Ю. В. Капранова,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: kapranova2000@yandex.ru

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В РОССИИ

В статье освещаются отдельные вопросы нормативного правового регулирования стадии предвыборной агитации. Проводится исследование конституционно-правовой сущности и содержания предвыборной агитации на основе действующего законодательства. Автор делает вывод о многоаспектности термина «предвыборная агитация», рассматривает его как субъективное право, деятельность, институт избирательного права и как стадию избирательного процесса.

Ключевые слова: выборы, предвыборная агитация, право на свободу слова, право на свободу информации, активное избирательное право, информационное обеспечение, агитационный период, правила предвыборной агитации.

Ju. V. Kapranova – Associate Professor, Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

LEGAL REGULATION OF THE ELECTION CAMPAIGN IN RUSSIA

The article highlights selected issues of legal regulation of the stage of the election campaign. The author examines the constitutional-legal nature and content of the election campaign on the basis of existing legislation. The author makes a conclusion about the complexity of the term «electioneering», treats it as a subjective right, legal activities, Institute of electoral law and how the stage of the electoral process.

Key words: elections, election campaigning, freedom of expression, freedom of information, active electoral right, the provision of information, campaign period, election campaign rules.

В процессе становления отечественной избирательной системы содержание стадии предвыборной агитации менялось вместе с ее регламентацией. Активное обсуждение российским юридическим сообществом на протяжении многих лет различных трудностей регулятивно-правового и правоприменительного характера в сфере реализации норм избирательного права на данной стадии свидетельствует о том, что происходил активный поиск баланса между правовой определенностью правил предвыборной агитации и ее содержанием.

В настоящее время в действующем законодательстве определение предвыборной агитации включает в себя деятельность, направленную как на поддержку кандидатов, так и против них, проведено ее отграничение от информирования избирателей.

Этимология термина «агитация» (от лат. *agitation* – приведение в движение, побуждение к чему-либо) подводит нас к пониманию предвыборной агитации как некоего процесса, который через распространение различных идей воздействует на сознание и настроение людей, общественную активность с

целью побуждения совершить те или иные избирательные действия в период подготовки к выборам.

Правовое регулирование агитационной деятельности в период проведения выборов и референдумов основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции РФ, а также положениях Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1], определяющего базовые направления развития законодательной регламентации вопросов проведения выборов и референдумов на различных уровнях.

Впервые на нормативном уровне право граждан на предвыборную агитацию получило закрепление в Основном законе СССР 1977 года. В статье 97 Конституции СССР 1977 года гарантировалось свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио [2]. Несмотря на то, действующая Конституция

Российской Федерации (1993) не имеет главы, посвященной избирательным правоотношениям, и право на предвыборную агитацию прямо не закреплено положениями главы «Права и свободы человека и гражданина», тем не менее оно подразумевается первично и обусловлено закрепленным в ч. 2 ст. 32 правом избирать и быть избранным в орган государственной власти и местного самоуправления. Право на предвыборную агитацию является составным элементом активного избирательного права, то есть «субъективного публичного конституционного избирательного права, опосредующего отношения, складывающиеся по поводу непосредственного участия гражданина в процессе формирования выборных органов публичной власти в качестве избирателя (активного элемента избирательного права), либо в качестве кандидата на соответствующую выборную должность (пассивного элемента избирательного права)» [3, с. 120].

Конституционное измерение механизма предвыборной агитации неизбежно приводит нас к необходимости рассмотрения вопросов соотношения конституционных прав на агитацию и свободу массовой информации. Безусловно, современная демократия и свобода средств массовой информации неразрывно связаны, так как в обществе растет запрос на информацию в различных сферах социальной и политической жизни, что связано с увеличением глобализационных явлений, расширением использования информационно-телекоммуникационных технологий в управлении различными структурами общества, развитием электронной демократии и электронного правительства. Очевидно, что каналы воздействия СМИ на общественное сознание, на мотивацию и поведение отдельных граждан в последнее время существенно изменились, тем не менее они по-прежнему базируются на взаимосвязи конституционной свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ), свободы информации (ч. 4 ст. 29). Однако смещение свободы выражения мнений со свободой предвыборной агитации является недопустимым, так как к первой не предъявляются требования достоверности и объективности, ограничения по времени. Распространение информации через выражение мнения может и должно иметь место в межвыборный период.

Свободные выборы и свобода слова, свобода политической дискуссии – взаимоукрепляющие демократические ценности, которые составляют основу любой демократической системы. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к данной тематике и указывал, что в законодательном регулировании вопросов получения и распространения информации о выборах и референдумах необходимо соблюдать баланс конституционно защищаемых ценностей – права на свободные выборы и свободы слова и информации, не допуская неравенства и несоразмерных ограничений [4].

Избирательная активность является важным показателем степени демократизации общества. Предвыборная агитация представляет собой такой этап избирательного процесса, на котором избирательная активность благодаря грамотно и профессионально выстроенной стратегии может существенно возрасти в пользу какой-либо партии или отдельно взятого кандидата. В данный период сталкиваются различные политические интересы, ведется активное воздействие на электорат через закрепленный законодательством избирательный инструментарий – агитацию. От организации проведения данной стадии избирательного процесса зависит итог выборов. Как отмечалось, правильно построенная предвыборная агитация может повысить шансы на победу избирательного блока либо кандидата на выборную должность на 60 % [5, с. 47–52].

Актуальными являются вопросы соотношения предвыборной агитации как деятельности, побуждающей проголосовать за тех или иных кандидатов, списки кандидатов, и предвыборной агитации «против всех» в связи с возвращением в графы бюллетеней строки «против всех» [6] на выборах муниципального уровня после долгого периода отказа от практики использования данного института [7, с. 29–30]. Анализ Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ показывает, что в нем устанавливается закрытый перечень форм, в которых может проводиться подобная деятельность, – «против кандидата, списков кандидатов» – в смысле распространения негативной информации о них, но не содержатся указания на деятельность, побуждающую проголосовать избирателей против всех. Полагаем, что такую форму нецелесообразно закреплять в законе, поскольку в про-

тивном случае будет выхолащиваться сама суть, цель предвыборной агитации – формирование выборного органа. Утверждение подобной формы предвыборной агитации побудит проигнорировать всех кандидатов, будет входить в противоречие с законодательным определением понятия «предвыборная агитация» (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ). Закрепление графы «против всех» в законе, регламентирующем выборы на уровне местного самоуправления, преследует цель разрешения отдельных проблемных вопросов процедурного характера. В силу того что число избирателей на муниципальном уровне не может сравниться с количеством участвующих в федеральных выборах, в ряде случаев, когда необходимо определить победителя повторного голосования по относительной мажоритарной системе или признать выборы несостоявшимися (ст. 39 Федерального закона от 26.11.1996 № 138-ФЗ), количество голосов, поданных избирателями «против всех кандидатов», может выступить критерием для принятия итогового решения или об избрании кандидата (если он набрал большее количество голосов по отношению к другими кандидатам и оно превышает число голосов против всех), или (если число избирателей, проголосовавших против всех, больше, чем проголосовавших за кандидата, набравшего наибольшее число голосов в округе) о признании выборов несостоявшимися.

Российское законодательство очень детально регламентирует основные направления и виды агитации, устанавливает особые правила предвыборной агитации, сроки ее проведения, особые требования к агитационным материалам, субъектам, осуществляющим агитацию, и многое другое. Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ под предвыборной агитацией следует понимать деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании и имеющую цель побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них). Следует отметить, что данное определение является общим [8], в нем не перечисляются действия, признаваемые предвыборной агитацией. Сущность предвыборной агитации конкретизируют положения гл. 7 данного закона «Гарантии прав граждан на получение и распространение информации о

выборах и референдумах». Прежде всего, в ст. 44 указанной главы определяется, что предвыборная агитация наряду с информированием избирателей, участников референдума, агитацией по вопросам референдума входит в деятельность по информационному обеспечению выборов и референдумов. В соответствии со ст. 45 закона информирование избирателей проводится органами государственной власти и местного самоуправления, комиссиями и организациями, осуществляющими выпуск средств массовой информации, редакциями сетевых изданий, физическими и юридическими лицами. При этом в данной норме указывается, что органы публичной власти не относятся к субъектам, имеющим право осуществлять информирование по поводу кандидатов. Таким образом, анализ положений Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ позволяет отграничивать деятельность по информированию и агитации.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы, связанные с обеспечением права на свободу информации, сформулировал определенную позицию по данному вопросу [4; 9]. Поскольку агитация и информирование могут побудить избирателей сделать тот или иной выбор, основным разграничивающим их критерием следует считать наличие специального мотива и цели – желания склонить избирателей в ту или иную сторону, в том числе посредством обеспечения информационной поддержки или, наоборот, противодействия конкретному кандидату или избирательному объединению через СМИ.

Как устанавливает Европейский суд по правам человека, необходимо различать: 1) деятельность по информированию избирателей, поддерживающую свободную политическую дискуссию в предвыборный период и способствующую формированию у избирателей адекватных представлений о позициях кандидатов; 2) информационное воздействие на избирателей со стороны кандидатов, преследующих цель замещения выборных должностей (относится к предвыборной агитации) [10].

Такой подход получил закрепление в действующем российском законодательстве, в котором под предвыборной агитацией понимается не распространение информации, а обладающая набором специфических признаков деятельность специальных субъектов, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая

целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них), или против всех кандидатов (против всех списков кандидатов). Агитационная деятельность представляет собой непрерывную деятельность, осуществляемую в соответствии с законом и нацеленную на формирование предпочтений граждан Российской Федерации при реализации ими своего активного избирательного права [11, с. 49–50].

Согласно ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ предвыборной агитацией признаются действия:

- призывающие голосовать за кандидата, а также кандидатов, отдельный список или списки кандидатов, либо против них;

- выражающие предпочтения тому или иному кандидату, избирательному объединению, в том числе указывающие на то, за какого кандидата, какой список кандидата, какое избирательное объединение необходимо будет проголосовать избирателю;

- описывающие возможные положительные либо негативные последствия, в случае если тот или иной кандидат будет избран или не избран, если тот или иной список кандидатов будет допущен или не допущен к распределению депутатских мандатов;

- распространяющие информацию, в которой явно преобладают сведения о тех или иных кандидатах, избирательных объединениях в различных сочетаниях как позитивной, так и негативной информации о них;

- распространяющие сведения о кандидате, не связанные с его профессиональной деятельностью или исполнением им служебных (должностных) обязанностей;

- иная деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения к кандидату, избирательному объединению, выдвинувшему кандидата или список кандидатов.

К агитационной деятельности относятся те же действия, совершаемые представителями средств массовой информации, как печатных, так и зарегистрированных электронных, если они призывают голосовать за или против с целью побудить, склонить отдать голос за того или иного кандидата, а также иные действия, перечисленные выше, если они совершены с данной целью неоднократно (ч. 2.1 ст. 48). Ранее организации, осуществляющие выпуск СМИ, не были включены

в субъекты предвыборной агитации, а лишь информировали избирателей. Их представителям при осуществлении профессиональной деятельности было запрещено проводить предвыборную агитацию, выпускать и распространять любые агитационные материалы. Нарушение запрета на участие в предвыборной агитации в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях влекло за собой административную ответственность.

На сегодняшний день следует различать предвыборное информирование в СМИ и предвыборную агитацию в СМИ. К предвыборному информированию следует относить такие сообщения в информационных теле- и радиопрограммах, публикациях в периодических печатных изданиях о проведении предвыборных мероприятий, в которых информация представлена исключительно отдельным блоком, без комментариев, в ней не отдается предпочтение какому-либо кандидату, избирательному объединению или блоку, в том числе по времени освещения их предвыборной деятельности, объему печатной площади. В свою очередь, предвыборная агитация – это действия, которые побуждают сделать тот или иной выбор в пользу конкретного кандидата. К субъектам предвыборной агитации относятся зарегистрированные кандидаты (кандидат), избирательное объединение и (или) лица, уполномоченные выступать от имени кандидата, избирательного объединения или специально привлеченные ими к проведению предвыборной агитации.

Из содержания п. 4 ст. 2 рассматриваемого федерального закона следует, что предвыборная агитация осуществляется в период избирательной кампании. При этом п. 19 ст. 2 предусматривает, что отправной точкой избирательной кампании является день официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов. Деятельность, имеющая признаки предвыборной агитации, но осуществляемая до официального начала избирательной кампании, не может быть признана предвыборной агитацией и должна квалифицироваться как агитационное информирование. Согласно п. 1 ст. 49 закона временные рамки предвыборной агитации включают в себя не весь

период, предшествующий выборам, а лишь со дня регистрации кандидата, списка кандидатов.

Несмотря на большое количество условий, требований, предъявляемых к реализации правомерной деятельности по предвыборному агитированию, присутствуют недостаточно разработанные процедурные вопросы, связанные, например, с регулированием окончания срока агитации в сетевых изданиях. Только положениями Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» устанавливается, что размещение агитационных материалов в таких изданиях должно прекращаться в 16 часов по московскому времени последнего дня агитационного периода. Представляется, что данные вопросы должны регулироваться Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ, в который необходимо внести соответствующие изменения, так как агитация в сетевых изданиях может иметь место не только на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации, но и на иных выборах федерального, регионального и местного уровней.

Также следует отметить, что законодательство о выборах и референдумах не содержит перечня мест (зданий, помещений, площадок), где запрещено проведение агитации посредством публичных мероприятий (собраний и встреч с гражданами), в связи с чем квалифицировать правонарушения по данному признаку достаточно сложно. Участие должностных лиц в различных публичных мероприятиях: интервью, праздничных концертах, торжественных заседаниях, конференциях и других – является не исключением, а скорее, правилом. Эти лица могут принимать активное или пассивное участие в мероприятии, однако сам факт такого участия будет обязательно освещен в прессе зачастую с приложением фотографий [12, с. 47]. За злоупотребление должностным положением и проведение скрытой агитации, в том числе в запрещенных местах, привлечь к ответственности данных лиц представляется затруднительным. Учитывая тот факт, что в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [13] проведение публичных мероприятий в целях предвыборной агитации входит в сферу действия данного закона, считаем возмож-

ным воспользоваться положениями ст. 8 «Места проведения публичного мероприятия» для выявления мест, где запрещено проводить предвыборную агитацию. Согласно данному закону публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для его целей местах, а также в специально отведенных для этого и определенных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации местах (предоставляется перечень мест, где проведение публичного мероприятия запрещено). Логично предположить, что такими местами также являются здания и помещения, занимаемые на правовых основаниях органами, учреждениями и организациями (п. 7 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ – органами государственной власти, избирательными комиссиями, воинскими частями и другими), которым закон запрещает проведение предвыборной агитации (агитации по вопросам референдума).

Неопределенность в понимании того, в каких мероприятиях может заключаться такая форма предвыборной агитации, как «посредством проведения агитационных публичных мероприятий» (ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ), также затрудняет практику применения административного законодательства. В этой связи полагаем, что более удачной является формулировка предыдущей редакции данной статьи, в которой указывалось: «посредством проведения массовых мероприятий (собраний и встреч с гражданами, митингов, демонстраций, шествий, публичных дебатов и дискуссий)». В ст. 25 Федерального закона от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [14], в которой приводятся общие принципы ведения предвыборной агитации на выборах муниципального уровня, указанная формулировка применительно к проведению публичных предвыборных мероприятий сохранена. Представляется необходимым восстановить п. «б» ч. 3 ст. 48 в предыдущей редакции, а действие ст. 5.10 КоАП РФ – исходя из этого распространить и на деяния, связанные с нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в период предвыборной агитации.

Административное право

Таким образом, нормативное правовое регулирование предвыборной агитации предопределяет использование термина «предвыборная агитация» в нескольких значениях:

– как субъективного права, входящего в состав права на участие в управлении делами государства, а точнее в состав правомочия по реализации конституционного права избирать и быть избранным, и отличного по своему нормативному содержанию от права на свободу слова, распространения информации и выражения мнений;

– деятельности, осуществляемой специальным кругом субъектов в рамках установленных правил;

– института избирательного права;

– стадии избирательного процесса.

Предвыборная агитация является обязательной стадией избирательного процесса, выступает разновидностью информационного обеспечения выборов. В период, предшествующий выборам, распространение информации о выборах подпадает под определение информирования, осуществляется без каких бы то ни было ограничений. В рамках предвыборной агитации свобода слова и распространения информации посредством установления определенных требований к осуществлению предвыборной агитации ограничивается, чтобы обеспечить равенство для избирателей и чтобы информация, поступающая к гражданам с целью побудить голосовать за того или иного кандидата, являлась строго и равным образом дозированной, проверенной на соответствие фактам, не имела искажений и отражала истину. При подлинных выборах должен обеспечиваться свободный и равный доступ избирателей к информации об избирателях, о ходе выборов, каждый свободен реализовывать свое право на поиск, получение, передачу и распространение информации в любых формах и из любых источников в пределах, установленных законодательством

Российской Федерации. Требования к информации одновременно и в рамках предвыборной агитации, и в то же время к получению информации не противоречат друг другу, а наоборот, системно регулируют вопросы информирования, реализуя конституционные возможности граждан в наиболее полной форме.

Особенности предвыборной агитации как деятельности заключаются в следующем:

– она осуществляется исключительно в рамках избирательных правоотношений;

– имеет специально-целевое назначение, выражающееся в склонении избирателей реализовать свое активное избирательное право, выразить свою волю определенным образом и тем самым повлиять на формирование персонального состава выборного органа публичной власти;

– реализуется в рамках строго установленных правил.

Правила предвыборной агитации представляют собой специальные предписания, устанавливающие условия проведения соответствующей деятельности, а также определенные ограничения и запреты, так называемые «фильтры», которые законодатель устанавливает в качестве обязательных для исполнения, чтобы деятельность, побуждающая проголосовать за того или иного кандидата, была законной. Законной может быть признана только предвыборная агитация, проводимая с соблюдением условий, связанных с правовым регулированием:

– агитационного периода, то есть сроков, когда эта деятельность имеет все признаки законной агитационной деятельности;

– требований, предъявляемых к субъектам, осуществляющим предвыборную агитацию;

– места и методов проведения агитации (где, каким образом);

– содержания, форм и видов агитационных материалов.

Литература

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 28.12.2016). URL: <http://consultant.ru>

2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Ведомости Верховного Суда СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

Bibliography

1. On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 12.06.2002 № 67-FL (ed. by 28.12.2016). URL: <http://consultant.ru>

2. Constitution (fundamental law) of the Union of Soviet Socialist Republics, 1977 // Vedomosti of the USSR Supreme Soviet. 1977. № 41. Art. 617.

3. Jagaran A. A. A citizen of the Russian Feder-

3. Джагарян А. А. Гражданин Российской Федерации – конституционный субъект права на предвыборную агитацию // Право и политика. 2006. № 9.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаяна и К.С. Рожкова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 30 окт. 2003 г. № 15-П. URL: <http://consultant.ru>

5. Зелинский Я. В. Административно-правовые вопросы агитации за кандидатов в депутаты представительных органов власти в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. № 12.

6. Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления: Федер. закон Рос. Федерации от 26.11.1996 № 138-ФЗ (в ред. от 04.06.2014). URL: <http://consultant.ru>

7. Оспанов Т. А., Абрахманов Д. В. Графа «Против всех» в контексте политической конкуренции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6.

8. Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>

9. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14.11.2005 № 10-П. URL: <http://consultant.ru>

10. По делу «Боуман (Bowman) против Соединенного Королевства: постановление Европейского суда по правам человека от 19 февр. 1998 г. URL: <http://garant.ru>

11. Толкушкин М. И. Институт предвыборной агитации: некоторые размышления // Кон-

ation – the constitutional entity for pre-election campaign // Law and politics. 2006. № 9.

4. On business about check of constitutionality of separate provisions of the Federal Law «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation» in connection with inquiry of group of deputies of the State Duma and the complaints of citizens S. A. Buntman, K. A. Katanyan and K. S. Rozhkov: decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 30 October 2003 № 15-P. URL: <http://consultant.ru>

5. Zelinsky Ya. V. Administrative and legal issues, campaigning for candidates of representative bodies in the Russian Federation // Administrative rights and process. 2012. № 12.

6. On ensuring the constitutional rights of Russian Federation citizens to elect and be elected to bodies of local self-government: Federal Law of the Russian Federation dated 26.11.1996 № 138-FL (ed. from 04.06.2014). URL: <http://consultant.ru>

7. Ospanov T. A., Abrahamov D. V. Column «Against all» in the context of political competition // Constitutional and municipal law. 2014. № 6.

8. Ignatov S. L. Commentary to the Federal Law of 12 June 2002 № 67-FL «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation». URL: <http://consultant.ru>

9. On business about check of constitutionality of provisions of paragraph 5 of article 48 and article 58 of the Federal Law «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation» point 7 of article 63 and article 66 of the Federal law «On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» in connection with the complaint of the Commissioner for human rights in the Russian Federation: decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 14.11.2005 № 10-P. URL: <http://consultant.ru>

10. The judgment of the European Court of human rights of 19 February 1998 In the case of «Bowman (Bowman) against the United Kingdom». URL: <http://garant.ru>

11. Tolkuskin M. I. Institute pre-election campaign: some reflections // Constitutional and municipal law. 2016. № 4.

12. Zelinsky Ya. V. Some Issues of legal responsibility for the use of advantages of official position during election campaign // Constitutional and municipal law. 2013. № 9.

ституционное и муниципальное право. 2016. № 4.

12. Зелинский Я. В. Вопросы юридической ответственности за использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9.

13. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федер. закон Рос. Федерации от 19.06.2004 № 54-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). URL: <http://consultant.ru>

14. Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления: Федер. закон Рос. Федерации от 26.11.1996 № 138-ФЗ (в ред. от 04.06.2014). URL: <http://consultant.ru>

13. On assemblies, rallies, demonstrations, processions and picketing: Federal Law of the Russian Federation 19.06.2004 № 54-FL (ed. from 03.07.2016). URL: <http://consultant.ru>

14. On ensuring the constitutional rights of Russian Federation citizens to elect and be elected to bodies of local self-government: Federal Law of the Russian Federation dated 26.11.1996 № 138-FL (ed. from 04.06.2014). URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. М. В. Пчельников,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного технического университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: pchelnicov-m@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСПЕКТОРОВ ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Статья посвящена рассмотрению особенностей сложившейся системы экологических прав человека на различных уровнях экологической политики. Анализируется природа правовой экологической политики, этапы ее становления, динамика, роль уровней власти в реализации экологических прав человека.

Ключевые слова: окружающая среда, экологическая политика, власть, государство, местное самоуправление, экологические права, право человека.

M. V. Pchelnicov – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, the Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF PUBLIC INSPECTORS FOR ENVIRONMENTAL PROTECTION

The article examines various aspects of legal regulation of activities of public inspectors of environmental control as an element of the constitutional right to a healthy environment. Analyzes the legal nature of social relations in the implementation of environmental rights, proposed a number of amendments to the Federal Law.

Key words: environment, environmental policy, power, state, local government, environmental law, human right.

Охрана окружающей среды занимает одну из верхних строчек в рейтинге актуальных проблем не только государства, но и каждого человека. Решение данной проблемы при осуществлении природопользования тесно связано также с экологическими интересами человека, общества и государства. С одной стороны, если государство будет устанавливать минимальные экологические ограничения для природопользователей и небольшие размеры санкций за экологические правонарушения, то это может катастрофическим образом отразиться на состоянии экологии. С другой стороны, если государство, заботясь о благоприятной окружающей среде, будет требовать от природопользователей соблюдения неоправданно жестких экологических правил, что чревато для них значительными материальными, организационными, временными и иными потерями, то социальные и экономические последствия такой политики также окажутся весьма спорными. В этой связи власть и государство должны принимать во внимание все факторы экологической политики современного общества, чтобы обеспечить оптимальный баланс между экологическими правами граждан, социальными и экономическими ин-

тересами общества и государства. Полагаем, что существование ряда проблем в данной сфере общественных отношений определяет актуальность и необходимость выбранной нами темы исследования.

Сложившееся сочетание экологических отношений, которые сформировались в современном обществе, во многом определяет характер и содержание иных видов отношений – политических, экономических, правовых и других. Таким образом, институциональный аспект установления и функционирования действующего политико-правового порядка в сфере экологии уже может являться той закономерностью социального развития человечества, при котором не может не учитываться природоохранный аспект любой деятельности. Как мы указывали ранее, «экология становится важным фактором и элементом политического процесса, протекающего как на глобальном уровне, так и на уровне национальных государств» [1, с. 295].

Развитие общества в экологической сфере можно охарактеризовать двумя взаимосвязанными процессами. Во-первых, это возрастание экосоциальных проблем, а во-вторых – осознание общественностью и государством взаимозависимости и всеобщей взаимосвязи

в сфере оптимального управления использованием мировым сообществом природных ресурсов и, соответственно, обеспечения необходимого баланса природных экосистем. Именно сейчас, в условиях экологического кризиса, который происходит в планетарных масштабах, экологическая сфера является стратегической и выступает одним из показателей условий развития и роста политических и экосоциальных структур общества. В этом сущность социально-экологической и политической самоидентификации государств.

Существующие экологические проблемы и, следовательно, формирующаяся международная экологическая политика за последние десятилетия приобрели особую актуальность, научную значимость и востребованность. Полагаем, что это происходит из-за усиления экологической дестабилизации окружающего мира. Поэтому правовой анализ экологических теорий, понятий и институтов, относящихся к вопросам обеспечения экологических прав человека и экологической безопасности в современном мире, служит важной предпосылкой оптимизации процесса принятия реальных правовых и политических решений в экологической сфере исходя из наиболее широкого контекста мирового развития.

Актуальность исследования взаимодействия муниципальной, государственной и международной экологической правовой политики, относящейся к проблеме декларации и реализации экологических прав человека, не вызывает сомнений. Процесс возникновения, дальнейшего изучения и решения экологических проблем представляет собой непростой путь становления экологических интересов в качестве составляющих социальных процессов.

В связи с возникновением и формированием проблемных вопросов в области экологии и охраны окружающей среды сначала на местном и региональном уровнях, а в дальнейшем и на уровне суверенных государств можно предположить, что заключительным этапом этого процесса будет решение проблем экологических прав человека на международном уровне. Вместе с тем именно международные акты в области охраны окружающей среды и соблюдения прав человека служат сегодня вектором дальнейшего экологического развития государств, включая как внутреннюю экологическую правовую

политику, так и экологическую политику на местном уровне. По нашему мнению, исследование только одного уровня экологической правовой политики в отрыве от других не в состоянии дать целостного видения решения экологических проблем. Результативность экологической политики может выявляться, конечно, только с помощью анализа взаимодействия всех уровней.

Современное состояние экологических прав человека в обществе определяет правовой порядок в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Отметим, что необходимо иметь в виду не только исключительно антропоцентрический подход к охране окружающей среды, а более широкое понимание обеспечения устойчивого развития всей планетарной экосистемы.

Не подлежит сомнению тот факт, что проблемы обеспечения сохранности и восстановления природной среды, экономного использования и воспроизводства природных ресурсов, предотвращения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидации ее последствий носят общечеловеческий характер и связаны прежде всего с местом личности в природе и обществе, обеспечением ее неотъемлемого права на благоприятную окружающую среду. Как указывает А. И. Вакула, человек (индивид) представляет собой «начальное единство биосоциальных свойств и качеств, воплощающихся в человеческой личности, а также естественных прав, которые трактуются как неотъемлемые» [2, с. 132]. Многогранность и сложность общественных отношений в сфере охраны окружающей человека природы обуславливают необходимость их урегулирования нормами не только морали, но и большим спектром правовых норм.

На сегодняшний день в целях решения экологических проблем законодательными органами принят огромный массив действующих нормативных правовых актов, различных по сфере действия и юридической силе, общее количество которых, по оценкам экспертов, превышает несколько тысяч. Конституция Российской Федерации 1993 года [3, ст. 4398] провозглашает свободы и права человека высшей ценностью (ст. 2). Экологические права человека признаются основным компонентом государственной политики в сфере экологии. Их центром является правовой

институт, который регулирует право каждого на благоприятное состояние окружающей среды. Это право, являющееся элементом правового статуса личности, установлено ст. 42 Конституции РФ, «выступает как базовое и основополагающее право человека и гражданина и связано с обеспечением нормальных экономических, экологических и эстетических условий его жизни» [4, с. 58].

В нашем исследовании рассматриваются особенности формирования системы экологических прав человека в региональной и национальной экологической политике, анализируется природа экологической политики и роль различных уровней власти в реализации экологических прав человека. При этом в качестве одного из наиболее часто декларируемых заявлений федеральных и региональных властей следует отметить решение проблем экологического благополучия территорий. Полагаем, что основой для установления экологической политики в государстве и регионе должно быть ясное понимание состояния окружающей среды, влияния на человека и дальнейших тенденций ее развития. При этом подход, обосновывающий необходимость существования региональной экологической политики, не только реализуемой, но и формирующейся не федеральным центром, а именно региональными и местными органами власти и самоуправления, в России все еще является новым. Эта идея не овладела по большей части ни сознанием граждан, ни убеждением политической воли субъектов власти на всех уровнях управления [5, с. 155].

Следует отметить, что понимание опасности экологической угрозы для общества происходило постепенно, система экологических прав человека в международном праве и политике в XX веке создавалась десятилетиями и включала в себя несколько этапов. Первый этап данного процесса начался с принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и завершился в 1972 году решениями Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде. Именно в этот период человечество пришло к осознанию значимости прав человека в современном обществе. Однако до 70-х годов прошлого века экологическая группа прав человека не выделялась, хотя, несомненно, они включались в право на здоровье и на достаточный уровень жизни.

Второй этап формирования экологических прав (1972–1992) связан прежде всего со конференцией ООН по окружающей среде, проводившейся в 1972 году в Стокгольме. Основным результатом этого мероприятия явилось принятие декларации принципов и плана мероприятий, которые закрепили экологические права человека и установили меры, необходимые для принятия государствами в целях их обеспечения.

Одобрение Генеральной Ассамблеей ООН в 1980 году Всемирной хартии природы стало знаковым событием для институционализации экологической политики. В этом акте международного права установлен перечень важнейших принципов сотрудничества наций в сфере обеспечения охраны окружающей среды и рационального природопользования, в соответствии с которыми всякая деятельность человека и общества должна подвергаться оценке ее влияния на природу.

Необходимо указать, что Всемирная хартия природы включает в себя пять принципов:

- ненарушения основных природных процессов;
- сохранения генетического разнообразия;
- рационального использования природных ресурсов;
- защиты природы от разграбления в результате войны или иных враждебных действий.

Следует отметить, что в этом значимом международном акте получили подтверждение и дальнейшее развитие важнейшие принципы надгосударственного сотрудничества в экологической природоохранной сфере.

На исходе второго тысячелетия мировое сообщество пришло к осознанию тесной связи между необходимостью обеспечения устойчивого развития человеческой цивилизации и проблемами охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, что послужило началом третьего этапа развития экологических прав (1992–2002). Наиболее актуальными документами данного этапа являются, несомненно, декларация Рио (конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 года) и Орхусская конвенция (Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 года). Необходимо отметить, что с

1992 по 2002 год мировое сообщество на целом ряде международных конференций, проводившихся под эгидой ООН, включая Международную конференцию по финансированию развития, а также конференцию министров в Дохе, обсуждало различные экологические аспекты развития цивилизации.

Современный, четвертый, этап формирования экологических прав человека основан на решениях экологического саммита, проведенного в ЮАР в 2002 году и принявшего Йоханнесбургскую декларацию по устойчивому развитию. Экологические права человека сегодня рассматриваются в контексте мировых процессов глобализации. В экологической политике главный акцент сделан на проблемах искоренения нищеты, изменения моделей общественного потребления и производства, рационального и оптимального использования ресурсов окружающей среды и охраны природы как главных целей и потребностей достижения устойчивого развития общества. При этом в п. 169 Плана выполнения решений всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию указано на необходимость дальнейшего исследования важного аспекта взаимодействия общества и экологии – связи между окружающей природной средой и экологическими правами человека, включая право на развитие.

Институционально-правовой анализ экологической правовой политики России показал, что «отношение человека и природы является общим контекстом экологических отношений, которые следует рассматривать как вид общественных отношений, возникающих по поводу реализации потребностей и интересов личности, общества и государства в сфере природопользования и охраны окружающей среды» [6, с. 27]. Динамика развития экологических прав человека на мировом, национальном и региональном (местном) уровнях свидетельствует о том, что начинаясь с документов международного уровня и продолжаясь в актах государств, политика признания и реализации прав человека «заключается в уточнении элементов рассматриваемого права, его взаимосвязи с реализацией мировой стратегии обеспечения устойчивого развития, а также четком осознании невозможности обеспечения экологических прав человека на уровне отдельно взятого государ-

ства» [6, с. 120]. Кризис в сфере экологии в настоящее время является угрозой для экологических прав человека в планетарном масштабе, и преодолеть его возможно только объединенными усилиями всего мирового сообщества на национальном и региональном уровнях. Реализация экологических прав человека связана прежде всего с провозглашаемым принципом сотрудничества государств и отдельных индивидов в духе всемирного партнерства с целью защиты, охраны и восстановления целостности экосистемы планеты в целях обеспечения прав на благоприятную среду обитания.

Таким образом, национальная, региональная и местная политика в сфере защиты экологических прав человека входит в систему международной и основывается на признании того факта, что вопросы экологических прав человека и обеспечения благоприятной среды обитания наиболее эффективно решаются при участии в данном процессе всех заинтересованных и активных граждан. Члены местного сообщества также должны иметь возможность реализации своего права на участие в процессе принятия экологически значимых решений, а власти (на государственном и региональном уровнях), в свою очередь должны информировать местное сообщество и способствовать большей осведомленности граждан о такой возможности. Кроме того, необходимо обеспечивать доступ заинтересованных лиц к административным и юридическим механизмам, включая возмещение экологического ущерба и судебной защиты.

Следовательно, экологическое законодательство современных государств может быть признано действенным механизмом реализации права человека на здоровую плодотворную жизнь в гармонии с окружающим миром и важным условием обеспечения национальной и межнациональной экологической безопасности. На практическую реализацию данной тенденции направлены утвержденные в 2012 году Президентом РФ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [7]. Такая политика призвана определить необходимый алгоритм решения экологических и природоохранных задач для дальнейшего устойчивого развития нашего государства, создания

эффективной системы реализации экологических прав человека и снижения экологических рисков. При этом цели и способы

решения экологических и природоохранных задач должны соответствовать базовым установкам российской ментальности [8].

Литература

1. Пчельников М. В. Право на благоприятную окружающую среду как основа современной национальной экологической политики // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 апр. 2015 г.: сб. науч. ст. Минск, 2015.

2. Вакула А. И. Концепция гражданского общества в трудах Б. Н. Чичерина // Философия права. 2009. № 6.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внес. Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Исакова Ю. И., Пчельников М. В. Экологическое право: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2015.

5. Третьякова А. А. Экологические права граждан: основы правового регулирования на общеевропейском и национальном уровнях в государствах – членах Европейского союза // Экологическое право России на рубеже XXI века: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов кафедры экологического и земельного права юрид. фак. МГУ им. Ломоносова. М., 2000.

6. Пчельников М. В. Экологическая правовая политика Российской Федерации: институционально-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом Рос. Федерации 30.04.2012. URL: <http://www.president.kremlin.ru>

8. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д, 2002.

Bibliography

1. Pchelnikov M.V. The Right to a healthy environment as the basis of modern national environmental policy // State regulation of economy and increase of efficiency of activity of economic entities: XI International. scientific-practical conference. Minsk, 16–17 April 2015. Minsk, 2015.

2. Vakula A. I. The Concept of civil society in the works of B. N. Chicherin // Philosophy of Law. 2009. № 6.

3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKL, from 30.12.2008 № 7-FKL, from 05.02.2014 № 2-FKL, from 21.07.2014 № 11-FCL) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

4. Isakova Yu. I., Pchelnikov M. V. Environmental Law: textbook. Rostov-on-Don, 2015.

5. Tretyakova A. A. Ecological rights of citizens: the legal framework at European and national levels in the member States of the European Union // Environmental Law of Russia at the turn of the XXI century: collection of scientific articles of teachers and post-graduate students of the Department of environmental and land Law Department of Moscow State University. Moscow, 2000.

6. Pchelnikov M. V. Environmental legal policy of the Russian Federation: legal and institutional analysis: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2009.

7. Principles of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030: approved President of the Russian Federation 30.04.2012. URL: <http://www.president.kremlin.ru>

8. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of research. Rostov-on-Don, 2002.

© 2017 г. М. Ю. Понежин,

доцент кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ponezhin-m@mail.ru

Л. Ю. Понежина,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: ponezhina-lyudmila@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УДАЛЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются возможные варианты удаления иностранных граждан с территории Российской Федерации. Устанавливается их соотношение, а также выявляются проблемы реализации норм, регулирующих виды удаления иностранных граждан с территории Российской Федерации.

Ключевые слова: нелегальная миграция, реадмиссия, депортация, административное выдворение, экстрадиция.

M. Yu. Ponezhin – Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Rostov State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.

L. Yu. Ponezhina – Associate Professor, Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

SOME QUESTIONS OF DEPORTATION OF FOREIGN CITIZENS FROM THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses possible options for the removal of foreign citizens from the territory of the Russian Federation. Establishes their relationship and identifies the problems of implementation of the rules governing removal of aliens from the territory of the Russian Federation.

Key words: illegal migration, readmission, deportation, administrative banishment, extradition.

В российском законодательстве особый правовой статус занимают иностранные граждане и лица без гражданства как субъекты административного права. С каждым годом число иностранцев, желающих посетить и посещающих нашу страну, становится все больше. Это увеличение связано также с проведением различных крупных международных публичных мероприятий: общественно-политических, культурных и спортивных. При этом большое число данных субъектов административного права находится на территории Российской Федерации в качестве постоянно проживающих лиц.

В настоящее время остается достаточно острым вопрос о миграции населения из стран бывшего СССР, в том числе из Украины. Большинство прибывших лиц получают статус беженцев, но остаются и те, кто находится в России не на законных основаниях.

Структура законодательства Российской Федерации на сегодняшний день включает в себя многообразие нормативных правовых

актов, имеющих различную юридическую силу. При этом если речь идет о той или иной области жизнедеятельности, сферы ее правового регулирования, то, безусловно, изначально учитываются положения Конституции Российской Федерации как закона, имеющего высшую юридическую силу, поскольку именно она определяет основы политической, правовой и экономической системы страны. В рассматриваемом контексте необходимо обратиться к отдельным нормам Конституции РФ, одной из которых, в частности, является ч. 3 ст. 62: «...иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации...» [1]. Данное положение закрепляет основной принцип, устанавливающий правовой статус рассматриваемой категории лиц на территории нашего государства, и учитывается во всех

случаях применения в отношении них каких-либо превентивных мер воздействия.

Иностранцы граждане, лица без гражданства обладают определенным конституционно-правовым статусом, вытекающим из совокупности их прав и обязанностей, предоставляемых и налагаемых Российской Федерацией в связи с нахождением данных лиц на территории страны. По отношению к таким гражданам принят национальный режим с исключениями, которые касаются условий их нахождения на территории Российской Федерации, получения политических и социальных прав (перечень и объем этих прав определяется на основании международного договора, если таковой заключен). Иными словами, соответствующая группа физических лиц обладает пусть и ограниченным по сравнению с гражданами Российской Федерации статусом, однако имеющим такую же структуру.

Нормативным правовым актом, отражающим основную сущность правового статуса иностранцев в нашей стране, считается Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]. Новеллой данного закона в свое время были официально закрепленные правовые дефиниции «иностранец» и «лицо без гражданства». Этот нормативный правовой акт признан правоприменителями в качестве основного документа, регламентирующего правовое положение рассматриваемой категории лиц на территории Российской Федерации, поскольку он направлен на определение правового статуса (прав, обязанностей и ответственности иностранного гражданина, пребывающего на территории страны, а также регламентацию иных наиболее важных и значимых аспектов его жизнедеятельности на территории иностранного государства, которым в данном случае выступает Российская Федерация (таких как, например, установление миграционных квот, занятости иностранцев, их передвижения в зависимости от положения соответствующего субъекта РФ, установленных ограничений для указанных лиц, а также институт учета и контроля). Главная особенность этого закона заключается в том, что его нормы (в принципе, как и большинство норм миграционного законодательства Российской Федерации) носят отсылочный характер, то есть вынуждают правопримени-

теля обращаться к иным нормативным правовым актам.

Следует отметить, что за последние несколько лет было принято около двадцати федеральных законов, внесших существенные изменения и дополнения в рассматриваемый нормативный правовой акт, что позволяет судить о наличии целого ряда обстоятельств, и главным из них является миграционная привлекательность Российской Федерации для иностранного контингента. Сегодня, по оценкам специалистов, в стране находятся от четырех до шести миллионов иностранцев, правовое положение которых не определено. Несомненно, что такое количество иностранцев, находящихся на территории страны, образует группу повышенного риска. Это связано с отсутствием у данных лиц постоянного заработка, собственных финансов, что влечет за собой совершение ими различных деяний, в том числе носящих противоправный характер. Мигрантами совершается большое количество административных деликтов, связанных с нарушением иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, незаконным осуществлением трудовой деятельности, нарушением иммиграционных правил. Растет уровень преступности. При этом значительно чаще в отношении мигрантов применяется такая мера принуждения, как удаление с территории страны.

В отечественном законодательстве в рамках эффективных механизмов пресечения нелегальной миграции рассматриваются правовые институты реадмиссии, депортации, административного выдворения и экстрадиции. Все перечисленные процедуры представляют собой разновидности удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан. Удаление является ответом страны на нарушение внутригосударственного законодательства в части нелегального пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, который выражается в принудительном перемещении таких лиц через Государственную границу РФ [3, с. 3].

Так, депортация – это не наказание за нарушение миграционного законодательства. Она является мерой, направленной на недопущение пребывания на территории Российской Федерации нежелательных

иностранных граждан. Основанием для депортации является судебное решение в отношении иностранного гражданина, пребывание которого в стране нежелательно или въезд которому в Российскую Федерацию не разрешен. Данное решение принимается судом в соответствии со ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4]. В ст. 27 закона содержится исчерпывающий перечень случаев, при которых въезд в Российскую Федерацию не разрешен. Любой из перечисленных случаев может быть основанием для вынесения соответствующего судебного решения.

Еще одним из видов удаления можно считать административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Этот вид удаления является мерой наказания за административные правонарушения, в основном предусмотренные в главе 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. Данная категория может устанавливаться и применяться в качестве основного и дополнительного видов ответственности исключительно в рамках законодательства на федеральном уровне.

В настоящее время наблюдается тенденция дальнейшего расширения законодательства об административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушения миграционного законодательства и ужесточения санкций за эти правонарушения [6, с. 196]. Как показывает анализ законодательства, связанного с исполнением данного вида удаления, обращает на себя внимание отсутствие регулирования процессуальных сроков, поскольку ч. 5 ст. 3.10, ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ не регламентируют период, на который выдворяемое лицо помещается в специальное помещение, и момент продления сроков такого помещения [5].

Административное выдворение тесно связано с депортацией, однако при раскрытии сущности и правовой природы данного понятия выделяются и определенные различия. Конечно, депортация – это мера принуждения, но она является мерой административного правового пресечения, а не административной ответственности [7, с. 54].

Следующей мерой пресечения, рассмат-

риваемой в контексте удаления с территории Российской Федерации, выступает реадмиссия. Производство по административным делам о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении регулируется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. Так, в ст. 266 кодекса закрепляется, что представитель территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю (надзору) и оказанию государственных услуг в сфере миграции, подает административное исковое заявление о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении. Это исковое заявление в административном порядке подается в суд по месту нахождения специального учреждения, в которое помещен иностранный гражданин, подлежащий депортации или реадмиссии [8].

Необходимо отметить, что данный институт, являясь составной частью норм международного права, интегрируется в законодательство в рамках двухсторонних или многосторонних договоров. При этом наиболее активно реадмиссия используется в европейских странах. Анализ норм международного права и международных договоров свидетельствует о том, что в статье 1 Соглашения о реадмиссии с Европейским союзом это понятие определяется как передача запрашивающим государством и принятие им лиц (граждан запрашиваемого государства, граждан третьих государств или лиц без гражданства), чей въезд, пребывание или проживание в запрашивающем государстве признаны незаконными в соответствии с положениями указанного соглашения [9].

Основаниями для реадмиссии иностранного гражданина являются наличие соглашения о реадмиссии, а также нарушение иностранным гражданином миграционного законодательства. Административное выдворение, в отличие от реадмиссии и депортации, производится на основании судебного реше-

ния. Поскольку административное выдворение является административным наказанием, оно применяется в рамках вынесенного решения по делу об административном правонарушении. При этом важно отметить, что административное выдворение не может применяться к иностранному гражданину в случае истечения сроков привлечения его к административной ответственности. Решение же о реадмиссии или депортации может быть вынесено в отношении иностранного гражданина в любой момент.

Значительное количество проблем связано и с содержанием иностранных граждан в специальных учреждениях. Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливается, что содержание иностранных граждан в специальных учреждениях предусматривает ограничение свободы передвижения помещенных в них иностранных граждан, исключая возможность самовольного оставления указанных учреждений, в целях обеспечения исполнения принятых в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» постановления судьи о назначении административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, решения о депортации либо о передаче иностранного гражданина Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии или решения о приеме Российской Федерацией иностранного гражданина, передаваемого иностранным государством Российской Федерации в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии. В целях исполнения указанных решений суда и должностных лиц федерального органа исполнительной власти в сфере миграции или его соответствующего

территориального органа иностранные граждане доставляются в специальные учреждения на неопределенное время (до двух лет с момента вступления решения суда в законную силу, а на практике, возможно, и более, поскольку при обжаловании срок вступления решения в законную силу может увеличиться от 10 дней до 6 месяцев) вплоть до выдворения в страну гражданства.

Экстрадиция представляет собой форму международного сотрудничества стран в борьбе с преступностью. Она заключается в аресте и передаче одним государством другому (по запросу последнего) лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (для судебного разбирательства), либо лиц, уже осужденных судебными органами другого государства (для исполнения приговора) [9, с. 5]. Согласно статье 13 Уголовного кодекса РФ лица, имеющие российское гражданство, в случае совершения преступления на территории иной страны ей не выдаются [10]. Данная норма основана на положениях ст. 61 Конституции РФ, предусматривающих, что российские граждане не подлежат выдаче другому государству и не могут быть высланы за пределы государства. Однако это не освобождает лицо от уголовной ответственности и влечет за собой наказание по законодательству Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 13 УК РФ экстрадиция может осуществляться только в отношении иностранных граждан, которые совершили преступление за пределами Российской Федерации, но находятся на территории страны.

Таким образом, каждый из видов удаления иностранных граждан с территории Российской Федерации представляет собой отдельный правовой институт, требующий более глубокого изучения, а проблемы, рассмотренные в настоящей статье, не являются исчерпывающими, что дает возможность для проведения новых исследований.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г.

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 December 2008 № 6-FKL dated 30 December 2008 № 7-FKL,

Административное право

- № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). URL: <http://consultant.ru>
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
  3. Тарабычина А. П. К вопросу о видах удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан // Миграционное право. 2017. № 1.
  4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон Рос. Федерации от 15.08.1996 № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
  5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
  6. Капранова Ю. В., Осяк А. Н. Конституционное измерение института административного выдворения // Регулирование миграционных процессов на Юге России: политические, юридические и правоохранные аспекты: сб. матер. Всерос. науч.-теор. конф. Ростов н/Д, 2016.
  7. Панкова О. В. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства: вопросы правоприменения // Судья. 2015. № 11; 2016. № 3.
  8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
  9. Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии // Бюл. междунар. договоров. 2007. № 8.
  10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
- dated 5 February 2014 № 2-FKL, dated 21 July 2014 № 11-FKL). URL: <http://consultant.ru>
2. On legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 25.07.2002 № 115-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.
  3. Tarabichina A. P. To the question about the types of removal from the territory of the Russian Federation of foreign citizens // Migration Law. 2017. № 1.
  4. On the procedure for exit from Russian Federation and entry into the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation 15.08.1996 № 114-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.
  5. Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 № 195-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). Art. 1.
  6. Kapranova Ju. V., Osak A. N. The constitutional dimension of the Institute of administrative expulsion // Regulation of migration processes in South Russia: political, legal and law enforcement aspects: proceedings of all-Russian scientific-theoretical conference. Rostov-on-Don, 2016.
  7. Pankova O. V. Administrative deportation from the Russian Federation the foreign citizen or the person without citizenship: law enforcement // Judge. 2015. № 11; 2016. № 3.
  8. Code of administrative procedure of the Russian Federation from 08.03.2015 № 21-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391.
  9. The agreement between the Russian Federation and the European community on readmission // Bulletin of international treaties. 2007. № 8.
  10. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

© 2017 г. Е. А. Кравцова,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина кандидат юридических наук.
E-mail: 543375@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ, СОЗДАВАЕМЫХ ПРИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется один из видов консультационных и экспертных организаций, создаваемых при органах государственной власти, – молодежные парламенты, призванные отстаивать интересы молодежи в представительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Автор рассматривает их правовой статус, особенности образования и функционирования, роль в формировании гражданского общества.

Ключевые слова: конституционное право, правовой статус, законодательные органы субъектов Российской Федерации, молодежные парламенты, молодежные объединения.

E. A. Kravtsova – Associate Professor, Department of Civil Law, the Belgorod Judicial Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, PhD in Law.

THE LEGAL STATUS OF THE YOUTH PARLIAMENTS ARE CREATED BY LEGISLATIVE BODIES OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author examines one of kinds of consulting and expert organizations created by bodies of state power, youth Parliament, designed to defend the interests of young people in representative bodies of state power of subjects of the Russian Federation. Discusses their legal status, peculiarities of formation and functioning role in shaping civil society.

Key words: constitutional law, legal status, legislative bodies of subjects of the Russian Federation, youth parliaments and youth associations.

Анализ существующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что при большинстве законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации образованы и действуют негосударственные органы, которые выполняют консультационные, совещательные и иные вспомогательные функции, призванные облегчить деятельность органов государственной власти, при которых они созданы, а также обеспечить принятие наиболее обоснованных, законных и общественно полезных решений. Рассмотрим один из видов таких органов – молодежные парламенты, создаваемые при представительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Например, в Ивановской области при областной думе функционирует молодежная палата, представляющая собой совещательный, консультативный орган, осуществляющий свою деятельность на общественных началах и формируемый на срок полномочий Ивановской областной думы очередного созыва (п. 1 Положения о Молодежной палате Ивановской области) [1]. Молодежная палата не является юридиче-

ским лицом и состоит из 26 человек от 18 до 35 лет. В Орловской области при законодательном собрании Орловской области действует молодежный парламент, который является совещательным и консультативным органом и осуществляет свою деятельность на общественных началах в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральным и областным законодательством [2]. Аналогичные положения, определяющие молодежные представительные органы в качестве совещательных и консультативных органов, содержатся в нормативных актах, устанавливающих их правовой статус и порядок деятельности в Белгородской, Курской, Тверской, Воронежской и других областях.

Основой и предпосылкой для формирования таких органов послужила европейская хартия «Об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне», в п. 1 которой указано, что «участие молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне должно стать частью общей политики по вовлечению граждан в общественную жизнь» [3].

Порядок формирования молодежных представительных органов при действующих законодательных органах субъектов Российской Федерации имеет существенные различия. Однако следует отметить, что все они создаются представительными органами субъектов РФ на конкурсной основе.

Так, в Ивановской области кандидатуры в состав молодежной палаты выдвигаются политическими объединениями, представительными органами муниципальных образований из их состава, а также в порядке самовыдвижения. Предложения направляются главе муниципального образования, который выбирает кандидатуры и вносит их на рассмотрение представительного органа муниципального образования. Представительный орган муниципального образования направляет одобренные им кандидатуры на рассмотрение в Ивановскую областную думу, непосредственно формирующую молодежную палату [1].

В Брянской области порядок формирования молодежного парламента регулируется ст. 4 закона «О молодежном парламенте Брянской области» [4]. Молодежный парламент состоит из 45 членов, которые выполняют свои функции в течение двух с половиной лет; 35 членов парламента делегируются в состав данного органа по одному от каждой административно-территориальной единицы, от Брянска – 5 представителей. Кандидатура представителя выдвигается представительным органом местного самоуправления и согласуется с главой муниципального образования. Еще десять членов молодежного парламента выбираются в его состав на основании решения конкурсной комиссии. Эти лица должны являться представителями общественных объединений, политических партий, учебных заведений, трудовых коллективов предприятий или инициативной группы молодежи в составе не менее 500 человек. Окончательный состав молодежного парламента утверждается постановлением Брянской областной думы. Молодежный парламент приступает к своей деятельности с даты утверждения Брянской областной думой не менее половины 8 членов. Возрастной ценз для членства в парламенте составляет от 18 до 30 лет.

В Курской области на основании закона «Об общественной молодежной палате при Курской областной Думе» (ст. 4) [5] образо-

вание молодежной палаты осуществляется на добровольной основе. В состав молодежной палаты включаются депутаты Курской областной думы, которые занимаются вопросами молодежной политики, представители молодежных объединений Курской области, высших и средних учебных заведений, а также студенческих организаций, общественных молодежных палат, образованных при представительных органах местного самоуправления, молодые граждане от 18 до 30 лет, рекомендованные депутатскими группами (фракциями) Курской областной думы. Согласно ст. 5 данного закона представителями в молодежной палате могут быть граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, постоянно проживающие на территории Курской области. Таким образом, возрастной ценз до 30 лет распространяется исключительно на граждан, которые рекомендованы в состав молодежной палаты депутатскими фракциями областной думы. При этом в состав молодежной палаты могут быть включены (ст. 6 закона «Об общественной молодежной палате при Курской областной Думе») не более 3 представителей от депутатской группы (фракции). Закон не ограничивает общее количество лиц, которые не подпадают под определение «молодежь» и могут быть включены в состав молодежной палаты, а также количество депутатов, которые могут войти в состав молодежного парламента.

Ученые, изучающие деятельность молодежных парламентов, указывают на то, что создание таких организаций направлено на повышение политической активности молодежи, формирование у нее правовой и политической культуры [6, с. 36], представление в законодательных органах интересов молодежи, обеспечение реального участия молодых граждан в реализации молодежной политики [7, с. 229]. Учитывая задачи, стоящие перед молодежными парламентами, считаем, что возрастной ценз следует распространить на всех членов молодежной палаты с одновременным выведением из ее состава депутатов областной думы, поскольку последние, не являясь молодежью, не могут представлять ее интересы. Указанную категорию лиц можно приглашать на заседания молодежных парламентов с правом совещательного голоса.

Следует отметить, что в ряде регионов в качестве эксперимента осуществлялось фор-

мирование молодежных представительных органов при органах местного самоуправления путем совмещения «взрослых» выборов с выборами в молодежный представительный орган. Как указывает Л. В. Вуец: «Данная технология позволяет активно привлечь молодежь на избирательные участки, где происходит параллельное голосование на двух участках: “взрослом” и “молодежном”, которые территориально разделены» [6, с. 37]. Однако такой способ формирования молодежного представительного органа оказался довольно затратным и трудно осуществимым – граждане до 18 лет еще не присутствуют в списках избирателей, и их регистрация в качестве таковых является весьма затруднительной, в связи с чем в настоящее время от него практически отказались.

Н. А. Дороботова, рассматривая порядок формирования молодежных представительных органов в различных субъектах РФ, отмечает, что в ряде регионов члены молодежных представительных органов включаются в состав этих органов на основе отбора подготовленных ими конкурсных проектов [8, с. 36]. Считаем, что подобную практику желательно распространить повсеместно, что поможет выбирать в состав данных органов наиболее активных молодых людей, имеющих сформировавшийся взгляд на молодежные проблемы, способных аргументировать свою точку зрения и отстаивать ее. Именно такие качества нужны будущим парламентариям.

Молодежные представительные органы создаются по образцу действующих законодательных органов субъектов РФ. Их деятельность и структура максимально приближены к деятельности и структуре органов законодательной власти. Например, в ст. 5 закона Брянской области о молодежном парламенте Брянской области «Организация работы Молодежного парламента» [4] указывается, что основной формы работы данного органа являются заседания, которые правомочны, если на них присутствует не менее половины состава парламента. Из состава молодежного парламента избирается председатель и его заместители, формируются комитеты и комиссии в составе парламента, избираются их председатели.

В работе молодежного парламента принимают активное участие представители Брянской областной думы. Так, регламент молодежного парламента утверждается постанов-

лением Брянской областной думы. Первое заседание молодежного парламента созывается и проводится председателем Брянской областной думы. В работе парламента могут принимать участие представители законодательного и исполнительного органов государственной власти Брянской области, органов местного самоуправления, Общественной палаты Брянской области. Указанные лица обладают правом совещательного голоса. Обеспечение деятельности молодежного парламента осуществляется аппаратом Брянской областной думы. Следует отметить, что в указанном законе не определена периодичность проведения заседаний молодежного парламента. Данный пробел нуждается в устранении.

В структуре молодежной палаты Ивановской области образуются комиссии по организации работы молодежной палаты, комитеты, комиссии и рабочие группы, работающие в соответствии с ее решениями. В палате в обязательном порядке создаются шесть комитетов по направлениям деятельности, аналогичным соответствующим комитетам Ивановской областной думы. В каждый комитет входит по четыре члена молодежной палаты. Комитеты молодежной палаты осуществляют тесное взаимодействие с комитетами Ивановской областной думы, вправе присутствовать на их заседаниях, имеют право заблаговременно знакомиться с повесткой дня и материалами, с согласия председателя комитета выступать на данных заседаниях.

Интересно, что в структуру палаты (п. 5 Положения о Молодежной палате Ивановской области) включены заседания молодежной палаты. В связи с тем, что заседания являются одной из форм деятельности палаты и не могут быть частью структуры, их надо исключить из перечисляемых в положении структурных единиц. Возглавляет палату председатель, который имеет заместителя и не входит ни в один из комитетов молодежной палаты. Заседания палаты проводятся не реже двух раз в год. Решения принимаются большинством голосов от присутствующих на заседаниях. Обеспечение деятельности палаты осуществляется аппаратом Ивановской областной думы.

В Курской области заседания молодежной палаты проводятся не реже четырех раз в год [5]. Заседания являются правомочными, если на них присутствует более половины состава палаты. Решения принимаются простым большинством голосов от присутствующих.

В структуре палаты образуются экспертные и рабочие группы, в заседаниях которых могут принимать участие представители молодежных общественных объединений, ученые и специалисты, не вошедшие в ее состав. Молодежная палата образует совет молодежной палаты, в состав которого входят председатель палаты, его заместитель и представители общественных молодежных объединений, студенческих советов образовательных организаций в количестве, определяемом палатой. Совет занимается организационной деятельностью: созывает и подготавливает проведение заседаний палаты, разрабатывает план ее работы. Возглавляет молодежную палату председатель, избираемый из состава палаты на первом ее заседании.

Молодежные представительные органы, создаваемые при законодательных органах субъектов РФ, принимают решения в форме заключений, обращений, рекомендаций, резолюций, которые имеют рекомендательный характер. Однако их решениям может быть придан обязательный характер путем принятия соответствующего решения представительными органами государственной власти субъекта РФ.

Несмотря на то, что молодежные представительные органы являются консультационными и совещательными и не принимают общеобязательных решений, их формирование на современном этапе развития общества и государства представляется не только вполне закономерным, но и необходимым. Молодежные представительные органы субъектов Российской Федерации выполняют функции взаимодействия молодежи с органами государственной власти, лоббируют ее интересы в представительных органах субъектов РФ. Кроме того, «играя» в парламентариев, молодые люди осваивают правила юридической техники, повышают свою правовую и политическую культуру, учатся взаимодействовать с органами государственной власти и отстаивать собственную точку зрения. Впоследствии многие из них становятся профессиональными управленцами. Так, Л. В. Вуец приводит следующую статистику: в октябре 2010 года восемь членов молодежного парламента Удмуртской республики участвовали в выборах в муниципальные представительные органы. Трое из них по результатам выборов прошли в состав городских дум [1, с. 39].

Литература

1. Положение о Молодежной палате Ивановской области. URL: <http://www.ivoblduma.ru/about/molodezhnaya-palata/>
2. О положении об общественном молодежном парламенте при Орловском областном Совете народных депутатов: постановление Орловского областного Совета народных депутатов от 28.02.2013 № 17/423-ос. URL: <http://lawru.info/dok/2013/02/28/n982095.htm>
3. Об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне: европейская хартия: принята 17.11.2004 на 904-м заседании представителей министров. URL: <http://consultant.ru>
4. О молодежном парламенте Брянской области: закон Брянской области от 08.07.2009 № 44-З (в ред. от 04.07.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/974013378>
5. Об общественной молодежной палате при Курской областной Думе: закон Курской области от 23.12.2005 № 101-ЗКО (в ред. от 17.08.2012). URL: <http://docs.cntd.ru/document/908003481>

Bibliography

1. Regulations on the Youth Chamber of the Ivanovo region. URL: <http://www.ivoblduma.ru/about/molodezhnaya-palata/>
2. On the provision of the Public Youth Parliament under the Orel Regional Council of People's Deputies: Orlovsky Regional Council of People's Deputies of February 28, 2013 № 17/423-os. URL: <http://lawru.info/dok/2013/02/28/n982095.htm>
3. On the participation of young people in public life at the local and regional level: European Charter: adopted on November 17, 2004 at the 904th meeting of representatives of ministers. URL: <http://consultant.ru>
4. On the Youth Parliament of the Bryansk Region: Law of the Bryansk Region of 08.07.2009 № 44-L (amended on 04.07.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/974013378>
5. On the Public Youth Chamber under the Kursk Regional Duma: Kursk Region Law of December 23, 2005 № 101-LKO (as amended on 17.08.2012). URL: <http://docs.cntd.ru/document/908003481>
6. Vuets L.V. The Youth Parliament of the Re-

6. Вуец Л. В. Молодежный парламент региона, результаты и перспективы // Восточно-Европейский научный вестник. 2015. № 2.

7. Калинина А. В. Молодежные парламенты – инструмент политической социализации // Вузовская наука: теоретико-методические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: матер. Междунар. науч. семинара. Тюмень, 2015.

8. Дроботова Н. А. Молодежные парламенты в субъектах Российской Федерации как органы представительства различных категорий молодежи // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: матер. Всерос. науч.-теор. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвящ. 55-летию Ростов. юрид. ин-та МВД России. Ростов н/Д, 2016.

region, Results and Prospects // East-European scientific bulletin. 2015. № 2.

7. Kalinina A. V. Youth parliaments – an instrument of political socialization // University science: theoretical and methodological problems of training specialists in economics, management and law: materials of the International Scientific Seminar. Tyumen, 2015.

8. Drobotova N. A. Youth Parliaments in Subjects of the Russian Federation as Bodies of Representation of Different Youth Categories // Perspectives of State Legal Development of Russia in the 21st Century: proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference of Adjuncts, Cadets and Students of Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Postgraduate Students and Students of Educational organizations, dedicated to the 55th anniversary of the Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2016.

© 2017 г. И. М. Вакула,

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.
E-mail: imvakula@mail.ru

О. А. Цымлянская,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: ipidorfii@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ СДЕЛОК «СЛИЯНИЕ И ПОГЛОЩЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье проводится анализ сделок слияний и поглощений (M&A) как комплексной и противоречивой дефиниции. Выделяются критерии, на основе которых происходит их деление с точки зрения экономики и права в отечественной и западной литературе. Определяется практическая значимость правового определения сделок слияний и поглощений.

Ключевые слова: рынок, сделки, слияние и поглощение, реорганизация, образования новой компании.

I. M. Vakula – Head of Humanitarian and Socio-economic Disciplines Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.

O. A. Tsymlyanskaya – Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Economics, Associate Professor.

PECULIARITIES OF UNDERSTANDING TRANSACTIONS «MERGERS AND ACQUISITIONS» IN THE MODERN RUSSIAN LAW

The article analyzes M & A transactions as a complex and contradictory definition. Criteria are singled out, on the basis of which their division from the point of view of economics and law takes place in domestic and Western literature. The practical significance of the legal definition of M & A transactions is determined.

Key words: market, transactions, mergers and acquisitions (M&A), restructuring, merger by formation of a new company.

Процесс слияний и поглощений имманентно присущ современной рыночной экономике и является важным индикатором ее развития. За счет слияний и поглощений происходит привлечение свободных денежных средств инвесторов, обеспечивается повышение стоимости бизнеса, осуществляется противодействие давлению конкурентов. В мировой практике в последнее время отмечается увеличение сделок слияний и поглощений, рост активности на рынке слияний и поглощений наблюдался в 2017 году и в Российской Федерации после значительного спада, вызванного сокращением отечественного производства, низкими ценами на нефть и негативными последствиями экономических санкций.

По данным Информационного агентства АК&М, «суммарная стоимость сделок за первые три месяца 2017 года выросла в 1,9 раза в

годовом сравнении – до \$8,72 млрд по сравнению с \$4,65 млрд за I квартал 2016 года. Количество сделок за квартал тоже выросло заметно – на 14 %, до 130 транзакций со 114 в январе–марте годом ранее» [6]. Поэтому можно утверждать, что в 2017 году в России активность на рынке слияний и поглощений с объемом и количеством сделок превысит уровень 2016 года.

Выделим факторы, способствующие активности на рынке слияний и поглощений. Первым – может являться реализация программы приватизации федерального имущества. Правительство Российской Федерации 2 февраля 2017 года утвердило план приватизации на ближайшие 3 года, и к 2019 году ожидаются продажи активов на общую сумму 93 млн долларов. Эти цифры указывают на то, что рост рынка в ближайшие годы будет динамичным [6].

Вторым фактором может стать консолидация (объединение) бизнеса в отдельных секторах экономики. Это коснется топливно-энергетического комплекса, золотодобывающей промышленности и банковского сектора. Интерес к нефтяной отрасли в текущем году обусловлен грядущим IPO национальной нефтяной компании Саудовской Аравии Saudi Aramco – лидера по добыче нефти в мире. В золотодобывающей промышленности ожидается оживление в связи с заинтересованностью инвесторов в финансировании российских проектов в добыче золота. Изменения происходят и в банковском секторе, в частности ВЭБ ожидает поступления предложений о сумме и структуре сделки по продаже дочерних банков «ГЛОБЭКС» и «Связь-Банк».

Третьим фактором может служить продажа банками плохих активов, полученных в счет погашения долгов. Многие активы компаний девелоперского бизнеса и строительства, которые восстанавливаются одними из последних, продолжают переходить банкам-заемщикам в рамках заключенных договоров. В результате продажа плохих активов продолжит доминировать на рынке и в текущем году.

Кроме того, возрастет количество сделок в таких секторах, как торговля, сельское хозяйство, производство продуктов питания. По мере развития высокотехнологичных компаний объем сделок по слиянию и поглощению именно с этими компаниями будет неизменно увеличиваться.

Все это не может не вызывать интереса к подобным сделкам и их правовому оформлению. Однако, несмотря на значимость и широкий охват общественных отношений рамками сделок поглощений и слияний, их правовое обеспечение в России остается недостаточно развитым. Во многом это объясняется терминологической неопределенностью и различными понятийными трактовками. Теоретическая многозначность приводит к нарастанию затратного механизма, затягиванию процесса осуществления сделок. Возникает необходимость систематизации и категориального анализа сделок слияний и поглощений.

Термин «сделки слияний и поглощений» заимствован из англосаксонского правового поля. В англоязычной литературе эта дефиниция рассматривается как единое целое – M&A – «сделки слияний и поглощений» и означает, прежде всего, приобретение корпоративного контроля в компании [10, с. 279]. M&A представляет собой определенный про-

цесс, направленный на концентрацию и укрупнение капитала путем соединения хозяйственных единиц, в отличие от обычной сделки по приобретению ценных бумаг, приводящей зачастую только к установлению господства над поглощаемой фирмой. Характеристика слияний и поглощений с точки зрения процесса и приобретения корпоративного контроля в незначительной степени коррелирует с понятием «сделки», закрепленным в статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Термин M&A в большей степени воспринимается как синтетический, интегрирующий различные объединения за счет не внутренних (эндогенных), а экзогенных факторов. В практике европейских стран и США это, скорее, порядок приобретения акций, ведущий к их соединению.

Более широким понятием по объему в рамках сделок слияний и поглощений представляется категория «слияние». Слияние, в свою очередь, разделяется на слияние за счет поглощения активов, где поглощаемая компания без ликвидации осуществляемой ею деятельности прекращает свое существование (*merger by acquisitions*), или слияние при возникновении новой компании, когда активы различных компаний переводятся во вновь создаваемую компанию (*merger by formation of a new company*). В данном случае поглощение – это форма проявления слияния. Такую точку зрения можно обнаружить в работе американского автора П. Гохана «Слияния, поглощения и реструктуризация компаний» [7]. По мнению других западных исследователей, более общим понятием является «поглощение», а слияние – процедурной формой (Д. Демфилис, С. Ф. Рид [9, с. 23] и другие).

Слияние (*mergers*) – это возникновение единого предприятия на основе объединения нескольких, акционеры которых не теряют своих прав на ценные бумаги вновь созданного объединения.

Поглощение (*acquisitions*) представляет собой подчинение одного предприятия другим без образования единой компании.

В западной модели рассмотрение категории сделок слияний и поглощений обусловлено в основном сменой собственника на акции и облигации. Фактически, и это подчеркивается аббревиатурой англоязычного термина M&A, существенные признаки как слияний, так и поглощений одинаково принадлежат подобным сделкам. Знак конъюнкции (&) показывает соединение их в единый процесс,

в одно целое, то есть имеются в виду и сделки слияний, и сделки поглощений.

Российское восприятие сделок слияний и поглощений зачастую предстает как разделительный процесс, и тогда он принимает иной, нежели на Западе, смысл. Причем зачастую в зависимости от того, как воспринимается авторами этот процесс (в соединительно-разделительном или исключаяюще-разделительном смысле), качественно меняется концептуальная характеристика сделок слияний и поглощений. Если понимать сделку слияний и поглощений в исключаяюще-разделительном смысле, то сделка может быть только по слиянию или только по поглощению. Если рассматривать сделку слияний и поглощений в соединительно-разделительном отношении, то это могут быть сделки слияний и сделки поглощений или сделки слияний и поглощений одновременно.

Отечественному правоведению в основном присущ подход к сделкам слияний и поглощений в исключаяюще-разделительном смысле. Причем российскими экономистами в большей степени воспринимается категория сделок слияний и поглощений в соединительно-разделительном смысле.

Экономическое восприятие слияний и поглощений подразумевает все различные способы и формы объединения компаний как определенный процесс появления более крупных фирм за счет суммирования других при трансформации структуры собственности появившейся хозяйственной единицы. Отсюда складывается устоявшееся в юридической и экономической литературе понимание слияний и поглощений с точки зрения экономики как большего по объему понятия, а с позиций права – как меньшего.

Юридическая характеристика слияний и поглощений дается при определении реорганизации юридического лица. На основе ст. 57 ГК «Реорганизация юридического лица» РФ выделяют общее понятие, включающее в себя формы реорганизации: слияние, присоединение, преобразование, выделение, разделение.

В Гражданском кодексе РФ указывается: «Реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом» [1]. Однако здесь произошло вычленение части термина – «слияние», а понятие «поглоще-

ние» отсутствует. В российском гражданском законодательстве термин «слияние» тяготеет к понятию «присоединение». Правоприменительная практика свидетельствует о том, что как в процессе слияния, так и в процессе присоединения фирм их права и обязанности переходят к вновь создаваемой фирме в порядке универсального правопреемства. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается, что, в отличие от других форм реорганизации, здесь не требуется составления передаточного акта. Факт правопреемства подтверждается выпиской из ЕГРЮЛ. В п. 1, 2 ст. 58 ГК РФ также указывается на различие между слиянием и присоединением. Слияние приводит к тому, что права и обязанности ранее существовавших юридических лиц переходят к новому юридическому лицу, а присоединение характеризует переход прав и обязанностей присоединенного лица к ранее существовавшему. В рамках правосубъектности термин присоединения приближается к понятию поглощения в аспекте англосаксонского права. Если реорганизация проводится в форме слияния, то в случаях, установленных законом, она может быть осуществлена лишь с согласия уполномоченных государственных органов. Детализирующие сделки слияний и поглощений в федеральных законах «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» применяются на основе положений Гражданского кодекса РФ и не отличаются от него.

В юридической литературе (А. А. Бегаева, С. И. Бабкин, Ю. В. Игнатишин и ряд других авторов) слияние сводится к возникновению нового юридического лица, а поглощение – к присоединению к юридическому лицу присоединяемой компании без создания нового юридического лица [4; 5, с. 4–6; 8, с. 7].

Однако, несмотря на отсутствие в законодательных актах Российской Федерации понятия «поглощение», в деловом обороте оно находит широкое применение, что отражается в подзаконных нормативных правовых актах, в которых эти категории находятся в неразрывном единстве. Среди таких документов можно выделить Указ Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 (в редакции от 26.03.2003, с изменениями от 30.06.2012) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предпри-

ятий» (вместе с Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества) (п. 5 «Поглощение, слияние и присоединение предприятий»). В данном указе отмечается: «Поглощением одного предприятия другим признается приобретение последним контрольного пакета акций первого. При этом поглощающее предприятие признается холдинговой компанией (если это не имело места ранее), а поглощаемое – ее дочерним предприятием» [11].

Разрыв в использовании терминологии в экономико-правовой практике и законодательных актах привел к несоответствию отдельных подзаконных актов Гражданскому кодексу РФ. Только в 2015 году было внесено изменение в Устав публичного акционерного общества «Газпром» (п. 58.1 ст. 58 «Реорганизация Общества»), в котором поглощение уже не выделяется в качестве формы реорганизации, как в постановлении Правительства РФ от 17 февраля 1993 года № 138 «Об учреждении российского акционерного общества “Газпром”» [12].

Слияние и поглощение выступают в неразрывном единстве в Правилах независимости аудиторов и аудиторских организаций аудиторской ассоциации «Содружество» (протокол от 13 марта 2015 года № 167) [13].

Термин «сделки слияний и поглощений» как неразделимое понятие употребляется и в Методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции в Российской Федерации [14], в которых отмечается: «Внимание в ходе оценки коррупционных рисков при взаимодействии с контрагентами также следует уделить при заключении сделок слияний и поглощений» [2]. В этом документе уделяется внимание негативному оттенку, придаваемому термину сделки слияний и поглощений, появившемуся с формированием рыночных отношений в нашей стране, когда данное понятие стало возрождаться после семидесяти лет существования командно-административной системы.

Западные цивилисты, в отличие от отечественных, не видят разницы между дружественным и недружественным (враждебным) поглощением как законным и незаконным. Раз-

личие проводится с позицией менеджмента, когда приобретение ценных бумаг является согласованным и не вызывает сопротивления со стороны собственников поглощаемой фирмы или ее директората. В Российской Федерации зачастую владельцы фирмы и ее управленческий аппарат неразделимы, и объединение компаний в форме слияний и поглощений носит вынужденно жесткий характер, рассматривается как поражение в конкурентной борьбе.

Однако, если строить отношения в русле развития цивилизованного рынка, то нельзя ставить знак равенства между враждебным поглощением и рейдерским захватом, превращая его в составную форму поглощения. Следует разграничивать рейдерство как устоявшуюся категорию, характеризующую незаконный захват контроля над компанией, и недружественное поглощение как законное, но не вызывающее согласия со стороны присоединяемой фирмы.

Таким образом, сужение границ использования категории сделок слияний и поглощений только до формы реорганизации юридического лица является неоправданным. Теоретические представления и их законодательное оформление отстают от предпринимательской практики и обычаев делового оборота, в них не учитывается увеличение числа межнациональных сделок слияний и поглощений, которые не регулируются законодательством Российской Федерации.

Возникает необходимость в едином экономическом и правовом понимании сделок слияний и поглощений. Требуется также прийти к единству в определении *M&A*, характеризующая слияния и поглощения не только как юридическое оформление соглашения по созданию нового юридического лица с ликвидацией предыдущих и форму приобретения контрольного пакета акций поглощаемых компаний. Не претендуя на полное и окончательное определение исследуемой категории, считаем возможным сделать вывод о том, что сделки слияния и поглощения следует рассматривать как активную интеграцию капиталов, увеличивающую сегмент их воздействия на рынок и способствующую оптимизации прибыли за счет установления контроля над процессами консолидации активов бизнеса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. Civil Code (Civil Code) of 30.11.1994 № 51-FL. Part 1. URL: <http://consultant.ru>
2. Methodical recommendations on development

2. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. URL: <http://consultant.ru>
3. Устав публичного акционерного общества «Газпром»: утв. годовым общим собранием акционеров ОАО «Газпром» 26 июня 2015 г. Прил. 4. URL: <http://www.gazprom.ru/ff/posts/18/681453/application-4.pdf>
4. Бабкин С. И. Слияния и поглощения на российском фондовом рынке: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014.
5. Бегаева А. А. Корпоративные слияния и поглощения: проблемы и перспективы правового регулирования / отв. ред. Н. И. Михайлов. М., 2010.
6. Рынок слияний и поглощений. Бюллетень. 2017. Вып. 229. URL: <http://mergers.akm.ru/stats/13>
7. Гохан П. А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний: пер. с англ. М., 2004.
8. Игнатишин Ю. В. Слияния и поглощения: стратегия, тактика, финансы. СПб., 2005.
9. Рид С. Ф. Искусство слияний и поглощений: пер. с англ. М., 2004.
10. Цымлянская О. А. Характерные особенности рынка слияний и поглощений в России // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 15 апр. 2016 г., г. Тюмень: в 4 ч. Уфа, 2016. Ч. 1.
11. О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий: Указ Президента Рос. Федерации от 16.11.1992 № 1392 (в ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) (вместе с Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества). URL: <http://consultant.ru>
12. Об учреждении российского акционерного общества «Газпром»: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 февр. 1993 г. № 138. URL: <http://consultant.ru>
13. Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций аудиторской ассоциации «Содружество» от 13 марта 2015 года, протокол № 167. URL: <http://consultant.ru>
14. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции в Российской Федерации. URL: <http://consultant.ru>
- and adoption by organizations of measures to prevent and combat corruption. URL: <http://consultant.ru>
3. The Charter of public joint stock company «Gazprom» (In the new wording): approved by the annual General meeting of shareholders of Gazprom on June 26, 2015. Annex 4. URL: <http://www.gazprom.ru/ff/posts/18/681453/application-4.pdf>
4. Babkin S. I. Mergers and acquisitions in the Russian stock market: abstract of dis. ... PhD of Economy. St. Petersburg, 2014.
5. Begaeva A. A. Corporate mergers and acquisitions: problems and perspectives of legal regulation / ed. by N. I. Mikhailov. Moscow, 2010.
6. Mergers and Acquisitions: bulletin. Issue 229. URL: <http://mergers.akm.ru/stats/13>
7. Gohan P. A. Mergers, acquisitions, and corporate restructurings: translation from English. Moscow, 2004.
8. Ignatishin Yu. V. Mergers and Acquisitions: strategy, tactics, finance. St. Petersburg, 2005.
9. Reed S. F. Art of M&A: translation from English. Moscow, 2004.
10. Tsymlyanskaya O. A. Characteristic features of the market of mergers and acquisitions in Russia // Modern science: theoretical and practical mind: collection of articles of International scientific-practical conference (April 15, 2016, Tyumen): in 4 parts. Ufa, 2016. Part 1.
11. On measures to implement industrial policy in the privatization of state-owned enterprises: decree of the President of the Russian Federation of 16.11.1992 № 1392 (as amended on 26.03.2003, amended on 30.06.2012) (together with the Provisional Regulations on holding companies established when transforming state-owned enterprises into joint-stock companies). URL: <http://consultant.ru>
12. On the establishment of the Russian joint-stock company Gazprom: decree of the Government of the Russian Federation of February 17, 1993 № 138. URL: <http://consultant.ru>
13. Rules of independence of auditors and audit organizations of the audit association «Sodruzhestvo» dated March 13, 2015, protocol № 167. URL: <http://consultant.ru>
14. Methodical recommendations on the development and adoption by organizations of measures to prevent and combat corruption in the Russian Federation. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. С. В. Мельник,

доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: m809sv@yandex.ru

Д. А. Мальбин,

доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, адвокат юридической фирмы «ЮСТ» кандидат юридических наук.
E-mail: dm_malbin1504@list.ru

ЭСТОППЕЛЬ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации об ограничении возможности стороны оспаривать совершенную сделку. Авторы подвергают критике указанные положения кодекса, полагая, что практика оспаривания сделок может быть ограничена на основании закрепленных в нем нормативных положений и более глубокого анализа судами таких дел. Отмечается, что возможность оспаривания ничтожной сделки не может быть ограничена правилами «эстоппель».

Ключевые слова: сделка, ничтожность, недействительность, оспоримость, эстоппель, правоотношение.

S. V. Melnik – Associate Professor, Department of Civil Law and Economic Disciplines, the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, PhD in Law, Associate Professor.

D. A. Malbin – Associate Professor, Department of Civil Law, the Russian State University of Justice, advocate of the law firm «YUST», PhD in Law.

ESTOPPEL IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article reviews the norms of the Civil Code of the Russian Federation on limiting the ability of a party to challenge a completed transaction. The authors criticize these provisions of the code, believing that the practice of challenging transactions can be limited on the basis of the normative provisions set forth in it and a deeper analysis by courts of such cases. It is noted that the possibility of challenging an insignificant transaction can not be limited by the rules of estoppel.

Key words: deal, void, invalidity, voidability, estoppel, legal relation.

Прошло более четырех лет с момента принятия Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], которым внесены изменения в положения Гражданского кодекса РФ [1] о сделках. Одним из серьезных нововведений, с энтузиазмом воспринятое юридической общественностью, стало включение в текст кодекса положений об ограничении оспаривания сделок.

Так, в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ указывается, что сторона, проявившая волю сохранить силу сделки, не вправе оспаривать последнюю по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении этой воли. Также в п. 5 ст. 166 ГК РФ закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на это лицо действует недобросовестно, в частности если его поведе-

ние после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность данной сделки.

Вышеуказанные положения выступают следствием восприятия отечественной теорией, а затем и законодателем доктрины «эстоппель» (*estoppel*), зародившейся в правопорядках систем общего права. Смысл эстоппель состоит в пресечении непоследовательного поведения лица и как следствие – устранении права стороны на возражение в отношении тех фактов и событий, которые исходя из прежнего поведения ею не оспаривались [6, с. 12]. Целью доктрины «эстоппель» является создание предсказуемых правоотношений и исключение недобросовестного поведения, как, например, оспаривание или утверждение фактов, ранее подтверждавшихся или оспаривавшихся.

Основанием возникновения рассматриваемой доктрины служит общее понимание

добросовестного поведения. То обстоятельство, что в странах общего права добросовестность (*good faith*) как регулятор общественных отношений имеет существенное значение, позволяет ответить на вопрос о том, почему доктрина «эстопсель» появилась именно в данной правовой системе, базирующейся не на нормативных правовых актах, а скорее, на общих разумных правилах общежития и судебной практики.

Для Российской Федерации, относящейся к странам континентальной правовой семьи, эстопсель является новым и до конца не изученным институтом. Фактически имплементация в действующее законодательство принципа «эстопсель» произошла без достаточной апробации и в связи с возросшей в юридической литературе в последние годы ее популярностью, чем в силу острой необходимости.

Действительно, в момент принятия Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ отсутствовали научные разработки, обосновывающие вывод о том, что добиться тех результатов, которых позволяет достичь доктрина «эстопсель», в рамках действующего законодательства невозможно. Это, по нашему мнению, объясняется слабостью отечественной доктрины гражданского права, стремлением к слепому копированию институтов зарубежных правовых систем и переложению их на почву российского права.

Вместе с тем доктрина «эстопсель», по существу, является чуждым и несвойственным для российского правового института, внедрение которого влечет за собой некорректное формулирование положений действующего законодательства и возникновение множества теоретико-прикладных вопросов, которых можно было бы избежать, оставаясь в русле отечественной и близкой к ней правовой традиции.

Известно, что гражданско-правовые сделки подразделяются на оспоримые и ничтожные. Различия между этими категориями проявляются в следующем: оспоримая сделка считается действительной до тех пор, пока суд не признает ее недействительной на основании соответствующего иска лица, в то время как ничтожная сделка недействительна независимо от ее оспаривания, то есть *ipso jure*.

Исходя из положений Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод о том, что в п. 2 и 5 ст. 166 предусматриваются две различные ситуации:

– ограничение оспаривания оспоримой сделки (п. 2 ст. 166);

– ограничение возможности ссылаться на ничтожность сделки (п. 5 ст. 166).

Основанием для данного вывода являются различия между оспоримой и ничтожной сделками. По этой причине анализ доктрины «эстопсель» применительно к данным сделкам также следует проводить отдельно.

В связи с вышеизложенным полагаем ошибочным указание в п. 70 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] на возможность заявления о недействительности оспоримой сделки в любой форме, так как заявление о недействительности оспоримой сделки не имеет правового значения, если сделка не оспаривается в предусмотренном законом порядке и не признана судом недействительной. Следовательно, Пленум Верховного Суда РФ ошибочно счел возможным применение п. 5 ст. 166 ГК РФ к оспоримым сделкам.

Как отмечалось выше, ограничение оспаривания сделки в соответствии с абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ связано с проявлением стороной воли, из которой следует, что эта сторона желает данную сделку сохранить. Исходя из анализа положений Гражданского кодекса РФ оспоримость сделки, как правило, связана с возможным дефектом воли, поэтому совершенно закономерным представляется вывод о том, что при проявлении воли сохранить сделку таковая не может быть признана недействительной по иску лица, которое на момент ее совершения имело дефект воли, поскольку проявление воли сохранить сделку свидетельствует о его отсутствии, а значит, основания для признания данной сделки недействительной отсутствуют.

Квалификация такого поведения в качестве недобросовестного не имеет правового значения, в противном случае речь бы шла о признании оспаривания стороной действительной сделки недобросовестным действием. Очевидно, что категория недобросовестности не может быть применена к оспариванию лицом действительной сделки не потому, что такое поведение является добросовестным, а потому, что добросовестность или недобросовестность лица в данном случае иррелевантны ситуации.

По нашему мнению, следует подвергнуть критике и положения п. 5 ст. 166 ГК РФ, согласно которому заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность такой сделки. В связи с указанием в тексте нормы на то, что при недобросовестном поведении не имеет значения заявление о недействительности сделки, возникает вопрос о юридической силе самой сделки и ее обязательной для исполнения силе для сторон, так как законодатель в данном случае разделяет категории недействительности сделки и заявления стороны об этом.

Исходя из того, что в п. 5 ст. 166 ГК РФ предусмотрено ограничение права стороны заявлять о ничтожности совершенной сделки, ограничение оспаривания ничтожной сделки фактически приводит к эффекту обязывания ничтожной сделки, как если бы она была действительной. Тем самым ничтожная сделка влечет за собой те же правовые обязанности для сторон, что и сделка действительная. Таким образом, юридически ничтожная сделка является обязательной для сторон с точки зрения правовых последствий в качестве действительной сделки, если сторона недобросовестно ссылается на ее ничтожность.

В юридической литературе ничтожная сделка традиционно определяется как *nullus* – юридически не существующий акт [5, с. 141]. Вместе с тем с наличием правил об ограничении оспаривания ничтожной сделки связано наступление юридических последствий, что не может не вызывать возражений. Особенно парадоксален данный вывод применительно к сделкам, которые нарушают императивные требования закона (ст. 168 ГК РФ) и являются ничтожными. Конечно, следует отметить, что не всякое нарушение закона влечет за собой ничтожность сделки, что также следует подвергнуть критике [8, с. 38]. Вместе с тем существует множество случаев, когда нарушение требований закона ведет к признанию сделки ничтожной: соглашение о переводе должником своего долга на другое лицо при отсутствии согласия кредитора (п. 2 ст. 391 ГК РФ), заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности

за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ) и т. д.

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например сделка о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 1 ст. 336, ст. 383 ГК РФ), сделка о страховании противоправных интересов (ст. 928 ГК РФ).

Таким образом, действующее законодательство предусматривает ряд случаев, когда при наличии определенных пороков совершенная сторонами сделка считается ничтожной. Вместе с тем в контексте положений п. 5 ст. 166 ГК РФ ничтожность фактически превращается в действительность сделки, поскольку такая сделка является обязательной для сторон, если на ничтожность не ссылается добросовестная сторона.

В этом плане интересным представляется пример так называемой «антисоциальной сделки». Так, в соответствии со ст. 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет за собой последствия, предусмотренные ст. 167 ГК РФ. В п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 отмечено, что к антисоциальным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Тем самым при заключении между сторонами, например, договора поставки оружия и боеприпасов, несмотря на положения ст. 169 ГК РФ, суд не может принять во внимание ничтожность сделки, если о ее ничтожности заявляет недобросовестная сторона. При этом отступление судом от правила

ограничения оспаривания сделок свидетельствовало бы о декларативном характере положений п. 5 ст. 166 ГК РФ.

Конечно, у суда, рассматривающего спор, остается право применить последствия недействительности ничтожной сделки по собственной инициативе (п. 4 ст. 166 ГК РФ). Однако указанное право не вносит определенности в рассматриваемый вопрос, так как, во-первых, не ясна конкуренция положений п. 4 и 5 ст. 166 ГК РФ в тех случаях, когда ничтожной сделкой затрагиваются публичные интересы, но о ничтожности недобросовестно заявляет одна сторона, в то время как добросовестная сторона считает сделку действительной. Во-вторых, в отличие от положений п. 5 ст. 166 ГК РФ, сформулированных императивно, в силу п. 4 ст. 166 ГК РФ суд имеет только право применить последствия недействительности сделки по собственной инициативе, что влечет за собой дополнительную неопределенность в вопросе о возможности использования судом названного полномочия.

Ограничение оспаривания ничтожной сделки выше рассмотрено с точки зрения возражения на предъявленный другой стороной иск. Вместе с тем в п. 70 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указано, что заявление о недействительности сделки может быть сделано как в форме возражения ответчика против иска, так и путем предъявления соответствующего иска. Представляется, что ограничение оспаривания сделки при предъявлении, хотя и недобросовестной, стороной иска о признании ничтожной сделки недействительной является не оправданным по следующим причинам.

Принимая во внимание деление исков на декларативные и конститутивные, иск о признании ничтожной сделки недействительной следует отнести к искам декларативным, так как, по верному замечанию Д. О. Тузова, «решение суда, вынесенное по иску о ничтожности, или негационному иску, будучи по своей природе установительным (решение о признании, или декларативное решение), ничего не меняет в материально-правовых отношениях сторон и третьих лиц: сделка как была, так и остается недействительной» [8, с. 241]. Таким образом, суд, принимая решение, не устанавливает новое правоотношение, а лишь декларирует существующее – сделка, совершенная сторонами, не повлекла за собой

тех правовых последствий, которые стороны желали создать.

Неопределенной представляется ситуация, когда предъявлен иск о признании сделки недействительной при наличии очевидных признаков ничтожности сделки, но суд со ссылкой на п. 5 ст. 166 ГК РФ отказывает в удовлетворении иска о признании недействительной сделки, которая в реальности таковой и является. В этих условиях остается открытым вопрос о судьбе и юридической силе совершенной сделки для сторон и третьих лиц. Очевидно, что такой отказ в признании ничтожной сделки недействительной на том основании, что соответствующий иск предъявляет недобросовестная сторона, вступает в противоречие с самой категорией ничтожной сделки.

Причина, по которой правила об ограничении оспаривания сделок были включены в текст кодекса, как это следует из Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [4] (далее – Концепция), состоит в обширном оспаривании сторонами заключенных сделок с целью уклонения от их исполнения. Однако вопрос о широкой практике оспаривания сделок в судебной практике не должен решаться исключительно за счет введения норм об ограничении возможности сторон заявлять о недействительности сделки. Проблема видится в самой судебной практике, исходившей из императивности норм гражданского права и как следствие – ничтожности сделок, условия которых не в полной мере соответствовали буквальному тексту нормы кодекса.

Ограничение возможности оспаривания сделок как в прежней, так и в действующей редакции кодекса может быть обосновано ссылкой на ст. 11 ГК РФ о том, что судебной защите подлежит только нарушенное право. Предъявление иска о признании оспоримой сделки недействительной лицом, поведение которого позволяло полагать о действительности сделки, свидетельствует об отсутствии нарушения сделкой прав и интересов такого лица. При этом предъявление декларативного иска о признании ничтожной сделки недействительной не может быть ограничено правилом, установленным п. 5 ст. 166 ГК РФ, так как данный иск направлен на подтверждение (декларирование) существующего факта, а именно недействительности сделки. Преобразования правоотношения, в отличие от

ситуации признания недействительной оспоримой сделки, не происходит.

Таким образом, достижение тех целей, которые ставили перед собой законодатель и разработчики Концепции, возможно на основе существующего нормативного материала и теоретических разработок и без внедрения новых нормативных конструкций, чуждых российскому праву. Поведение лица до предъявления иска о признании оспоримой сделки недействительной должно рассматриваться судами на предмет выяснения того обстоятельства, нарушает ли сделка права лица, оспаривающего ее. Очевидно, что если поведение лица свидетельствует о том, что оно одобряет совершенную сделку, то осно-

ваний для признания оспоримой такой сделки недействительной не имеется.

Имплементация в российское гражданское право норм об ограничении оспаривания ничтожных сделок сопряжена с теоретическими трудностями в обосновании последствий их применения и влияния на юридическую силу сделки. Ситуация, связанная с невозможностью признания ничтожной сделки недействительной по тому основанию, что об этом недобросовестно заявляет сторона сделки, противоречит догматическим понятиям ничтожной сделки как сделки недействительной независимо от оспаривания или заявления об этом сторонами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 07.05.2013 № 100-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19. Ст. 2327.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23.06.2015 № 25 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.

4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2009. № 11.

5. Потапенко С. В., Зарубин А. В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / под ред. С. В. Потапенко. М., 2012.

6. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М., 2014.

7. Тузов Д. О. Lex «quasi» perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9.

8. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007.

Bibliography

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 1) of 30.11.1994 № 51-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

2. On Amendments to Sections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation Federal Law № 100-FL of 07.05.2013 // Collected legislation of the Russian Federation. 2013. № 19. Art. 2327.

3. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 № 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

4. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 11.

5. Potapenko S. V., Zarubin A. V. Handbook of the judge on disputes about the right of ownership / ed. by S. V. Potapenko. Moscow, 2012.

6. Sedova Zh. I., Zaitseva N. V. The principle of estoppel and the denial of the right in the commercial turnover of the Russian Federation. Moscow, 2014.

7. Tuzov D. O. Lex «quasi» perfecta? On the new edition of Art. 168 of the Civil Code of the Russian Federation and fundamental civil concepts // Law. 2015. № 9.

8. Tuzov D. O. The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition. Moscow, 2007.

© 2017 г. **Е. В. Астапова,**

заведующий кафедрой гражданского права Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: astapova77@mail.ru

С. В. Кириченко,

доцент кафедры процессуального права Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук.

Тел.: 8 (908) 513-85-53.

ДОГОВОР ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

Статья посвящена исследованию правовой природы договора возмездного оказания юридических услуг. Авторы отмечают, что в современном мире весьма актуальной является проблема регулирования сферы возмездного оказания юридических услуг, и вопросы правового, в том числе договорного регулирования юридических услуг, занимают особое место в отечественном гражданском праве.

Ключевые слова: юридические услуги, договор, исполнитель, консультация, представительство, возмездное оказание услуг, тенденции развития возмездного оказания услуг в правоприменительной практике.

E. V. Astapova – Head of Civil Law Department, the Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

S. V. Kirichenko – Associate Professor, Department of Procedural Law, the Don State Technical University, PhD in Law.

AGREEMENT OF PAID LEGAL AID SERVICES AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

The article is devoted to the study of the legal nature of the contract for paid provision of legal services. The authors note that in the modern world, the problem of regulating the sphere of paid provision of legal services and legal issues, including the contractual regulation of legal services, are of particular importance in the modern world, occupy a special place in the domestic civil law.

Key words: nelegal services, contract, contractor, consultation, representation, and rendering of commercial services, development trends of paid service in law enforcement.

Государство в статье 2 Конституции Российской Федерации провозгласило, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1], тем самым приняв на себя обязательство по их признанию, соблюдению и защите.

Именно поэтому одним из основополагающих принципов правового государства выступает наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, в частности права на получение квалифицированной юридической помощи. При этом мировая и отечественная практика исходит из того, что квалифицированная юридическая помощь – это, прежде всего, помощь, оказываемая лицами, имеющими высшее юридическое образование, то есть специалистами в области права.

Юридические услуги представляют собой относительно новый и одновременно востребованный вид услуг, имеющий широкое распространение в современном российском

обществе. Реальная возможность получения каждым человеком при необходимости квалифицированной юридической помощи является благом в любом развитом обществе.

Социально-политические и экономические преобразования в стране ведут непосредственно к изменениям в общественных отношениях и методах их регулирования. В связи с этим и потребности участников гражданских правоотношений в получении юридической помощи на договорной возмездной основе увеличиваются. В целом юридические услуги являются разновидностью юридической деятельности, направленной на удовлетворение потребностей лиц в юридической сфере, непосредственные результаты которой реализуются в процессе осуществления такой деятельности. Юридические услуги относятся к объектам гражданских прав как объекты обязательственных правоотношений (ст. 128 ГК РФ). Однако, несмотря на это, Граждан-

ский кодекс Российской Федерации не содержит их легального определения.

В современной юридической практике возникают трудности в определении понятия «услуги». Формы исполнения обязательств могут быть как активными (совершение действий), так и пассивными (воздержание от совершения действий). При этом услуга, выступая в качестве предмета обязательства, может проявляться исключительно в активной форме, то есть в действии. Услуги направлены на удовлетворение потребностей, в отличие от вещей как объектов гражданских прав, обладающих материализованными свойствами. Именно с помощью услуг происходит приобретение материальных и нематериальных благ, они способны изменять правовое и физическое состояние потребителя. Особенностью отношений, возникающих по поводу предоставления и потребления услуг, является своеобразие процесса реализации услуг, требующего тесной связи между услугодателями и услугополучателями.

Вышеуказанные особенности позволяют выделить признаки юридической услуги, отличающие ее от иных смежных с ней правовых категорий. Во-первых, услуга реализуется в форме волевого акта, что предполагает активность совершения юридической деятельности оказывающим ее лицом. Во-вторых, правовой интерес заказчика юридической услуги возникает в связи с желанием получения совокупности определенных благ, которые ему полезны либо же могут быть им использованы. В-третьих, поскольку в основу юридической услуги положен не сам результат, а действия, которые и приводят к такому результату, последний не гарантируется. В-четвертых, юридическая услуга носит индивидуальный и исключительный характер, так как на нее непосредственное влияние оказывает и услугодатель. В-пятых, при оказании юридических услуг соблюдаются правила профессиональной деятельности в связи с тем, что оказание данной услуги возможно при наличии соответствующего юридического образования.

Обозначенные нами признаки юридической услуги позволяют охарактеризовать ее как деятельность, непосредственно направленную на изменение правового статуса субъекта – носителя гражданских прав и обязанностей, реализуемую опосредованно через правоотношения в различных отраслях пра-

ва и выполняемую специалистом в таких отраслях. Легальное определение договора возмездного оказания услуг содержится в п. 1 ст. 779 ГК РФ, в соответствии с которой «по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги» [2]. В силу своей правовой природы договор возмездного оказания услуг является консенсуальным, возмездным и двусторонне-обязывающим.

В качестве следующей особенности договоров о возмездном оказании услуг можно отметить, что большая часть из них является публичными. Это объясняется тем, что для исполнителя, как правило, оказание определенных услуг становится основным видом деятельности.

Сегодня не предусмотрено специальных правил, устанавливающих форму договора, поэтому при ее определении участники данного договора должны руководствоваться требованиями гл. 9 ГК РФ, а также нормативных актов, регулирующих порядок оказания конкретного вида услуг. Цена является существенным условием в данном виде договора, что вытекает из его названия. При этом принятое решение и исход дела не влияют на оплату юридических услуг.

Прямая зависимость между принятым судом решением и обязанностью по оплате оказанных юридических услуг, а также размером такой оплаты отсутствует. Такой вывод подкреплен судебной практикой. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 № 1-П указывается: «...определяя исчерпывающим образом такое существенное условие договора, как его предмет, федеральный законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается. Выделение в качестве предмета данного договора совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достигим, в том числе в силу объективных причин» [3].

К правовым услугам можно отнести предоставление устных и письменных консуль-

таций, составление исковых заявлений, отзывов, жалоб, непосредственное участие в разбирательстве. Договор возмездного оказания юридических услуг специфичен в силу того, что совершение определенных действий направлено на отстаивание интересов получателя в судах и иных юрисдикционных органах. В связи с этим интересы заказчика заключаются в достижении положительного для него результата, такого, как удовлетворение иска либо жалобы, получение благоприятного решения, что в целом выходит за рамки предмета регулирования договора. Судебное решение не может выступать ни объектом гражданских прав, ни предметом гражданско-правового договора, поэтому представляется некорректным обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения.

Характер отношений между организациями может предполагать периодическое оказание услуг, различных по объему и стоимости. Для упрощения оформления документов, а также для укрепления партнерских взаимоотношений контрагенты используют до сих пор не имеющий в законодательстве наименования абонентский договор на обслуживание, в соответствии с которым заказчик обязуется вносить периодические платежи вне зависимости от фактического объема востребованных услуг в определенный период. Подобные абонентские договоры встречаются в сфере консалтинга, в том числе при оказании юридических услуг. Важным вопросом для участников рынка является обоснованность платежей в периоды, когда услуги фактически не востребованы. Позиция Верховного Суда РФ относительно требований об оплате периодов, когда услуги не оказывались, была выражена еще в 2001 году. При этом суд указал, что такое условие противоречит законодательству о защите прав потребителей (постановление Федеральной антимонопольной службы Московского округа от 13.08.2013 по делу № А40-94333/12-155-818, постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.02.2014 по делу № А42-2435/2013, постановление ФАС Поволжского округа от 16.08.2013 по делу № А72-12469/2012). Природа абонентского договора позволяет сопоставить его с договором оказания услуг, в соответствии с которым заказчик обязан оплатить только оказанные ему услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ).

В силу отсутствия специальных норм для регулирования абонентского договора суды применяют к нему по аналогии нормы о договоре оказания услуг и отказывают юридической компании в требованиях о взыскании платы за те месяцы, в течение которых услуги не оказывались. В частности, вопрос об оказании юридических услуг в рамках абонентского договора был рассмотрен федеральным арбитражным судом, указавшим, что взимание платежей только за право обратиться в необходимый момент к юристам противоречит нормам гражданского законодательства (постановление ФАС Поволжского округа от 16.07.2008 по делу № А06-5412/2007-9). Ситуация изменилась 1 июня 2015 года с вступлением в силу ст. 429.4 ГК РФ, предусматривающей конструкцию договора с исполнением по требованию. Абонент может вносить периодические платежи или иное предоставление за право требовать от исполнителя выполнения определенных действий. При этом обязанность по оплате не ставится в зависимость от фактической востребованности встречного предоставления, но иное может быть указано в законе или определено сторонами в договоре.

Интересным является вопрос о том, могут ли быть платежи по абонентскому договору на оказание консультационных услуг включены в состав расходов при расчете налога на прибыль. Учитывая тот факт, что расходами в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, к ним могут относиться также расходы, связанные с производством и реализацией, а точнее, расходы на юридические и информационные услуги (пп. 14 п. 1 ст. 264 НК РФ).

Сроки исполнения по данному договору регулируются соглашением сторон, только если иное не установлено в соответствующих нормативных актах. Специальные нормы, устанавливающие сроки исполнения обязательств по возмездному оказанию услуг, в Гражданском кодексе РФ отсутствуют. Это обусловлено существенным различием в характере оказываемых услуг.

Однако условие о сроках исполнения услуг является существенным. Об этом свидетельствует ст. 708 ГК РФ, которая в соответствии со ст. 783 применяется в отношении договора о возмездном оказании услуг. В случае если в договоре отсутствует условие о

сроке исполнения обязательства, такой договор не будет считаться незаключенным.

Как отмечалось выше, юридические услуги могут оказываться как в форме устных или письменных консультаций по различным юридическим вопросам, так и путем составления документов правового характера, в том числе проектов договоров, жалоб, исковых заявлений, заявлений, а также непосредственного представления интересов лица. Из этого следует, что надлежащая фиксация факта сдачи оказанных услуг является достаточно важным моментом. Самым распространенным способом фиксации факта приема-передачи услуг выступает передача, оформленная актом. Однако судебная практика исходит из того, что отсутствие подписанного акта приема-передачи оказанных юридических услуг при наличии заключенного договора не лишает исполнителя права требования в судебном порядке оплаты оказанных услуг (постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.11.2016 по делу № А79-1233/2016). При этом возможна и обратная ситуация, когда стороны не оформили письменный договор, но подписали акт. Согласно сложившейся судебной практике при наличии акта приема-передачи оказанных услуг и отсутствии письменно оформленного договора такой акт является доказательством и подтверждает оказание услуг по данному договору (постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.08.2015 по делу № А56-38965/2014).

Кроме того, существует и судебная практика, подтверждающая, что оформление не только акта оказанных услуг, но и договора является необязательным при взыскании задолженности, поскольку «результатом оказания юридических услуг является осуществление деятельности, не имеющей овеществленного результата, оплата оказанных услуг не может связываться с наличием или отсутствием подписанного заказчиком акта об оказании услуг» (постановление XIII арбитражного апелляционного суда от 03.06.2015 по делу № А21-9579/2014). В данном случае суд принимал решение при отсутствии договора из всей совокупности доказательств: переписка, доводы сторон, выданные доверенности, подписанные исполнителем процессуальные документы, тексты решений судов с указанием фамилий представителей. Аналогичная правовая позиция закреплена в постановлении ФАС Уральского округа от 05.05.2008 по делу № А76-13013/2007-16-555.

Удовлетворяя иски, суд исходил из того, что непосредственное участие в процессе в интересах заказчика с надлежащим образом оформленной доверенностью является надлежащим доказательством факта оказания услуг при отсутствии заключенного договора. При этом считаем, что основным способом фиксации самого факта оказания услуг, а также их объема и стоимости выступает акт приема-передачи. Анализ судебной практики позволил сделать следующие практические выводы.

Непосредственно в содержание акта-приема юридических услуг должна входить информация о виде предоставляемых услуг, их объеме и стоимости. Обязательным в тексте акта является указание на предмет договора и реквизиты договора. Однако даже в случае отсутствия в акте четкого перечня услуг, оказываемых исполнителем, если такой акт подписан заказчиком без замечаний, он может быть признан надлежащим доказательством факта исполнения этих услуг. Судебная практика подтверждает, что отсутствие подписанного акта приема-передачи юридических услуг не лишает исполнителя при рассмотрении спора судом возможности ссылаться на другие доказательства.

Договор на оказание юридических услуг может быть заключен как с адвокатским образованием (ст. 20 и 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в редакции от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), так и с иными субъектами, которые согласно действующему законодательству вправе оказывать возмездные правовые услуги. Аналогичную юридическую помощь на платной основе в качестве предпринимательской деятельности оказывают частные юристы, имеющие статус индивидуальных предпринимателей, а также коммерческие юридические лица. Фактически деятельность данных участников рынка юридических услуг по оказанию населению и организациям юридической помощи, в отличие от адвокатской, никак не регулируется, к ней не выдвигаются квалификационные требования, отсутствуют этические нормы, закрепленные в кодексах профессиональной этики. Многие такие недобросовестные участники вообще ориентированы не на достижение социально положительного эффекта в виде конечного результата юридической услуги, а на получение прибыли.

Как подчеркивает Г. К. Шаров, «не менее серьезной проблемой является деятельность недобросовестных лиц на рынке юридических услуг, вовлеченных в совершение преступных (в том числе коррупционных) деяний. Лица, исключенные из адвокатского или нотариального сообщества за совершение аморальных и противоправных поступков, имеют возможность продолжать заниматься юридической деятельностью в качестве практикующего юриста... Предоставление профессиональных юридических услуг большинством юристов, а также качество этих услуг по-прежнему остаются за рамками правового регулирования» [10, с. 222]. В подобных случаях сложность деятельности адвокатов проявляется в том, что к ним предъявляются изначально более строгие требования, чем к частнопрактикующим юристам. Это касается как необходимости выбора подходящей формы адвокатского образования (в данном случае действует принцип корпоративности), так и запрета на осуществление каких-либо иных видов деятельности, за исключением научной и преподавательской. Таким образом, мы видим, что сфера оказания юридических услуг субъектами, не имеющими статуса адвокатов, сопряжена с трудностями в правовом регулировании ввиду отсутствия единых норм и правил ее осуществления. Сегодня обсуждаются различные варианты регулирования данной сферы государством.

Как мы ранее отмечали, «сложно представить, что повышение уровня профессионализма участников рынка юридических услуг, что является основной задачей концепции регулирования данного рынка и реформирования деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи, можно обеспечить исключительно установлением профессиональных стандартов» [4, с. 36].

В силу специфики юридических услуг представляется необходимой конкретизация информации о личности их исполнителя. Считаем, что эти сведения, конкретизирующие информацию об исполнителе, должны быть отнесены к существенным условиям договора возмездного оказания юридических услуг. Перечень сведений об исполнителе юридической услуги предлагаем закрепить на законодательном уровне в следующей редакции:

«– наименование исполнителя, фирменное наименование, юридический адрес, место на-

хождения – для юридических лиц, место проживания – для индивидуальных предпринимателей, паспортные данные, место проживания и нахождения – для граждан;

– информация о наличии юридического образования и стажа работы в правовой сфере у исполнителя услуги».

При предоставлении юридических услуг особое внимание необходимо уделять их качеству как непосредственной характеристике обязательства, показателю надлежащего исполнения такого обязательства и в целом непосредственному предмету договора. При этом условие о качестве оказываемых услуг должно быть указано в договоре и сформулировано исходя из сложности дела, а также характера, наукоемкости, особенностей и профессиональной направленности юридической услуги».

В качестве признаков юридической услуги, относящихся как к процессу ее оказания, так и к результату, можно определить следующие:

– общая осведомленность заказчика непосредственно об исполнителе юридической услуги, а также об объеме, о видах и расценках оказываемых им услуг;

– информированность заказчика об ожидаемом исходе дела либо о результате в целом;

– пригодность использования результата юридической услуги в разумные сроки (в том числе гарантированность результата в определенных случаях);

– профессионализм предоставления исполнителем юридических услуг, заключающийся в грамотности составления документов, обоснованности и мотивированности консультаций;

– качество обслуживания.

В ст. 782 ГК РФ сформулированы два условия возможного отказа от договора возмездного оказания услуг: «Заказчик может отказаться при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Исполнитель вправе отказаться при условии полного возмещения заказчику убытков» [1]. Данные условия носят исключительно императивный характер. При этом установление ограничений на право одностороннего отказа от исполнения договора в договоре возмездного оказания услуг не допускается. Данная правовая позиция нашла отражение в постановлении Президиума Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.09.2010 № 2715/10 по делу № А64-7196/08-23.

Вместе с тем по правилам ст. 782 ГК РФ односторонний отказ не допускается в случае, если в договор, содержащий элементы договора возмездного оказания услуг, включено условие о том, что он может быть расторгнут исключительно по решению суда или по письменному соглашению сторон (постановление ФАС Уральского округа от 31.08.2010 по делу № А60-62895/2009-С1). При этом причина одностороннего отказа от договора возмездного оказания услуг, заявленного на основании п. 1 ст. 782 ГК РФ, не имеет юридического значения (постановление ФАС Поволжского округа от 17.11.2011 по делу № А55-20641/2010, постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.03.2011 по делу № А43-9341/2010, постановление ФАС Центрального округа от 15.06.2011 по делу № А54-4550/2010-С16).

Форма расторжения договора оказания юридических услуг идентична форме его заключения. Однако необходимо обратить внимание на следующий важный момент. В случае отказа стороны от договора в односторон-

нем порядке и направления соответствующего письма, но продолжения оказания услуг договор не считается расторгнутым (определение ВАС РФ от 04.03.2011 № ВАС-1715/11 по делу № А70-3624/2010).

В целом до настоящего времени не выработано единых стандартов и принципов обеспечения и реализации права на юридическую помощь, несмотря на то, что данное право закреплено в конституционном законодательстве, в процессе реализации которого возникают реальные проблемы. При этом осмысление понятия возмездного оказания юридических услуг предполагает выявление его признаков и различий в сравнении со смежными правовыми явлениями.

Считаем, что правовой статус субъектов договора возмездного оказания юридических услуг нуждается в дальнейшем исследовании. В связи с этим необходимо определить основания гражданской ответственности и критерии профессиональной компетенции при исполнении договора возмездного оказания юридических услуг.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23.01.2007 № 1-П. URL: <http://consultant.ru>

4. Астапова Е. В. Формирование системы квалифицированной юридической помощи в России // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6 (79).

5. Кириченко С. В. К вопросу о злоупотреблении правами в гражданском и арбитражном процессе // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. М., 2017.

6. Резник Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицирован-

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // Collected legislation. 2014. № 31. Art. 4398.

2. Civil code of the Russian Federation (part 2) from 26.01.1996 № 14-FL (ed. from 29.07.2017) // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

3. On business about check of constitutionality of provisions of item 1 of article 779 and of item 1 of article 781 of the Civil code of the Russian Federation in connection with complaints of limited liability company «Agency of corporate safety» and of the citizen of V. V. Makeev: decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 23.01.2007 № 1-P. URL: <http://consultant.ru>

4. Astapova E. V. Formation of system of qualified legal aid in Russia // Yurist-Ptavoved. 2016. № 6 (79).

5. Kirichenko S. V. To the question of abuse of rights in civil and arbitration process // Modern technology in the world scientific space: a collection of articles of international scientific-practical conference: in 6 parts. Moscow, 2017.

6. Reznik G. M. On the constitutional meaning of «qualified legal aid» // Lawyer. 2007. № 4.

7. Stepanov S. A., Vasiliev A. S., Alekseev S. S. The Comment to the Civil code of the Russian Fed-

ная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4.

7. Степанов С. А., Васильев А. С., Алексеев С. С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Ч. 1–4 / под ред. С. А. Степанова. М., 2016.

8. Гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. М., 1993. Т. 2.

9. Шешенин Е. Д. Договоры услуг в общественном питании // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11: Право. 1983. № 1.

10. Шаров Г. К. Правовое поле нуждается в культивации. Двойные стандарты в сфере оказания юридической помощи приобретают угрожающий характер // Вестн. Федер. палаты адвокатов Рос. Федерации. 2015. № 2 (49).

eration (training-practical). Parts 1–4 / ed. by S. A. Stepanov. Moscow, 2016.

8. Civil law / ed. by E. A. Sukhanov. Moscow, 1993. Vol. 2.

9. Sheshenin E. D. Contracts of services in public catering // Bulletin of Moscow State University. Series 11: Right. 1983. № 1.

10. Sharov G. K. The Legal field in need of cultivation. Double standards in the sphere of legal assistance to acquire a menacing nature // Bulletin of the Federal chamber of lawyers of the Russian Federation. 2015. № 2 (49).

© 2017 г. **А. В. Максименко,**

помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина кандидат юридических наук.
E-mail: mav1202@yandex.ru

Е. Е. Новопавловская,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: novopavlovskaya@gmail.com

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СТАТУСЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПРЕДМЕТ РАССМОТРЕНИЯ В ПОРЯДКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье на основе анализа практики конституционного судопроизводства раскрываются некоторые проблемы правовой регламентации статуса органов внутренних дел. Данные мониторинга решений Конституционного Суда Российской Федерации позволили авторам не только выявить отдельные закономерности, касающиеся предмета рассмотрения дела в порядке конституционного судопроизводства, круга заявителей, содержания обращений, но и обозначить блочные проблемы правотворческого и правоприменительного характера, требующие, по мнению заявителей и Конституционного Суда РФ, законодательного разрешения в целях устранения имеющихся неопределенностей в правовом регулировании различных аспектов статуса органов внутренних дел.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, судебный нормоконтроль, органы внутренних дел, реформа, социальные гарантии.

A. V. Maksimenko – Assistant Director of Institute (legal work)-head of Department (Legal Department), the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, PhD in Law.

E. E. Novopavlovskaya – Professor, Department of State and Law Disciplines, the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, PhD in Law, Associate Professor.

LAW ON THE STATUS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDINGS

In the article on the basis of the analysis of the practice of constitutional legal proceedings, certain problems of the legal regulation of the status of law enforcement bodies are revealed. The monitoring data of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation allowed the authors not only to reveal certain regularities concerning the subject matter of the case in the constitutional court proceedings, the range of applicants, the content of appeals, but also to identify block problems of law-making and law enforcement nature, which, in the opinion of the applicants and the Constitutional Court of the Russian Federation, legislative permission to eliminate the existing uncertainties in the legal regulation of various aspects of the status of the body in the Interior.

Key words: the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial norm-control, internal affairs bodies, reform, social guarantees.

Современные задачи, возложенные на органы внутренних дел, могут быть выполнены только при условии эффективной правовой регламентации их организации и деятельности для осуществления повседневной работы по сохранению государственной целостности, укреплению конституционного строя России, охране и защите прав и свобод граждан, борьбе с преступностью. Как из-

вестно, в последние годы статус органов внутренних дел не раз подвергался реформированию. При этом основным правовым актом являлся Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2009 № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», зафиксировавший не только переименование милиции в полицию, но и содержащий

обоснование данного модернизационного процесса. Использование нового наименования, как верно отметил Ю. П. Соловей, привело название данного института в полное соответствие с его содержанием [1, с. 18]. Принятие Указа Президента РФ от 18.02.2010 № 208 (в редакции от 04.04.2014) «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» заложило фундамент для разработки Федерального закона «О полиции», в которой принимали участие как правотворческие органы, так и ведущие ученые, сотрудники структурных подразделений МВД России, известные правозащитники, иные представители общественности, что послужило ярким примером единения институтов гражданского общества.

Административная реформа продолжилась и в дальнейшем, затронув различные элементы статуса органов внутренних дел, что нашло отражение в целом ряде законов и подзаконных актов, которые с определенной долей условности можно подразделить на профильные (базовые) и непрофильные акты. Первые из них направлены на непосредственную регламентацию статуса органов внутренних дел, включая вопросы кадровой политики. Среди них можно назвать федеральные законы от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в редакции от 18.06.2017) «О полиции», от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в редакции от 03.04.2017) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 19.07.2011 № 247-ФЗ (в редакции от 05.12.2016) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и другие. В первую группу также входят правовые акты, детально регламентирующие отдельные направления деятельности органов внутренних дел, включая регулирование принципиально новых для данной структуры функций. В частности, Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156 (в редакции от 21.12.2016) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» упразднены два федеральных органа исполнительной власти (Федеральная служба Российской Федерации по контролю

за оборотом наркотиков и Федеральная миграционная служба), а их функции возложены на Министерство внутренних дел Российской Федерации. Передача функций в миграционной сфере МВД России вовсе не случайна и обусловлена наличием обширного опыта по реализации контрольно-надзорных функций в сфере миграции. Реализация данного Указа требовала решения ряда организационных, финансовых, кадровых и иных вопросов. На начальном этапе этого реформирования, по точному замечанию И. Ф. Амелчакова, особо остро стояла проблема кадрового обеспечения [2, с. 8]. Можно констатировать тот факт, что сегодня реализуется комплекс разноплановых по характеру и содержанию мер, направленных на решение обозначенной проблемы. Так, образовательными организациями системы МВД России, в том числе Белгородским юридическим институтом МВД России имени И. Д. Путилина, проводится профессиональное обучение лиц, которые принимаются на должности сотрудников подразделений полиции в сфере миграции. На факультете профессиональной подготовки института в последние несколько лет проходят обучение сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие деятельность в области миграции. В периоды с 05.10.2015 по 08.02.2016, с 17.10.2016 по 20.02.2017, с 18.05.2017 по 15.09.2017 тридцать слушателей успешно освоили образовательную программу по интересующему нас направлению. Выпуск еще десяти слушателей запланирован на 03.03.2018. Возможно, приведенные цифры являются не столь значительными. Но это лишь начальный этап, и, думается, что все образовательные организации системы МВД России должны принимать участие в данном образовательном процессе. Подобного рода консолидация усилий будет способствовать постепенному повышению качества работы в миграционной сфере и профессионализма кадрового состава.

Вторую группу составляют нормативные правовые акты, которые касаются регулирования отдельных аспектов деятельности органов внутренних дел, в том числе действий в условиях чрезвычайных ситуаций и военного режима (например, Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (в редакции от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении»).

Федеральный закон «О полиции» предусмотрел назначение полиции, основные на-

правления и принципы ее деятельности, права и обязанности, условия и порядок применения отдельных мер государственного принуждения, правовое положение сотрудников и другие. Как подчеркивает Г. Х. Валиев, при условии точного и неуклонного соблюдения положений Федерального закона «О полиции» он служит определенной гарантией прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [3, с. 113]. В связи с его принятием была проведена правотворческая корректировка вопросов организации и функционирования органов внутренних дел, утратили силу многие правовые акты РСФСР и Российской Федерации, в том числе Закон РСФСР от 18.04.1991 № 1026-1 (в редакции от 15.06.1996) «О милиции». Мониторинг решений Конституционного Суда Российской Федерации показал, что на момент разработки Федерального закона «О полиции» многие из ранее действовавших правовых актов, регламентирующих порядок формирования и деятельности милиции, не раз составляли предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства, в частности Закон РСФСР «О милиции» (постановление КС РФ от 14.11.2005 № 10-П), Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (определение КС РФ от 17.02.2000 № 33-О) и другие.

К сожалению, и сегодня нормативные правовые акты о статусе органов внутренних дел не лишены отдельных недостатков, о чем наглядно свидетельствует практика Конституционного Суда РФ. Анализ обращений по делам данной категории и вынесенных по ним решений позволил выявить ряд закономерностей, тезисно сформулировав некоторые из них.

Во-первых, предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства составляли положения различных нормативных правовых актов (как с точки зрения их юридической силы, так и отраслевой принадлежности), в том числе:

– Федерального закона «О полиции» вне взаимосвязи от норм иных правовых актов (постановления КС РФ от 17.03.2017 № 8-П, от 01.03.2017 № 3-П, от 27.03.2012 № 7-П и других). Между тем зачастую заявители высказывали одновременно неудовлетворенность положениями и иных актов, причем имеющих различную отраслевую принадлежность, в том числе административного (оп-

ределение КС РФ от 14.01.2014 № 6-О), гражданского (определение КС РФ от 29.09.2015 № 1887-О), жилищного права (определение КС РФ от 05.03.2014 № 505-О) и прочих отраслей;

– Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постановления КС РФ от 11.11.2014 № 29-П, от 21.03.2014 № 7-П) и (или) Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (постановления КС РФ от 18.04.2017 № 12-П, от 29.03.2016 № 8-П). В ряде случаев заявители просили дать оценку конституционности норм двух названных выше федеральных законов (определения КС РФ от 29.01.2015 № 224-О, от 17.07.2014 № 1712-О);

– Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» (постановление КС РФ от 19.07.2016 № 16-П) и других.

Во-вторых, поводом к рассмотрению дела в преобладающем большинстве случаев выступали конституционные жалобы граждан. Они направлялись как сотрудниками органов внутренних дел, занимающими (либо ранее занимавшими) должности в различных подразделениях (например, уголовного розыска, дорожно-патрульной службы ГИБДД УМВД России и других), так и членами их семей. Конституционным Судом РФ не раз обращалось внимание на то, что специфика правоохранительной службы предполагает наличие социальных гарантий, предоставляемых не только действующим сотрудникам органов внутренних дел, но и уволенным со службы (определение КС РФ от 09.06.2015 № 1230-О). При этом указывалось на тот факт, что их получателями также являются члены семей сотрудников, а также лица, которые находились на иждивении у сотрудников. В частности, гарантии социального обеспечения предоставляются им в случаях, когда сотрудник погиб при исполнении служебных обязанностей (определение КС РФ от 09.07.2015 № 1230-О).

В-третьих, в качестве заявителей выступали и представители властных структур. Показательным примером является постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 7-П, вынесенное по запросу Железнодорожного районного суда г. Пензы. Заявители обосновывали необходимость выведения из правового пространства норм п. 1 ч. 3 ст. 43 Федерального закона «О полиции», предусматривающих в первоначальной редакции (действовавшей до 01.01.2012), что в случаях гибели (смерти) сотрудника полиции в результате увечья (иного повреждения здоровья), которые были получены в процессе исполнения служебных обязанностей или в результате заболевания, приобретенного на службе, члены его семьи и иждивенцы вправе получать единовременное пособие, выплачиваемое в равных долях. На тот момент оно составляло 120-кратный размер оклада денежного содержания, установленного на день выплаты пособия. Федеральный законодатель скорректировал названные законоположения. Речь сегодня идет о фиксированной сумме (три миллиона рублей), выплачиваемой в равных долях получателям. Обратим внимание и на тот факт, что в разные годы производилась индексация размера единовременного пособия. Так, с 1 февраля 2017 года применяется коэффициент, равный 1,054.

В-четвертых, исследование содержания обращений показывает, что заявители высказывали неудовлетворенность регламентацией различных вопросов, в том числе оснований и порядка осуществления принудительного препровождения (доставления) граждан в территориальный орган или подразделение полиции. Приведем пример спорной ситуации, развивавшейся на территории Белгородской области.

Так, весной 2015 года заявитель проводил одиночный пикет. Сотрудники полиции потребовали его прекращения и доставили гражданина в служебное помещение отдела полиции, составив протокол о его доставлении с соблюдением всех процессуальных требований. Менее чем через час гражданин был отпущен без составления протокола об административном правонарушении и предъявления обвинения.

Заявитель обратился в районный суд г. Белгорода, расценив действия сотрудников полиции как незаконные и потребовал возмещения морального вреда. Однако получил от-

каз в удовлетворении заявленных требований, обжаловав решение районного суда в Белгородский областной суд, который апелляционным определением оставил решение районного суда без изменения. Заявитель обратился в Конституционный Суд РФ, считая неконституционными положения п. 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», закрепляющие право сотрудников полиции осуществлять доставку граждан в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, помещение муниципального органа, иное служебное помещение для дальнейшего решения вопроса о задержании этого гражданина (при условии, что данный вопрос не может быть решен на месте), установления его личности (в случаях наличия оснований полагать, что гражданин находится в розыске как лицо, которое скрывается от органов дознания, следствия, суда, или как лицо, которое уклоняется от исполнения уголовного наказания, и других). Среди целей подобного доставления граждан в Федеральном законе «О полиции» также называется защита жизни и здоровья гражданина в случае, если он не способен осуществить заботу о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом. Обосновывая свою позицию, заявитель отметил, что указанные законоположения противоречат сразу нескольким конституционным нормам, включая ч. 1 ст. 22, провозглашающую право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, а также ст. 31, закрепляющую условия проведения публичных мероприятий (включая пикетирования), – мирно, без оружия. Конституционный Суд РФ постановлением от 17.03.2017 № 8-П признал оспариваемые законоположения конституционными. Между тем необходимо рассмотреть следующие принципиально важные моменты, которые, на наш взгляд, подлежат обязательному учету правоприменителями:

– речь должна идти о реальном (а не предполагаемом) характере угрозы жизни и здоровью этого гражданина в месте проведения пикета;

– угроза должна выражаться в высоком риске причинения вреда жизни и здоровью пикетчика;

– причиной такой угрозы могут быть не только собственные действия пикетчика, но и действия других лиц или проявления природного, техногенного и иного характера;

– у сотрудников полиции должна отсутствовать объективная возможность иными законными действиями (без прекращения пикетирования) устранить подобного рода угрозу или противостоять ей;

– доставка в перечисленные служебные помещения должно проводиться при условии, гражданин отказывается от перемещения в иное безопасное место, либо в сложившихся условиях препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является единственным способом предотвращения причинения вреда жизни и здоровью пикетчика;

– доставка должно осуществляться в максимально короткие сроки с составлением соответствующего протокола;

– если появляются основания для прекращения применения к гражданину данной меры, он должен быть незамедлительно освобожден;

– применение полицией данной меры к гражданам, осуществляющим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии названных в законе оснований и соблюдении установленных условий должно квалифицироваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, а также на проведение публичных мероприятий;

– виновные сотрудники полиции должны быть привлечены к ответственности в установленном законом порядке.

Как отмечалось выше, в отдельную группу целесообразно выделить дела по спорам о социальной защите сотрудников органов внутренних дел и членов их семей [4, с. 66–71]. Конституционным Судом РФ неоднократно обращалось внимание на тот факт, что сотрудники органов внутренних дел являются представителями публичной государственной власти, обладающими особым правовым статусом, который обусловлен характером осуществляемой ими деятельности в публичных интересах, выполнением конституционно значимых функций. Именно это, по мнению Конституционного Суда РФ, определяет содержание государственных обязательств в отношении сотрудников органов внутренних дел (постановление КС РФ от 11.11.2014 № 29-П). Деятельность сотрудников органов внутренних дел зачастую сопряжена со значительным риском для их жизни и здоровья. В этой связи государство обязано не толь-

ко регламентировать сферу материального обеспечения сотрудников органов внутренних дел, но и обеспечить их гарантированность, что достигается посредством предоставления «пакета» социальных гарантий и компенсаций при прохождении службы (постановление КС РФ от 26.12.2002 № 17-П). Право сотрудников полиции на получение ежемесячной денежной компенсации при причинении им увечья или иного повреждения здоровья, которые исключают дальнейшее прохождение службы и влекут за собой стойкую утрату трудоспособности, имеет гарантийный характер, что наряду с иными выплатами призвано обеспечить сохранение за сотрудниками полиции утраченного денежного довольствия и защиту их интересов (определение КС РФ от 29.09.2015 № 1887-О). Члены семьи сотрудника и лица, находившиеся на его иждивении, в случае его гибели (смерти) при исполнении служебных обязанностей имеют право на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца, поскольку лишаются постоянного и основного источника средств к существованию (постановление КС РФ от 20.10.2010 № 18-П).

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 01.03.2017 № 3-П предмет проверки составляли положения ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции», устанавливающие, что право сотрудника полиции на получение единовременного пособия в случаях, когда он получил при исполнении служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, которое исключает дальнейшее прохождение службы. Заявитель проходил службу в органах внутренних дел на должности инспектора ДПС по Республике Хакасия. В ходе исполнения служебных обязанностей он дважды получил травмы, был признан ограниченно годным к службе (категория «В») в результате военной травмы и годным к прохождению службы только в должностях, которые относятся к 4-й группе предназначения, в 2014 году уволен со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии, однако получил отказ в выплате единовременного пособия, предусмотренного ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции». Заявитель обращался за судебной защитой, но исковые требования были оставлены без удовлетворения, обжаловал решения судов общей юрисдикции вплоть до Президиума Верховного Суда РФ.

Аналогичная ситуация сложилась и у второго заявителя по данному делу, замещавшего должность инспектора ДПС в Вологодском линейном отделе МВД России на транспорте.

Оставляя требования заявителей без удовлетворения, суды исходили из того, что полученные истцами травмы не исключают дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел, а следовательно, у них не возникает права на получение соответствующего единовременного пособия. Как итог – обращение в Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 01.03.2017 № 3-П указал на необходимость обеспечения государственной поддержки сотрудников органов внутренних дел в случаях получения ими увечья или иного повреждения здоровья при выполнении служебных обязанностей. Суд подчеркнул, что на законодательном уровне предусмотрены разнообразные по содержанию публично-правовые способы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью данных лиц. К этим способам относятся обязательное государственное страхование жизни и здоровья, специальное пенсионное обеспечение, иные меры социальной защиты. Их предназначение – обеспечить в максимальном объеме компенсацию последствий изменения материального и социального статуса, то есть возмещение, соразмерное уровню причиненного вреда. Конституционный Суд РФ справедливо отметил, что норма ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции» представляет собой неотъемлемый элемент специального публично-правового механизма обеспечения возмещения причиненного вреда. Предусмотренная выплата – это дополнительная социальная гарантия соответствующей категории граждан, в отношении которых государство возлагает на себя обязанность компенсировать причиненный вред. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что «дифференциация правового регулирования в сфере пенсионного обеспечения» не противоречит конституционным принципам (в том числе равенства граждан), поскольку основана

на объективных критериях и характере осуществляемой профессиональной деятельности (определение КС РФ от 02.11.2011 № 1447-О-О). Признав оспариваемые законоположения не противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд РФ вместе с тем указал, что с учетом сформулированных им правовых позиций правоприменительные решения в отношении заявителей по данному делу подлежат пересмотру в установленном порядке.

В-пятых, Конституционный Суд РФ по обращениям подобного рода выносил не только постановления, но и определения, в том числе с позитивным содержанием, ссылаясь на ранее сформулированные им правовые позиции и вынесенные решения, имеющие значение для существа обращения. Однако мониторинг дел, рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства, предметом которых являлись положения нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и деятельности органов внутренних дел, – это не самоцель. Как верно отмечают В. В. Болгова и Е. Е. Жеребцова, деятельность Конституционного Суда РФ выступает «своеобразным индикатором системы правового регулирования, ее качества и эффективности» [5, с. 27], поскольку в процессе судебного конституционного нормоконтроля выявляются законодательные дефекты, а также несогласованность правовых норм, вызванная недостатками юридико-технического характера. Более того, Конституционный Суд РФ не ограничивается констатацией выявленных законодательных дефектов. Зачастую он возлагает на законодателя обязанность внесения соответствующих корректировок, например в части регулирования отдельных социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел и членов их семей (постановление КС РФ от 27.03.2012 № 7-П). Подобная деятельность соответствует устоям демократического правового государства, главной ценностью которого является человек, его права и свободы.

Литература

1. Соловей Ю. П. Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права // Полиция – новый институт современной государствен-

Bibliography

1. Nightingale Yu. P. Federal Law «On Police» as the main source of domestic police law // Police – a new institution of the modern state law enforcement system: materials of the all-Russian scientific

ной правоохранительной системы: матер. Всерос. науч.-практ. конф. 15–16 сент. 2011 г. Омск, 2012.

2. Амельчаков И. Ф., Катаева О. В., Ряпухина И. А. Генезис миграционной системы Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2.

3. Валиев Г. Х. Деятельность органов внутренних дел России по защите прав и свобод человека и гражданина // Вестн. экономики, права и социологии. 2014. № 2.

4. Дмитраков А. М., Новопавловская Е. Е., Переверзев Е. А. К вопросу о социальных гарантиях сотрудников органов внутренних дел и роли конституционного судопроизводства в их обеспечении // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1.

5. Болгова В. В., Жеребцова Е. Е. Формы и средства жилищной политики в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5-2 (43), ч. 2.

and practical conference September 15–16, 2011. Omsk, 2012.

2. Amelchakov I. F., Kataeva O. V., Ryapukhina I. A. Genesis of the migration system of the Russian Federation // Problems of law enforcement activity. 2016. № 2.

3. Valiev G. Kh. Activity of the internal affairs bodies of Russia on the protection of human and citizen's rights and freedoms // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2014. № 2.

4. Dmitrakov A. M., Novopavlovskaya E. E., Pereverzev E. A. On the issue of social guarantees for employees of internal affairs agencies and the role of constitutional legal proceedings in their provision // Problems of law enforcement activity. 2016. № 1.

5. Bolgova V. V., Zherebtsova E. E. Forms and means of housing policy in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. Tambov, 2014. № 5-2 (43), part 2.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.326
ББК 67.408

© 2017 г. В. Ю. Казанков,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России.

E-mail: e-mail:kazanbox77@mail.ru

В. В. Плотников,

преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России кандидат философских наук.

E-mail: inkognito13@inbox.ru

ЭКСТРЕМИЗМ КАК АТТРИБУТ И РАЗНОВИДНОСТЬ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ: АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье исследуются формы юридического определения экстремизма, а также ставится вопрос о его статусе в нормативной системе. Анализируются проблемы и противоречия определения экстремизма на международном уровне и в российском законодательстве, раскрывается противоречие между самостоятельным и атрибутивным его рассмотрением.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, общество, социальная деструктивность, право, законодательство.

V. Yu. Kazankov – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

V. V. Plotnikov – Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.

EXTREMISM AS THE ATTRIBUTE AND THE KIND OF WRONGFUL ACT: THE ANALYSIS OF CONTRADICTIONS

In article forms of legal definition of extremism are considered, and also the question of his status in normative system is raised. Problems and contradictions of definition of extremism at the international level and in the Russian legislation are considered, the contradiction between independent and attributive consideration of extremism reveals.

Key words: extremism, terrorism, society, social disruptiveness, law, lawmaking.

Регулирование общественных процессов предполагает выстраивание конструктивного взаимодействия элементов общественной структуры и одновременно с этим противодействия деструктивным процессам, протекающим в обществе. Одним из значимых направлений в данном отношении выступает концептуальное выражение набора социально-деструктивных явлений и их отражение в нормативной сфере. Защитные механизмы общества, связанные с пресечением деструктивной деятельности, опираются на действующее законодательство. Это является тем основанием, которое обуславливает значимость точного и емкого определения социально опасных форм деятельности в качестве

преступных деяний. Фактически общество может организованно бороться с конкретными формами деструктивных процессов лишь при условии, что данные деструктивные явления имеют адекватное выражение на уровне уголовно-процессуального права. Любая неточность в формулировках преступных деяний приводит к негативному результату, который связан либо с чрезмерно широкой трактовкой преступной деятельности, либо с возникновением «лазеек» в законе, в силу чего становится невозможной однозначная квалификация отдельных деструктивных форм социальной активности в качестве преступных.

В основе процесса формирования правовой структуры лежит целеполагание, бази-

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

рующиеся на социальной прагматике. Эффективная нормативная система служит интересам общества и выстраивается в соответствии с ними. Вместе с тем процесс приведения в соответствие нормативной сферы и интересов общества нельзя назвать естественным, он реализуется в меру осознания носителями власти текущих социальных запросов и исходя из сформированной теоретической модели общества. Чем ближе социальная теория к отражению актуального состояния общества и его ведущих проблем, тем шире возможности государства по формированию корректной системы взаимоотношений и, в частности, противодействию негативным процессам и тенденциям. В этом смысле социологический дискурс имеет определяющее значение в процессе законотворчества, поскольку на его уровне происходит выявление социальных приоритетов и сущностное определение наиболее значимых процессов и явлений, выступающих в качестве объекта регулирования. В свою очередь, развитие правовой сферы осуществляется на основе собственной теории и методологии, раскрывающей сущность и специфику нормативного определения социальной сферы. Социальный дискурс определяет содержание нормативной сферы и целеполагание для ее дальнейшего развития, при этом формальный аспект права находится в области юридического знания. Возникновение и актуализация социальных проблем обуславливают необходимость проведения исследовательской деятельности на стыке социального и юридического знания.

Одной из актуальных проблем современного общества является развитие экстремизма. Его формы различны – от частных случаев гражданского неповиновения и негативных выпадов в сторону власти до посягательств на существующую структуру общественных отношений, основанных на идеологических установках, отрицающих отдельные общесоциальные ценности. Не вызывает сомнений деструктивный характер экстремизма, однако его сущность и определение длительное время выступают объектом споров и противоречий. При этом в различных нормативных системах такие социально-деструктивные деяния, как кража или убийство, определяются сходным образом, в то время как трактовки экстремизма совершенно различны, что не позволяет судить о полноте разработанности данной проблемы. Парадок-

сальность ситуации состоит в том, что экстремизм представляет собой одну из наиболее часто поднимаемых проблем как на уровне информационного пространства общества, так и в рамках политической деятельности, и вместе с тем сегодня не существует единой совокупности общих для большинства участников социального взаимодействия критериев определения экстремизма. Причина такого противоречия состоит в том, что речь идет о сложном, достаточно молодом и, несмотря на свою интенсивность и значимость (как фактора, определяющего состояние общества), теоретически неразработанном явлении. Это позволяет вести речь о том, что разработка проблемы экстремизма как на юридическом, так и на уровне социологического дискурса далека от своего завершения.

Обратимся к юридическому определению понятия экстремизма, принятому в Российской Федерации. В действующей редакции Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм рассматривается как совокупность антиобщественных действий, выраженных в таких формах, как:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрационное атрибутики или символики экстремистских организаций;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [1].

Как следует из приведенной дефиниции, на законодательном уровне выражается не столько сущность экстремизма, сколько перечень известных форм его проявления. Проблема в данном случае заключается в том, что такой подход не содержит в себе критериев определения полноты дефиниции. Тем самым речь идет о простом перечислении разновидностей деяний, квалифицируемых в качестве экстремистских, сформированном по факту актуализации отдельных форм экстремизма в обществе. Особенностью подобного подхода является, с одной стороны, удобство в осуществлении квалификации отдельных социально-деструктивных процессов, а с другой – ориентация на выражение сложного явления через отражение различных способов его реализации в социальной среде. Основная проблема в данном случае состоит в том, что фиксация частных форм проявления экстремизма вне его целостного определения не

способствует полноте юридического знания, равно как отсутствие общего организующего принципа ведет к чрезмерно широкой трактовке закона. Так, воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения [1], может являться косвенным результатом иной по своему содержанию социально-деструктивной деятельности, нежели экстремизм (например, хулиганство или побои, осуществляемые публично, но не нацеленные на нарушение государственного строя). В рассматриваемом случае широта определения приводит к неоправданному включению в класс экстремистских явлений широкого круга социальных действий. Другим примером выступает включение в перечень экстремистских действий «публичного демонстрационного нацистской атрибутики или символики» [1], что с необходимостью вводит в число экстремистских материалов исторические фильмы, документальные хроники, учебные пособия и т. д. Особенностью правовой сферы является всеобщность ее распространения, что предполагает необходимость применения закона во всех случаях, предусмотренных существующей нормативной системой. В этом смысле наличие имплицитно подразумеваемых исключений из общего правила представляет собой свидетельство его некорректной формулировки.

Одним из центральных аспектов действующего законодательства является отражение момента мотивации при совершении социальных действий как фактора их квалификации. Данный момент при должной реализации выступает в качестве основания для снятия перечисленных выше противоречий, однако доказательство характера мотивов того или иного социального фактора представляется чрезвычайно проблематичным в силу отсутствия четких критериев внешней оценки. В рассмотренных выше примерах показано, что публичная демонстрация образа нациста в художественной или учебной деятельности не содержит в себе преступного целеполагания, вместе с тем при квалификации причин нарушения общественного порядка в результате хулиганских действий значительно сложнее корректно оценить мотивы субъекта правонарушения. Это является справедливым, например,

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

применительно к квалификации конфликта между представителями различных этнических или религиозных групп, в которых межгрупповые различия могут выступать как причиной конфликта, так и его сопутствующим обстоятельством, не имеющим прямого отношения к существу дела.

Проведенный обзор вскрывает внутреннюю противоречивость и неоднозначность российского законодательства в этой сфере. Вместе с тем анализ международных нормативных актов также свидетельствует об отсутствии общего определяющего принципа квалификации экстремистских действий. Так, в рамках Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом принято следующее определение экстремистской деятельности, характеризующее ее как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [3]. Анализ данного определения свидетельствует о его узости, поскольку сведение экстремизма к наиболее острой форме его проявления – насильственным действиям – оставляет за рамками исследования ряд деструктивных процессов, в частности идеологическую деятельность, способствующую расшатыванию государственного строя. При этом весьма проблематичным является определение направленности деятельности на насильственное посягательство на общественную безопасность, поскольку здесь отсутствует критерий, в соответствии с которым может быть установлена опосредованная взаимосвязь отдельного социального действия и угрозы общественной безопасности.

Одной из основных причин затруднений, возникающих при формулировании дефиниции рассматриваемого понятия является его сложность. Речь идет о классе явлений, имеющих различную природу и форму реализации. Тот факт, что различные по своему характеру действия (например, острый характер межэтнического конфликта или осуществление помех при проведении государственных меро-

приятий) объединяются в общий класс явлений, указывает на существование некоей исходной предпосылки, обуславливающей подобную трактовку экстремизма.

Как отмечает Е. О. Кужьякин, важнейшим признаком экстремизма является деструктивная политическая ориентированность социального действия [2]. Одно из основных отличий экстремистской деятельности от других видов преступлений состоит в том, что преступление ориентировано на выход деятельности за рамки закона, в то время как экстремизм направлен на деформацию общественной структуры, легализацию деструктивных для современного общества форм отношений. В этом смысле одно и то же преступление может быть рассмотрено самостоятельно либо в качестве экстремистского действия в зависимости от его социальной ориентированности. В результате экстремистской может быть признана любая деятельность, направленная на закрепление неправовых отношений (что представляет собой попытку вытеснения государства из его функциональной сферы) либо прямое разрушение политической структуры общества.

На наш взгляд, данный аспект противоречия между характером экстремистской деятельности и нормальным процессом самовоспроизводства политической структуры общества имеет организующее основание, объединяющее класс экстремистских действий. При этом главным фактором является прямое или опосредованное разрушение социально-нормативной структуры общества. Отсюда наиболее правильным представляется определение экстремизма как атрибута илиотячающего обстоятельства при осуществлении той или иной противоправной деятельности.

Следует отметить, что в российской юридической практике отсутствуют некоторые специальные законы, напрямую защищающие конституционный строй общества и определяющих негативные санкции за его нарушение. В этом смысле практика определения экстремистских действий предполагает обобщение всех форм посягательства на конституционные права граждан в качестве фактов экстремизма. Отсюда следует противоречие между рассмотрением экстремизма как сопутствующего аспекта преступлений и их разновидности. Для урегулирования проблемы экстремизма в правовой сфере необходимо учитывать эту двойственность.

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

Литература

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
2. Кубякин Е. О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность: моногр. Краснодар, 2014.
3. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. On Countering Extremist Activity: Federal Law of the Russian Federation of July 25, 2002 № 114-FL. URL: <http://consultant.ru>
2. Kubyakin E. O. Foundations of sociological substantiation of the phenomenon of extremism. Extremes of transparency: monograph. Krasnodar, 2014.
3. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. Р. К. Лавриченко,

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат педагогических наук.
E-mail: gewer-44@mail.ru

А. И. Воскобоев,

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат педагогических наук.
E-mail: alexandrivanich@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются подходы к исследованию теоретико-прикладных проблем безопасности личности (общественного порядка и спокойствия, материальных и духовных ценностей, прав и свобод общественных объединений, их нормальной деятельности и других), предполагающей защиту прав и свобод человека и гражданина. Подчеркивается важность и актуальность решения задач, связанных с обеспечением безопасности личности.

Ключевые слова: принципы обеспечения безопасности, системы обеспечения безопасности личности, методы изучения социальных систем, контент-анализ, гуманитарная безопасность, ресурсы государства и общества, защита прав и свобод человека.

R. K. Lavrichenko – Associate Professor, Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogics.

A. I. Voskoboev – Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogics.
E-mail: alexandrivanich@mail.ru

MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF HUMAN SECURITY

The article analyzes approaches to the study of theoretical and applied problems of personal safety (public order and peace, material and spiritual values, rights and freedoms of public associations, their normal activities and others) involving the protection of the rights and freedoms of man and citizen. Stresses the importance and urgency of tasks related to security of the person.

Key words: the principles of human security, human security systems, the methods of studying social systems, content analysis, humanitarian security, the resources of the state and society, the protection of human rights and freedoms.

Основным условием развития и становления личности является обеспечение ее безопасности. Безопасность в широком смысле слова подразумевает создание комплекса различных условий жизни и деятельности, в которых личность может чувствовать себя полностью защищенной. Безопасность личности выступает одним из основных критериев цивилизованности современного общества. Очевидно, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, составляют фундамент общества и государства. Любое государство должно быть заинтересовано в обеспечении безопасности интересов общества и каждого гражданина в их всестороннем развитии. Как показывает практика, неудовлетворенность личных интересов граждан может привести современное общество

к нестабильному, выходящему из под контроля состоянию, что провоцирует проявление целого ряда таких негативных социальных явлений, как, например, забастовки, рост уровня преступности и проявление неуважения к государству. Сложности построения стабильного и устойчивого общества связаны с безопасностью отдельно взятой личности, возможностями реализации ее прав и свобод. Цивилизованным можно назвать такое общество, в котором созданы эффективно функционирующие механизмы социальной защиты личности, ее интересов, прав и свобод [1].

В современных условиях теория и практика обеспечения безопасности личности требуют поиска новых подходов к ее обеспечению, что связано с появлением целого ряда угроз и опасностей. Сегодня эти подходы

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

должны быть направлены и на исключение локальных вооруженных конфликтов, причиняющих серьезный ущерб здоровью и жизни людей, и на предотвращение широкомасштабной войны, возможность которой активно обсуждается в западных средствах массовой информации. Кроме того, политические и социально-экономические процессы, происходящие в нашем государстве, оказывают прямое влияние на уровень благосостояния человека. В современных подходах к обеспечению безопасности гражданина должен быть сделан акцент на проблемах, связанных с транспортировкой энергоресурсов, глобализацией экономики и политики, политической нестабильностью в том или ином регионе, организованной преступностью и терроризмом, деструктивной деятельностью человека, направленной на разрушение среды его обитания, а также распространением болезней и эпидемий.

Одним из основных принципов обеспечения безопасности в России является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина [2, ст. 2]. Безопасность личности можно рассматривать в контексте соблюдения и защиты прав и свобод человека как существующую между людьми, оказавшимися в опасном положении, а также между обществом и государством сложную, подлежащую регулированию систему отношений. Безопасность личности выражается в обеспечении ее прав и свобод, духовного и интеллектуального развития, сохранения жизни человека и его здоровья, личной безопасности, а также достойного минимума материальных условий существования при устойчивой тенденции к его росту. Иными словами, безопасность личности – это сохранение всех без исключения жизненно важных интересов человека, включенного в социальные отношения. Обеспечение безопасности личности подразумевает использование экономических, силовых, информационных, демографических и социальных ресурсов государства и общества, действующих на установленной правовой основе.

Некоторые ученые, считая категорию безопасности личности гораздо более широкой, чем правовое понятие, рассматривают ее с использованием системного подхода из методологии исследования национальной безопасности. В соответствии с этим подходом каждая система представляет собой совокуп-

ность функциональных и структурных компонентов, взаимодействующих и взаимосвязанных между собой, целью которых выступает решение тех или иных задач.

Так, В. П. Давыдов полагает, что системный подход является методом раскрытия таких всеобщих характеристик объекта, как система, структура и функции:

- система включает в себя множество элементов, находящихся в определенных связях и отношениях друг с другом, образующих устойчивую целостность, единство;

- исследуемая система представляет собой вычлененный элемент глобальной системы более высокого уровня;

- элементы всякой (без исключения) исследуемой системы играют роль подсистемы более низкого порядка;

- система образует некую особую единую структуру, логически связанную с внешней средой.

Исследуемая система обладает общими характеристиками, к которым относятся взаимосвязь со средой, целостность, структурность, множественность описания, иерархичность:

- целостность – особенности подготовки кадров любой системы к совокупности образующих ее частей и невозможность выведения из какого-либо элемента качества подготовки кадров как целого;

- структурность – отношения элементов системы выстраиваются в некую структуру, определяющую функционирование данной системы в целом;

- взаимосвязанность системы со средой, которая может иметь закрытый, не изменяющий среду и систему характер или, наоборот, открытый характер, преобразующий и среду, и систему;

- иерархичность – каждый элемент системы может быть одновременно и элементом данной системы, и включать в себя другую систему;

- множественность описания – каждая система, являясь довольно сложным объектом, в принципе не может быть сведена только к какому-то одному состоянию или отображению, что предусматривает для полного описания системы симбиоз множества разных ее выражений.

Система обеспечения безопасности личности ставит перед собой цель – сформировать механизм, позволяющий вырабатывать

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

стратегию государства и общества в сфере обеспечения безопасности личности. Эта цель реализуется в определенных функциях сил, конкретных органов, институтов по противодействию угрозам жизненно важным интересам общества и гражданина. Для всестороннего изучения данной системы могут использоваться хорошо зарекомендовавшие себя методы изучения социальных систем. Однако нельзя забывать о том, что безопасность личности и подсистемы, включенные в ее структуру, входят в состав особо сложных систем. Поэтому познание системы обеспечения безопасности человека, ее структурных и многофункциональных компонентов (подсистем) должно охватывать большое число различных методов поиска, получения, обработки, исследования, оценки и обобщения данных, полученных опытным путем.

Общее направление исследований и стратегию развития во всех сферах безопасности устанавливают организационные методы. Сравнительный и комплексный методы могут с успехом использоваться для оценки уровня защищенности интересов личности и эффективности безопасности, подготовленности управленцев к деятельности по ее обеспечению.

Метод наблюдения вместе с другими эмпирическими методами можно применять при изучении проблем национальной безопасности и безопасности личности. Он позволяет делать прогнозы совершенствования безопасности в различных сферах жизни, оценивать состояние анализируемых объектов в контексте временного фактора, исследовать динамику возникновения и развития угроз интересам человека и гражданина. При изучении уровней безопасности личности, как правило, используются такие социологические методы, как опрос, анкетирование, интервью. Опрос, или метод сбора первичной информации, позволяет установить мнения экспертов, различных общностей и групп людей по многим проблемам обеспечения безопасности. Так, опросы, проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения, способствовали определению жизненно важных интересов общества и личности в переходный период развития Российского государства. Без всестороннего анализа разнообразных информационных ресурсов, в том числе материалов государственных органов и документов, исследование проблем

обеспечения безопасности личности не представляется возможным. Поэтому анализ содержания, или контент-анализ, как один из передовых методов исследования проблем обеспечения безопасности является крайне необходимым.

Контент-анализ – это метод качественно-количественного изучения документов. Он подразумевает анализ содержания текстовых массивов, поиск, регистрацию и количественную обработку конкретных смысловых единиц, указанных в документе (или в совокупности документов). Затем осуществляется обработка полученных данных в том числе с описанием обнаруженных закономерностей, налаживание взаимосвязи между установленными тенденциями. Контент-анализ проводится в отношении таких объектов, как тексты, кинофильмы, телевизионные программы, аудиозаписи, фотографии, и многих других. Этот метод исследования приобретает сегодня все большую популярность. Контент-анализ активно используется специалистами в области маркетинга, рекламы, юриспруденции, психологии, политологии, библиотековедения, литературоведения и т. д. Данные о методике его проведения представлены в современной литературе и находятся в свободном доступе. Метод контент-анализа открывает большие возможности для исследования безопасности личности.

В настоящее время в российской науке сформирован и получил дальнейшее развитие деятельностный подход. Согласно этому подходу система деятельности представляет собой систему взаимодействия субъекта и среды, в которой он находится, существует и самовыражается. В рамках деятельностного подхода безопасность воспринимается не как состояние наличия безопасности интересов субъекта, а как условия существования субъекта, контролируемые им. Обеспечение безопасности личности – это создание внешних и внутренних условий, при которых могли бы реализовываться ее интересы, решались поставленные задачи. Безопасность личности определяется внутренними и внешними факторами, связанными с самим человеком, например наследственностью и образом жизни. К внешним факторам можно отнести воздействие естественной среды, техносферы, а также производственную деятельность. Таким образом, находиться в безопасности означает находиться в

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

безопасных условиях, которые подлежат полному контролю самой личностью в процессе ее жизнедеятельности.

Следует отметить, что деятельностный подход, как и другие методы исследования безопасности личности, имеет свои сильные и слабые стороны. При этом ряд утверждений относительно субъекта безопасности представляются нам недостаточно убедительными. Одни исследователи считают общество, государство и личность не относящимися к субъектам безопасности. Другие – напротив, настаивают на том, что общество, государство и личность в контексте теории безопасности не могут являться ни субъектами, ни объектами. Главным этапом в изучении проблем безопасности личности является не только установление субъектов и объектов деятельности, но и условий данной деятельности. Вместе с тем выбор не субъекта, а объекта определяет содержание деятельности по обеспечению его безопасности.

В соответствии с теорией безопасности основной задачей субъекта и объекта становится выживание и самосохранение, а не самовоспроизводство и самореализация как локальные способы самовыживания. Они не должны абсолютизироваться. Самореализация может состоять не только в воплощении в реальности субъектом своего индивидуального потенциала и самовоспроизводстве, но и, при определенных условиях, в самопожертвовании.

При этом можно поспорить с утверждением о том, что обеспечение безопасности – это процесс создания подходящих условий деятельности, поскольку субъект в действительности взаимодействует не с условиями, а с экстремальной внешней средой. Ценностью деятельностного подхода является изучение надежных, благоприятных условий безопасности личности. Это позволяет отличать официально установленные условия обеспечения безопасности личности от субъективного представления субъекта о комплексе условий как безопасных, контролируемых им самим и узаконивающих официально установленные правоотношения.

Проблема безопасности личности и направленность угроз в современных условиях имеют особую важность и специфичность. В процессе формирования гуманистического общества, в основу которого положены либеральные взгляды на широкий спектр жизненных

процессов и, таким образом, права, свободы и защищенность личности, проблемы личной безопасности приобретают первостепенное значение. Поэтому они должны быть теоретически осмыслены, идеологически обоснованы и главное – практически реализованы [3].

Однако создание правопорядка и законности в государственных масштабах невозможно без легитимации новых правовых отношений между самими гражданами. Данный процесс осуществляется в соответствии с национальными социокультурными принципами развития, анализа результативности действия всей сложившейся правовой системы по обеспечению социальной и личной безопасности.

Указанные нами подходы и методы позволяют в полном объеме исследовать проблему безопасности личности, предметная область которой отражает задачи обеспечения национальной безопасности в целом, так как безопасность личности является важнейшей компонентой национальной безопасности, то есть безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Сегодня национальная безопасность зависит не только от умений и способностей вооруженных сил отражать внешнюю угрозу, но и от совокупности экономических факторов, конкурентоспособности страны на международной арене и, далеко не в последнюю очередь, от благосостояния каждого гражданина. Требуют глубокого анализа и процессы глобализации, ведущие к качественным изменениям всех сфер общественной жизни – духовной, социальной, экономической и политической. Гражданское общество представляет собой основную опору реальной демократии, поскольку благоприятствует ее построению, служит гарантом укрепления и сохранения. Гражданское общество выступает как посредник между государством и личностью, выполняющий функцию согласования общественных и частных интересов, основным противником движения государства в сторону тоталитаризма, оно защищает общество от любых перегибов со стороны государственной власти, противодействует нарушению прав человека. В связи с вышесказанным гражданское общество в обеспечении национальной безопасности имеет определяющее значение [4].

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

В современном мире функции глобально-гражданского общества находятся в единстве с его сущностными характеристиками. Это, в первую очередь, провозглашение интересов различных слоев населения, формирующихся под влиянием глобализации. Речь идет об интересах мировой общественности, обеспокоенной катастрофической ситуацией на планете с разрушающейся экологией; жителей беднейших стран мира, страдающих от бедности, болезней и голода; людей, чьи права и свободы притесняются властями, последствиями ядерной гонки вооружений, угрозой международного терроризма и нависшей над планетой угрозой новой мировой войны.

Институты глобального гражданского общества выполняют важную функцию по формированию общественного мнения и координации глобальных, региональных и национальных интересов. Все это они способны делать уже сегодня при помощи просветительской деятельности, влияния через средства массовой информации на понимание политики национальных правительств различных государств и межгосударственных организаций посредством пропаганды определенных образцов культуры и ценностей [5].

Современный мир становится все более динамичным, неопределенным и нестабильным. Сформировавшиеся модели социального миропорядка претерпевают значительные изменения практически на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности гражданского общества. Все чаще мы слышим об угрозах личности, гуманитарных операциях в том или ином государстве мира, о гуманитарных

катастрофах. Данные тенденции усиливают процессы глобализации путем разрушения ряда социальных систем, например Советского Союза, названного Президентом Российской Федерации В. В. Путиным самой страшной геополитической катастрофой XX века. При этом наблюдается ярко выраженное противоречие: чем больше западные средства массовой информации говорят о безопасности, тем меньше этой безопасности становится в мире и остается возможностей для ее реализации. Под термином «гуманитарная безопасность» нередко маскируется прямое вторжение иностранных государств во внутренние дела независимых стран. В то же время сам человек является всего лишь средством реализации социальными субъектами глобальных социально-экономических, политических и духовно-нравственных программ [6].

Повсеместная декларация прав человека без взаимосвязи с обязанностями и их использование в роли всестороннего регулятора общественных отношений почти всегда ведут к уничтожению социальных систем, которые выступают средой и основным условием существования человека. Ярким примером этого служат события, прямо связанные с так называемыми «цветными революциями» и гражданскими столкновениями в Ливии, Сирии, на Ближнем Востоке и, конечно, на Украине. Подобные «поползновения», но в меньших масштабах наблюдаются и в современном российском обществе. Остается только надеяться на разумность и адекватность действий как со стороны гражданского общества, так и со стороны представителей государственной власти.

Литература

1. Скрябина Н. Ю. Социально-аксиологические потенциалы системы непрерывного образования в перспективе развития современного общества // Образование. Наука. Инновации: южное измерение. 2012. № 6 (26).
2. О безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. от 05.10.2015). URL: <http://consultant.ru>
3. Сухорукова Л. М. Современные международные инициативы и глобальные тенденции в стратегическом управлении развитием систем непрерывного образования // образо-

Bibliography

1. Scriabina N. Yu. Socio-axiological potentials of the system of continuous education in the perspective of modern society // Education. Science. Innovation: south dimension. 2012. № 6 (26).
2. About Security: Federal Law of the Russian Federation dated 28.12.2010 № 390-FL (the edition dated 05.10.2015). URL: <http://consultant.ru>
3. Sukhorukova L. M. Modern international initiatives and global trends in strategic management and continuous education // Education. Science. Innovation: south dimension. 2011. № 5 (20).
4. Gurba V. N., Sukhorukova L. M. State and

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

вание. Наука. Инновации: южное измерение. 2011. № 5 (20).

4. Гурба В. Н., Сухорукова Л. М. Государственное и международное управление непрерывным образованием и развитием управленческих и педагогических кадров для реализации безопасности и устойчивости образовательной, социокультурной и гуманитарной сфер: основные идеи проекта // Вестн. непрерывного образования. 2008. № 1, 2.

5. Власова В. Н. Новая культура обучения как направление непрерывного образования // Вопросы международного сотрудничества в образовании Южного региона. 2013. № 1.

6. Маслова М. В. Риски гуманитарной безопасности российского общества // Педагогическое образование и наука. 2012. № 2.

international management continuing education and development of administrative and teaching staff for the implementation of the security and stability of the educational, social, cultural and humanitarian spheres, the basic idea of the project // Journal of Continuing Education. 2008. № 1, 2.

5. Vlasova V. N. A new culture of learning as the direction of continuing education // Problems of International Cooperation in Education of the Southern region. 2013. № 1.

6. Maslov M. V. Risks of human security of the Russian society // Teacher Education and Science. 2012. № 2.

© 2017 г. К. В. Чилькина,

доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: BaryshkovaK@Rambler.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ГЕРМАНИИ

В статье рассматривается процесс взаимодействия благотворительных организаций в Германии и законодательных органов. Анализируются правовые основы такого взаимодействия. Обосновывается мнение о том, что благотворительные союзы традиционно входили в круг лиц, содействующих развитию социального права и социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, история Германии, социальная политика, законодательный процесс, благотворительные союзы ФРГ, политический лоббизм, группы интересов.

K. V. Chilkina – Associate Professor, Department of History of State and Law, the Saratov State Law Academy, PhD in Law, Associate Professor.

CHARITABLE ORGANIZATIONS AND THE LEGISLATIVE PROCESS IN GERMANY

The article discusses the process of interaction between charitable organizations in Germany and legislative bodies. The legal basis of this interaction is analyzed. The author substantiates the opinion that charitable unions have traditionally been included in the circle of persons who promote the development of social law and social state.

Key words: social state, history of Germany, social policy, legislative process, FRG welfare associations, political lobbyism, interest groups.

Один из элементов естественного пути развития социального государства (кроме естественного, можно вести речь еще о протестном) – взаимосвязь законодательных органов Германии XIX–XX веков и благотворительных организаций. Лица, входящие в состав благотворительных организаций, а также выступающие их учредителями и (или) руководителями, одновременно являются членами законодательных собраний различных уровней. Данные традиции берут свое начало в первой половине XIX века.

Создававшиеся в этот период благотворительные организации являлись малочисленными. В качестве показательного можно привести следующий пример. В 1848 году немецкий теолог и социальный педагог Иоганн Вихерн основал евангелистское общество «Внутренняя миссия» – благотворительную организацию протестантской церкви, оказывавшую различную помощь бедным. В связи с тем, что в середине XIX века бродяжничество преследовалось по закону, И. Вихерн был привлечен к участию в работе ведомства исполнения наказаний. Таким образом, первые

организационные мероприятия в этой сфере, хотя и осуществлялись по инициативе частных лиц, являлись востребованными и совпадали с государственными интересами в деле организации трудовых колоний, станций оказания помощи нуждающимся и т. д.

Католиками в г. Аахен в мае 1880 года был образован Союз благополучия рабочих (Verein Arbeiterwohl), основная деятельность которого сосредоточивалась в социально-политической сфере, а именно в области внутривозводской социальной политики. Данный союз поддерживал партию «Центр» и процесс распространения социально-католических союзов, в частности организаций рабочих-католиков. Союз благополучия рабочих ежегодно проводил общее собрание, его участниками являлись представители правительства, парламентарии. К концу XIX столетия эта организация выполнила свою первоначальную задачу, направленную на поддержку рабочего христианского движения, и была преобразована в Союз социальной культуры и общественного призрения, решавший общие проблемы социальной политики. С утверждени-

ем Веймарской республики данный союз потерял свое прежнее значение и в 1928 году самоликвидировался. Вплоть до 1928 года Союз издавал ряд газет и журналов, публиковавших на своих страницах статьи по проблемам социальной политики и рабочего движения (с 1881 года – журнал «Благо рабочего» (*Arbeiterwohl*), с 1905 года – «Социальная культура» (*Soziale Kulture*). Генеральным секретарем союза с 1880 по 1921 год являлся Франц Хитце – католический теолог профессор университета г. Мюнстер, с 1882 года по 1912 год – член прусской палаты депутатов, с 1884 по 1921 год – член имперского рейхстага, партии «Центр» [1]. Таким образом, без прямого отношения к законодательному процессу в рамках деятельности союза проходили апробацию идеи социального благополучия, в дальнейшем получавшие законодательное закрепление. Уже в XIX веке, до образования демократического государства, в условиях конституционной монархии в Германии успешно действовал ряд благотворительных организаций, представители которых являлись и членами политических партий или законодательных собраний различного уровня.

С образованием Веймарской республики цель общественных организаций, занимавшихся разработкой политических требований и программ, была достигнута – веймарская конституция предоставила населению всеобщее избирательное право, при этом косвенно фиксировался принцип социального государства. Кроме того, в Веймарской республике появилось шесть благотворительных союзов, которые до сих пор составляют основу негосударственной системы оказания помощи нуждающимся в Федеративной Республике Германия. Данные союзы сегодня составляют ядро системы социальной поддержки в ФРГ, являются независимыми зарегистрированными союзами общей пользы. Их деятельность финансируется более чем на 90 % из федерального бюджета (фондов социального страхования), включает в себя социальную работу, участие в проектировании социального законодательства, реализации социальной политики.

К числу таких союзов относились Немецкий равноправный союз общего блага (*Der Deutsche Paritätische Wohlfahrtsverband*), «Благосостояние рабочего» (*Arbeiterwohlfahrt*), Немецкий благотворительный союз (католики, *Deutsche Caritasverband*), Немецкий красный

крест (*Deutsche Rote Kreuz*), Центральное бюро благосостояния евреев (*Zentralwohlfahrtsstelle der Juden in Deutschland*), Благотворительная организация евангелической церкви (*Diakonie Deutschland im Evangelischen Werk für Diakonie und Entwicklung*). Каждый из этих союзов в своем составе имеет многочисленные территориальные образования, реализующие их задачи на местном уровне. В российской специальной литературе описан правовой статус указанных организаций, являющихся общественными [2].

В ФРГ благотворительные организации действуют на основании права союзов – правового института, представляющего собой совокупность правовых норм Гражданского кодекса Германии 1900 года, ст. 9 Основного закона ФРГ 1949 года о свободе собраний, отдельных статей Налогового кодекса ФРГ. Никакие другие правовые нормы, уточняющие специфику деятельности благотворительных организаций, в ФРГ не предусмотрены. Благотворительные союзы и иные общественные организации являются эффективно действующими лоббистскими организациями в интересах общего блага и описываются в научной литературе как группы интересов.

Деятельность каждой из этих организаций в большей или меньшей степени имеет отношение к законодательному процессу в ФРГ. Так, Союз благосостояния рабочего был образован в декабре 1919 года членом Национального собрания Веймарской республики Марией Ючак (*Marie Juchacz*) и считался главным комитетом благосостояния рабочих в социал-демократической партии. Его изначальной целью выступала помощь пострадавшим в Первой мировой войне. Позднее союз стал заниматься всеми социальными проблемами нуждающихся. В период национал-социалистического режима данный союз прекратил свое существование. Новый этап его деятельности начался в 1946 году в Ганновере в качестве партийно-политической и профессионально независимого союза. В Германской Демократической Республике деятельность союза снова оказалась под запретом, и только в 1990 году по инициативе Вальтера Кнауера, члена Баварского ландтага – социал-демократической партии, он снова был восстановлен.

Другой благотворительной организацией является Социальный союз Германии, по правовой форме зарегистрированный союз,

действующий в целях общей пользы. Согласно уставу организации это союз социально-политических интересов. В законодательстве Германии отсутствует понятие «союз интересов», однако в последнее десятилетие оно активно разрабатывается немецкими исследователями. Под союзом интересов предлагается понимать длящееся по времени объединение лиц, которые хотят влиять на формирование политической воли и проведение государственной политики [3]. В словарях группы интересов трактуются как совместное объединение лиц для достижения политических или общественных целей [4]. Эти союзы оказывают содействие в разработке законодательства, их деятельность можно обозначить как лоббизм. Одним из первых авторов, которые занимались исследованием групп интересов еще в 70-х годах XX века, был Эрнст Френкель [5]. К числу специалистов, занимающихся проблемой участия групп интересов в процессе формирования политической воли, относятся Артур Бенгли, Давид Трумен, Роберт Даль. В ФРГ в последнее время актуальность исследования групп интересов связана с представительством интересов на уровне Европейского союза. В этом плане необходимо отметить работу Джулиен Арно «Содействие частных групп интересов выработке европейского законодательства» [6].

Согласно уставу Социальный союз представляет собой социальную, гуманитарную, социально-политическую организацию, которая признает себя сторонником демократического и социального правового государства (§ 2 п. 2) и выступает одним из высших союзов частной благотворительной помощи (§ 2 п. 3) [7]. Его задачами являются: оказание помощи престарелым, лицам с ограничениями, членам семьи умершего, лицам – участникам войны или пострадавшим во время исполнения воинской службы, жертвам насильственных действий, семьям, родителям-одиночкам, детям и подросткам; содействие уравниванию в правах мужчин и женщин; поддержка системы благотворительности; помощь в реализации гражданских инициатив в интересах общепользовательных целей и другие.

При участии союза осуществлялась разработка таких нормативных правовых актов, как Закон об обеспечении от 12.05.1920 (1918–1920), Закон о занятости лиц с тяжелыми формами увечья в редакции от 12.01.1923 (1919–

1923), с 1920 по 1929 год – содействие в дальнейшем развитии Закона об обеспечении. С 1933 по 1946 год деятельность союза была прекращена национал-социалистами. Однако, как отметила федеральный канцлер Германии А. Меркель, поздравляя руководство организации со столетним юбилеем, идея помощи нуждающимся сохранилась [8].

С 1949 года Союз снова был задействован в проектировании законодательства. В частности, в 49–50 годах разрабатывался проект Закона об обеспечении жертв войны, который вступил в силу 01.02.1950. С 1950 года по настоящее время Социальный союз Германии принимает участие в разработке законодательства в сфере обеспечения инвалидов, пенсионеров, жертв войны [9]. По мнению А. Меркель, осмысленная социальная политика начинается в организациях Социального союза Германии на различных уровнях. Как указывают специалисты, сегодня стоит новый социальный вопрос – о включенности многих людей, не имеющих работы, в общество [10]. Актуальные вопросы обеспечения молодежи работой, обеспечения всех этапов образования людей с ограничениями здоровья, ухода за пожилыми людьми и другие обозначены в национальной программе реформ в ФРГ 2017 года. Федеральный канцлер выразила надежду и в дальнейшем решать эти актуальные вопросы социальной политики с участием такого компетентного коллеги, как Социальный союз Германии [11].

К числу форм взаимодействия Общественного союза Германии и законодательных органов ФРГ можно отнести и критические замечания, касающиеся проекта закона, выраженные и представленные законодательным органам в письмах. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в январе 2016 года Общественная ассоциация Германии критиковала запланированную реформу центра занятости [12]. Критика и соображения руководства союза нашли отражение в письме федеральному канцлеру. Кабинет министров во главе с министром труда и социальной политики ФРГ Андреа Налес сообщила, что планируемый закон снизит нагрузку на центр занятости, испытываемую в связи с многочисленными беженцами, а пересчитанные денежные средства, заложенные в бюджете, позволят выплачивать пособия еще в течение какого-то времени [13]. В апреле 2017 года представители нескольких общественных ассоциаций в сфе-

ре защиты детства и юношества, таких как Паритетный общий союз (*Paritätischer Gesamtverband*), Федеральный союз защиты детей (*Deutscher Kinderschutzbund Bundesverband*), центры защиты детей, Организация по оказанию помощи детям Германии (*Deutsches Kinderhilfswerk e.V.*), Международное общество помощи по воспитанию (*Internationale Gesellschaft für erzieherische Hilfen*), в официальном сообщении в прессе высказали свои критические замечания в адрес планируемой реформы, направленной на передачу компетенции по принятию и обеспечению детей и подростков-беженцев с федерального уровня на уровень земель. Эта реформа была названа представителями данных союзов дискриминацией несовершеннолетних беженцев без сопровождения [14].

В настоящее время связи общественных ассоциаций и законодательных органов не регламентируются законом, однако лица, наделенные законодательной инициативой, в бундестаге часто ссылаются на общественные ассоциации как на активных участников процесса решения социальных проблем. Например, Андреа Налес в речи перед бундестагом 24 ноября 2016 года в Берлине при обсуждении законопроекта о государственном бюджете акцентировала внимание на проблемах занятости населения, увеличения рабочего времени и в рамках указанных вопросов – на проблемах занятости лиц с ограничениями, призвав не только государственные учреждения, но и учреждения гражданского общества (предприятия, ремесленные и торговые палаты, общественные ассоциации) активно участвовать в их решении.

Анализ истории развития социального государства в Германии позволяет констатировать, что для немецкой политики характерными являются традиции использования нерегламентированных законодательством форм участия общественных некоммерческих организаций в выработке политических решений. Современные исследователи также указывают на необходимость дополнения в будущем набора традиционных форм политической деятельности в партиях и парламентах деятельностью различных гражданских инициатив, рабочих групп по проведению референдумов, круглыми столами, на которых рассматриваются конкретные вопросы, касающиеся жизни общин [15, с. 54]. На уровне специальных научных проектов предлагаются кон-

цепции расширения средств, называемых социальными инвестициями, различных форм личных вкладов в общее благо. При этом постулируется равнозначность всех форм участия в создании всеобщего благополучия, в частности работы союзов и фондов, пожертвований, добровольной активной гражданской службы, социального предпринимательства. Отмечается необходимость выделения в качестве самостоятельной научной практически значимой темы такое понятие, как «действия частного лица в целях общего блага».

Как показывает анализ взаимодействия благотворительных организаций и законодательных органов ФРГ, в процессе проектирования и принятия социального законодательства эти связи прямо не регламентированы законодательством. В немецкой специальной литературе только за последние двадцать лет активизировался процесс выработки теоретических понятий, отражающих положение и задачи благотворительных союзов. В основном члены законодательных собраний входят в состав благотворительных организаций и знакомы со спецификой их работы и нуждами, являются трансляторами интересов социальных групп, нуждающихся в поддержке и защите.

Кроме того, благотворительные организации используют все доступные средства (переписку с законодательными учреждениями, заявления в прессе и другие) для того, чтобы высказать им свою позицию (часто – критическую) относительно проектируемого закона. В свою очередь, органы власти открыты для критики и стараются посредством конструктивного диалога решить многочисленные государственные проблемы.

Следует отметить, что в Российской Федерации ситуация, связанная с законодательным урегулированием деятельности благотворительных организаций, представляется более благоприятной, чем в ФРГ. Наряду с традиционными правовыми нормами, касающимися деятельности данных организаций (Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ), действуют федеральные законы от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [17], от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [18], о благотворительных организациях того или иного региона, а также ряд законов, действующих на местном уровне. В отдельных регио-

нах общественным организациям предоставлено право законодательной инициативы [19, с. 48]. В последнее время наблюдается рост численности благотворительных организаций (например, согласно данным Минюста России, по состоянию на август 2008 года в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций содержатся сведения о 1 923 благотворительных НКО Москвы, в их числе 770 – некоммерческих организаций, 1 153 – общественных объединений. Вместе с тем, по сведениям Мосгорстата, количество НКО благотворительной направленности в Москве составляет примерно 4 500), которые используют те же средства лоббирования, что и ФРГ: письменные обращения в органы власти, воздействие через аппарат государственных органов, средства массовой информации, участие в принятии законодательных инициатив, контроль за деятельностью государственных органов, апелляция к общественному мнению и другие.

Однако специалисты полагают, что интересы общественных организаций еще в недостаточной мере представлены в законодательном процессе по причине неурегулированности вопроса об этих связях в действующем законодательстве. Как отмечает Т. Д. Карлина, «на сегодняшний день представление интересов общественными объединениями через лоббирующие структуры невозможно, поскольку законодательно этот вопрос не урегулирован» [20, с. 48]. Исследователи называют и другие причины исключения благотворительных организаций из процесса формирования политической воли. Сюда можно отнести и тяжелую экономическую ситуацию в стране (как показывает анализ доходов жителей Тюменской области, которая не является дотационной), недоверие населения к частному сектору в вопросах социального обеспечения, проблемы реализации механизма налогообложения в Российской Федерации.

Литература

1. Официальный сайт федерального архива ФРГ. URL: <http://www.bundesarchiv.de/foxpublic/151A29670A06221200000000E6CEA41A/findmittelinfo.html>

2. Давлетшина Р. Р. Правовое положение институтов гражданского общества в Германии // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 4.

3. Шойт-Ветшки Э. Союзы интересов и государство, Дармштадт (Schuett-Wetschky E. Interessenverbände und Staat, Darmstadt 1997). URL: duden.de/rechtschreibung/Interessengruppe

4. Fraenkel Ernst: Reformismus und Pluralismus. Hamburg, 1973.

5. Arnaud J. Die Mitwirkung privater Interessengruppen an der europäischen Gesetzgebung. Hochschulschrift Zugl.: Saarbrücken, Univ., Diss., 2008.

6. Satzung des Sozialverband Deutschland e.V. – Bundesverband in der auf der Bundesverbandstagung vom 07/08.11.2015 beschlossenen Fassung, eingetragen am 14.03.2016 beim Amtsgericht Charlottenburg (VR 20029 B). URL: <https://sovd.de/fileadmin/downloads/presse/satzung.pdf>

7. Речь Федерального канцлера ФРГ А. Меркель в рамках празднования столетия образования Общественной ассоциации Германии от 23 мая 2017 года в Берлине (Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen des Festakts «100 Jahre Sozialverband Deutschland» am 23. Mai 2017 in Berlin). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2017/05/2017-05-23-rede-bk-sovd.html>

Bibliography

1. Official site of the Federal Archive of Germany. URL: <http://www.bundesarchiv.de/foxpublic/151A29670A06221200000000E6CEA41A/findmittelinfo.html>

2. Davletshina R. R. The legal status of civil society institutions in Germany // Bulletin of the Bashkir University. 2012. T. 17, № 4.

3. Shoyt-Veshka E. Union of interests and the state, Darmstadt (Schuett-Wetschky E. Interessenverbände und Staat, Darmstadt 1997). URL: duden.de/rechtschreibung/Interessengruppe

4. Fraenkel Ernst: Reformismus und Pluralismus. Hamburg, 1973.

5. Arnaud J. Die Mitwirkung privater Interessengruppen an der europäischen Gesetzgebung / Julien Arnaud. Hochschulschrift Zugl.: Saarbrücken, Univ., Diss., 2008.

6. Satzung des Sozialverband Deutschland e.V. – Bundesverband in der auf der Bundesverbandstagung vom 07/08.11.2015 beschlossenen Fassung, eingetragen am 14.03.2016 beim Amtsgericht Charlottenburg (VR 20029 B). URL: <https://sovd.de/fileadmin/downloads/presse/satzung.pdf>

7. Speech of the Federal Chancellor of Germany A. Merkel as part of the celebration of the centenary of the formation of the Public Association of Germany on 23 May 2017 in Berlin (Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen des Festakts «100 Jahre Sozialverband Deutschland» am 23. Mai 2017 in Berlin). URL: <https://bundesregierung.de/Content/>

8. Информация официального сайта Общественного союза Германии. URL: <https://sovd.de/index.php?id=geschichte>
9. Любин В. П., Матсонашвили Т. Н. Гражданское общество в Германии: научный и политический дискурс // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 2.
10. Речь Федерального канцлера ФРГ А. Меркель в рамках празднования столетия образования Общественного союза Германии от 23 мая 2017 года в Берлине (Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen des Festakts «100 Jahre Sozialverband Deutschland» am 23 Mai 2017 in Berlin). URL: <https://bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2017/05/2017-05-23-rede-bk-sovd.html>
11. Sozialverband kritisiert geplante Jobcenter-Reform. URL: <http://zeit.de/politik/.../2016.../sozialverband-jobcenter-reform-andrea-nahles>
12. Sozialverband kritisiert geplante Jobcenter-Reform. URL: <http://zeit.de/politik/.../2016.../sozialverband-jobcenter-reform-andrea-nahles>
13. Gesetzesänderung in Kinder- und Jugendhilfe: Sozialverbände und Organisationen kritisieren Pläne der Bundesregierung als «Diskriminierung unbegleiteter minderjähriger Flüchtlinge». URL: <http://presseportal.de/pm/53407/3610393>
14. Rede der Bundesministerin für Arbeit und Soziales, Andrea Nahles, zum Haushaltsgesetz 2017 vor dem Deutschen Bundestag am 24 November 2016 in Berlin. URL: <https://bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2016/11/139-2-bmas-bt.html>
15. Социальные инвестиции: Междисциплинарные перспективы / Helmut K. Anheier ... (Hrsg.) 1. Aufl. Wiesbaden, 2012.
16. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федер. закон Рос. Федерации от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ // Рос. газ. 1995. № 159.
17. Об общественных объединениях: Федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Рос. газ. 1995. № 100.
18. Кулакова О. С., Новикова Н. А. Комментарий к Федеральному закону от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: <http://pravo-zoozahita.ru/kommentarij-k-zakonu-o-blagotvoritelnoj-deyatelnosti-i-blagotvoritelnykh-organizacijakh/>
19. Численность благотворительных организаций и их организационно-правовые формы. URL: <http://mosblago.ru/articles/show-93.htm>
20. Михеева Е. М., Пешкова Н. Н. Статус благотворительной организации в структуре региона. Тюмень, 2012.
- DE/Rede/2017/05/2017-05-23-rede-bk-sovd.html
8. Information of the official website of the Public Union of Germany. URL: <https://sovd.de/index.php?id=geschichte>
9. Lubin V. P., Matsonashvili T. N. Civil Society in Germany: Scientific and Political Discourse // Actual problems of Europe. 2003. № 2.
10. Speech of the Federal Chancellor of Germany A. Merkel as part of the celebration of the centenary of the formation of the Public Union of Germany on 23 May 2017 in Berlin (Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen des Festakts «100 Jahre Sozialverband Deutschland» of 23 Mai 2017 in Berlin). URL: <https://bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2017/05/2017-05-23-rede-bk-sovd.html>
11. Sozialverband kritisiert geplante Jobcenter-Reform. URL: <http://zeit.de/politik/.../2016.../sozialverband-jobcenter-reform-andrea-nahles>
12. Sozialverband kritisiert geplante Jobcenter-Reform. URL: <http://zeit.de/politik/.../2016.../sozialverband-jobcenter-reform-andrea-nahles>
13. Gesetzesänderung in Kinder- und Jugendhilfe: Sozialverbände und Organisationen kritisieren Pläne der Bundesregierung als «Diskriminierung unbegleiteter minderjähriger Flüchtlinge». URL: <http://presseportal.de/pm/53407/3610393>
14. Rede der Bundesministerin für Arbeit und Soziales, Andrea Nahles, zum Haushaltsgesetz 2017 vor dem Deutschen Bundestag am 24 November 2016 in Berlin. URL: <https://bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2016/11/139-2-bmas-bt.html>
15. Soziale Investitionen: Interdisziplinäre Perspektiven / Helmut K. Anheier ... (Hrsg.) 1. Aufl. Wiesbaden, 2012.
16. On Charitable Activities and Charitable Organizations: Federal Law of the Russian Federation of August 11, 1995 № 135-FL // Russian newspaper. 1995. № 159.
17. On Public Associations: Federal Law of the Russian Federation of May 19, 1995 № 82-FL // Russian newspaper. 1995. May 25. № 100.
18. Kulakova O. S., Novikova N. A. Commentary to the federal law of 11.08.1995 №135-F «On charitable activities and charitable organizations». URL: <http://pravo-zoozahita.ru/kommentarij-k-zakonu-o-blagotvoritelnoj-deyatelnosti-i-blagotvoritelnykh-organizacijakh/>
19. Number of charitable organizations and their organizational and legal forms. URL: <http://www.mosblago.ru/articles/show-93.htm>
20. Mikheeva E. M., Peshkova N. N. The status of a charitable organization in the structure of the region. Tyumen, 2012.

© 2017 г. А. А. Тит,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.
E-mail: tsitalex@tut.by

К ВОПРОСУ ОБ ИНИЦИИИ ПРОЦЕДУРЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируется уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь об условно-досрочном освобождении. Рассматривается круг субъектов, имеющих право инициировать начало процедуры этого вида освобождения от наказания. Высказаны предложения по совершенствованию данной процедуры.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, исправление, субъект инициации процедуры условно-досрочного освобождения, освобождение от наказания, право осужденного, исправление осужденного.

A. A. Tit – Adjunct, Scientific and Pedagogical Faculty, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

TO THE QUESTION ABOUT INITIATION OF THE CONDITIONAL RELEASE PROCEDURE FROM PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus on parole. Examines the circle of subjects entitled to initiate the procedure, this type of exemption from punishment. Suggestions for improving this procedure.

Key words: parole, correction, the subject of the initiation of the procedure of release on parole, release from punishment, the right of a convict, correction of the convict.

Условно-досрочное освобождение от наказания (далее – УДО) – это процесс, состоящий из ряда последовательных этапов, одним из которых является принятие решения уполномоченным органом об освобождении осужденного условно-досрочно. Характерная черта уголовного законодательства России и Беларуси заключается в том, что решение об условно-досрочном освобождении принимается судом. Вместе с тем в уголовных законодательствах союзного государства существуют и определенные отличия, в частности субъекты имеют право инициировать начало процедуры подобного освобождения. Правильное установление и закрепление в законе субъекта этого инициирования оказывает существенное влияние как на поведение осужденного в процессе отбывания наказания, так и на достижение целей наказания, установленных в уголовном законодательстве. В настоящее время в соответствии с частью 1 статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации инициировать процедуру УДО может осужденный, который после отбывания срока наказания, указанного в части 3, 5 статьи 79 Уголовного кодекса РФ,

вправе обратиться в суд с таким ходатайством. Роль администрации исправительного учреждения сводится в данном случае к доведению до осужденного информации о сроке наказания, который необходимо ему отбыть для получения права обратиться в суд с ходатайством о применении данного вида освобождения от отбывания наказания, а в случае подачи ходатайства – составить характеристику на осужденного и вместе с ходатайством направить эти документы в суд. Следует отметить, что право осужденного ходатайствовать об УДО вытекает из провозглашенного ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации положения: «Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания». Для разъяснения вышеуказанного конституционного положения вынесено постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-ис-

полнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. А. Кизимова» [1], в соответствии с которым «реализация конституционного права осужденного просить о смягчении наказания, охватывающая и решение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, в том числе в отношении лица, находящегося в следственном изоляторе в связи с привлечением к уголовной ответственности по другому делу, предполагает обязанность государства обеспечить рассмотрение судом соответствующего обращения осужденного на основе состязательности и равноправия сторон. При этом законодатель вправе предусмотреть особенности процедуры решения вопроса о применении условно-досрочного освобождения в отношении таких осужденных, обеспечивая с учетом настоящего Постановления их конституционное право просить о смягчении назначенного наказания» [1]. Таким образом, мы видим сформированную позицию Конституционного Суда РФ о закреплении права осужденного ходатайствовать об УДО напрямую в суд для смягчения наказания. В данном случае интерес представляет оговорка о возможности установления законодателем особенности процедуры решения вопроса о применении УДО.

В законодательстве Республики Беларусь не предусмотрено право осужденного в процессе отбывания наказания просить о его смягчении. В соответствии с частью 1 статьи 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь процедуру УДО инициирует администрация исправительного учреждения или органа, в котором отбывает наказание осужденный. В этой ситуации на администрации органа, исполняющего наказание, лежит обязанность при наступлении сроков, указанных в части 3 статьи 90 Уголовного кодекса РБ, в месячный срок провести аттестационную комиссию на предмет соответствия осужденного достижению необходимой степени исправления для решения вопроса об УДО. В отличие от Российской Федерации, уголовное законодательство Республики Беларусь не предусматривает самостоятельного обращения осужденного не только в суд, но и в администрацию исправительного учреждения для инициирования рассмотрения вопроса об УДО. Более того, при решении данного вопроса осужденный не имеет права давать свое согласие или, наоборот, несогласие на применение в отношении него данной

меры досрочного освобождения от отбывания наказания. Как показывает анализ, в уголовном законодательстве Беларуси сделан акцент на доминирующей роли органов, исполняющих наказание, в определении правового статуса осужденных. В этом случае правовое положение осужденного можно обозначить как «правовую несамостоятельность», обусловленную таким положением администрации органа, исполняющего наказание.

Безусловно, интерес с научной точки зрения представляет выяснение того, какой из данных подходов эффективнее как элемент уголовной политики государства. Как представляется, вопрос о приоритете компетенции инициирования УДО выступает важным элементом его реализации, обеспечивающим эффективное достижение целей наказания. С одной стороны, право осужденного самому принимать решение о направлении в суд ходатайства об условно-досрочном освобождении позволяет ему нести ответственность за свой правовой статус, выражающийся в возможности самостоятельно определять время нахождения в исправительном учреждении при наступлении минимально необходимых сроков для УДО. С другой стороны, право самому определять момент подачи ходатайства нивелирует авторитет и педагогическое влияние администрации мест лишения свободы [5, с. 31; 6, с. 31; 7, с. 94–95], давая возможность осуществлять подачу ходатайства об УДО любому осужденному независимо от его поведения в исправительном учреждении, наличия непогашенных взысканий, а также достижения целей наказания.

Представленная позиция находит отражение и в научном сообществе, в котором обоснованно поднимается проблема правового положения администрации исправительного учреждения в процессе разрешения вопроса об условно-досрочном освобождении, когда она не имеет возможности повлиять на вовлечение осужденного в исправительный процесс, а также воздействовать на него дисциплинарными методами и независимо от вовлеченности последнего в исправительный процесс обязана направить его ходатайство в суд. В контексте вышесказанного дискуссионными являются внесенные 17 ноября 2015 года изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части более мягким видом наказания», устанавливающие, что наличие у осужденного взысканий не является препят-

ствием для вынесения судом в отношении него положительного решения об УДО [2]. Не вдаваясь в полемику относительно подрыва авторитета администрации исправительного учреждения данными положениями, обратим внимание на следующее обстоятельство: наличие взысканий у осужденного свидетельствует также и о том, что процесс его психофизической коррекции не достиг завершения и нуждается в дальнейшем формировании. Кроме того, кажущаяся самостоятельность в определении момента подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении наряду с относительно небольшими сроками наказания, которые необходимо фактически отбыть осужденному для подачи ходатайства об УДО, вызывает у него мнимое чувство «легкости освобождения». Так, проведенный нами опрос среди осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях Московской и Смоленской областей свидетельствует о том, что 73 % респондентов рассчитывают на положительное решение вопроса при разрешении ходатайства об УДО даже при наличии у них незначительного количества совершенных нарушений режима отбывания наказания. Примерно такое же количество ответов отмечается и среди осужденных, отбывающих наказание в УИС Беларуси, – 76 % из них рассчитывают освободиться условно-досрочно. Однако в данной выборке ответов преобладающее место занимает мнение о том, что для УДО необходимо полное отсутствие взысканий либо как исключение – не более одного. По данным опроса, большая часть осужденных рассчитывают на УДО и готовы выстраивать для этого соответствующую линию поведения для того, чтобы избежать совершения нарушений режима содержания. Вместе с тем в проведенном Институтом проблем современного общества исследовании отмечается тот факт, что отказ в условно-досрочном освобождении для осужденного является тяжелым психологическим ударом и осужденные в своей массе, «цепляясь» за любую возможность снижения срока наказания, назначенного по приговору суда, пытаются обжаловать его решение в случае отказа в предоставлении УДО, создавая при этом высокую нагрузку на судебную систему [4, с. 6–7]. Согласно опросу, проведенному среди сотрудников ФСИН России, 97,9 % респондентов считают, что законодательное закрепление инициирования процесса УДО со стороны администрации исправительных учреждений позволит наиболее эффективно и качествен-

но проводить воспитательную работу среди осужденных. Это позволит мотивировать их на самостоятельную личностную психокоррекцию, обусловленную правом администрации исправительного учреждения определять готовность осужденного к освобождению.

Таким образом, условия инициации разрешения вопроса об условно-досрочном освобождении вместе с конкретизацией термина «исправление» осужденного будут способствовать повышению действенности института УДО по мотивации как правоупослушного поведения осужденного, так и стимула в его психофизической коррекции. Однако уголовное законодательство в действующей редакции не позволит этого сделать без соответствующих законодательных изменений.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на «расплывчатость» терминологии уголовного законодательства Российской Федерации относительно требований к осужденному, ходатайствующему об УДО, суды в целом довольно строго подходят к разрешению этих вопросов. Так, выборочное изучение решений судов по ходатайствам осужденных о досрочном освобождении показало, что, как правило, суды не принимают положительное решение об УДО, если ходатайство от осужденного поступило сразу при наступлении минимальных сроков наказания, предусмотренных в ч. 3 ст. 79 УК РФ. В решении данного вопроса суды занимают выжидательную позицию, обусловленную необходимостью подтверждения в течение более длительного срока сведений о положительных изменениях в личности осужденного. Более детальное изучение материалов правоприменительной практики по УДО показывает, что сроки реального освобождения, превышая минимально установленные в ч. 3 ст. 79 УК РФ, фактически составляют в общей массе проанализированных судебных решений не менее половины срока наказания, установленного за преступления небольшой или средней тяжести; не менее двух третей срока наказания, назначенного за тяжкое преступление; не менее трех четвертей за совершение особо тяжкого преступления. К некоторым категориям осужденных применение УДО на практике является скорее исключением, чем правилом, например к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а также к осужденным за преступления террористической

направленности. То есть позиция законодателя, закрепленная в виде малых сроков наказания, которые необходимо отбыть осужденному, не находит понимания среди правоприменителя, в частности у судов.

Изучение судебной практики условно-досрочного освобождения также показало, что при решении вопроса о досрочном освобождении заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности применения УДО для суда учитывалось, но не являлось преобладающим критерием. Не является для суда доминирующим и мнение потерпевшего. Конечно, оно порой учитывается, но все же суд принимает решение исходя из личности осужденного и динамики его правопослушного поведения. Суды, как правило, практически всегда учитывают мнение прокурора. Безусловно, в практике имеются и исключения, когда суд не соглашается с мнением прокурора, а поддерживает мнение администрации исправительного учреждения. Так, судом Октябрьского района г. Тамбова от 17 мая 2017 года принято решение об удовлетворении ходатайства об УДО в отношении осужденного Я. вопреки мнению прокурора, который возражал против удовлетворения его ходатайства. Свое несогласие с ходатайством прокурор мотивировал тем, что потерпевший Ф. возражал против освобождения по УДО осужденного Я. ввиду малой суммы, уплаченной им по иску. Представитель администрации ходатайство осужденного об УДО поддержал, пояснив, что последний характеризуется только с положительной стороны и, по мнению администрации исправительного учреждения, не нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Он просил учесть, что из заработной платы осужденного в установленном законом порядке происходят взыскания по исполнительному листу, однако заработная плата осужденных является невысокой и нерегулярной, а бригада, где осужденный работает, имеет сдельную оплату труда, соответственно, Я. получает ее только при наличии заказов. Суд, приняв во внимание мнение всех сторон и изучив характеристику осужденного, согласно которой он зарекомендовал себя с положительной стороны, сделал все зависящее от него для возмещения ущерба, принял решение удовлетворить ходатайство Я. [8]. Несмотря на это, исходя из рассмотренных судебных решений следует признать, что такие случаи несогласия суда с мнением прокурора имеют несистемный (исключительный) характер.

Таким образом, анализ условий инициирования осужденным процедуры УДО в отношении себя напрямую в суд свидетельствует о том, что количество положительных решений по делам об УДО в Российской Федерации составляет примерно 40 % [4, с. 5–6] от общего числа рассмотренных судами ходатайств. Помимо этого, нарушается принцип процессуальной экономии, когда много средств и времени в судах расходуется на разрешение заведомо «проигрышных» для осужденного дел. И самое главное – за администрацией исправительного учреждения в данном случае закрепляется функция всего лишь своеобразного «протоколита» поведения осужденного.

По законодательству Республики Беларусь право инициировать УДО в отношении осужденного закреплено за администрацией учреждения или органа, где отбывает наказание осужденный. Относительно права инициации процесса УДО следует отметить, что в соответствии с законодательством оно же подразумевает и обязанность это сделать. Данная обязанность вытекает из комплекса требований к осужденному, включающих в себя как отбытие минимально необходимых сроков наказания, достижение степени исправления «доказавший свое исправление», возмещение ущерба, причиненного преступлением. Причем независимо от поведения осужденного в процессе исполнения наказания, а также его отношения к проводимым мероприятиям воспитательного характера администрация места отбывания наказания обязана при фактическом отбытии осужденным срока наказания, после которого к нему может быть применено условно-досрочное освобождение, в месячный срок провести аттестацию данного лица на предмет соответствия критериям, предъявляемым к нему для освобождения по УДО. Порядок проведения аттестации в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации не предусмотрен. Эта процедура регулируется подзаконными актами МВД Республики Беларусь, причем каждый вид наказания предусматривается отдельным постановлением. Однако, в отличие от положений, регламентирующих исполнение наказания в виде лишения свободы, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь не закрепляет требований, предъявляемых к осужденным, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, при наступлении которых они могут быть признаны достигшими той или иной степени исправления. Данные требования содержатся в

постановлении МВД РБ от 15.01.2014 № 13 «Об утверждении Инструкции о порядке деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности». На основе проведенного анализа можно обозначить общие требования, которым должен соответствовать осужденный для признания его достигшим вышеуказанных степеней исправления: 1) добросовестное отношение к труду; 2) принятие всех зависящих от осужденного мер по возмещению ущерба, причиненного преступлением; 3) в отношении таких наказаний, как исправительные работы и ограничение свободы без направления в ИУОТ, предусмотрено также требование об отсутствии взысканий. При этом закрепление критериев соответствия степени исправления в подзаконных актах представляется не совсем верным. В данном случае мы считаем правильной точку зрения С. В. Казак, считающей, что эти нормы необходимо закрепить в Уголовно-исполнительном кодексе РБ, как и сроки, по достижении которых осужденный может быть признан «твердо вставшим на путь исправления», а в ряде случаев – «доказавшим свое исправление» [9, с. 107–110].

Как уже отмечалось, правом инициирования в соответствии со ст. 187 УИК РБ обладают органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, где отбывает наказание осужденный. При этом в ч. 3 ст. 187 кодекса предусмотрено, что в представлении к УДО должны содержаться данные, характеризующие личность осужденного, его поведение, отношение к труду и обучению во время отбывания наказания, отношение к совершенному деянию, свидетельствующие о признании вины в совершенном преступлении, излагаемые им гарантии правопослушного образа жизни после освобождения, а также другие заслуживающие внимания обстоятельства. Также ч. 9 ст. 187 УИК РБ закрепляет положение, обязывающее администрацию органа или учреждения, исполняющего наказание, рассмотреть вопрос о представлении осужденного к УДО в месячный срок по отбытии им срока наказания, предусмотренного ч. 3 ст. 90 УК РБ.

Безусловно, данные о динамике психофизической коррекции осужденного демонстрируют его готовность к правопослушному поведению. Вместе с тем, как представляется, в практику применения УДО необходимо включить и действия осужденного по реализации планов в период неотбытой части на-

казания. По нашему мнению, доводы, изложенные в качестве обязательств, позволят подтвердить серьезность намерений осужденного и в то же время будут являться для суда ориентиром в установлении обязательств для осужденного в период неотбытой части наказания.

Данные судебной практики подтверждают целесообразность нашего предложения об увеличении срока фактически отбытого наказания, после отбытия которого осужденный имеет право на применение в отношении него условно-досрочного освобождения. Вместе с тем исходя из практики применения УДО администрация исправительного учреждения имеет незначительное влияние на решения, принимаемые судом.

Изучение практики инициирования УДО в уголовных законодательствах стран союзного государства позволяет отметить, что право осужденного просить о смягчении наказания является обоснованным. Однако необходимо признать, что в процессе исполнения наказания лучше знает осужденного и способен проследить динамику его психофизической коррекции тот субъект, который напрямую с ним работает, проводит воспитательные мероприятия, а также контролирует его поведение. К этому субъекту, а в данном случае – органу, где отбывает наказание осужденный, по нашему мнению, и должен обращаться осужденный для смягчения наказания. В свою очередь, если использовать в качестве примера опыт применения условно-досрочного освобождения в Беларуси, то орган исполнения наказания и направляет в суд представление о применении в отношении осужденного УДО. Здесь следует сделать уточнение относительно того, что в суд направляются документы не на каждого осужденного, а только на того, кто признан администрацией исправительного учреждения достигшим определенной степени исправления, которая доказывает, что у него сформирована привычка достижения своих целей правомерными способами.

В дополнение к вышесказанному необходимо отметить, что в процедуре инициирования УДО в уголовных законодательствах как России, так и Беларуси отсутствует элемент, предусматривающий оценку намерений осужденного относительно своих планов после освобождения. Конечно, в процессе отбывания наказания осужденный излагает свои жизненные планы, которые он надеется осуществить после освобождения. В этом смысле преобладающее значение для суда имеют

гарантии того, что осужденный после освобождения будет трудоустроен. Вместе с тем суд при рассмотрении материалов об УДО должен акцентировать внимание на изложенных самим осужденным планах, касающихся его жизни после освобождения. Тем са-

мым суд может оценить серьезность намерений осужденного и поставить его в рамки, выход за которые повлечет за собой применение в отношении этого лица дисциплинарных санкций вплоть до отмены освобождения.

Литература

1. По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. А. Кизимова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26.11.2002 № 16-П // Рос. газ. 2002. № 231.

2. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части более мягким видом наказания: текст постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21.04.2009 № 8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/

3. Об утверждении инструкции о порядке деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности: текст постановления МВД Республики Беларусь от 15.01.2014 № 13. URL: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-МВД%20РБ/type-Постановление/13-15.01.2014.htm

4. Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении в российских судах // Аналитический отчет (версия для контролирующих органов) / под ред. О. М. Ключиной. СПб., 2016.

5. Ашин А. А., Симагина Н. А. Институт условно-досрочного освобождения: правовые и социально-психологические аспекты: моногр. Владимир, 2015.

6. Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск, 2004.

7. Пилипенко О. А. Условно-досрочное освобождение от наказания: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

8. Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова за 2017 год. Дело № 4/1-92/2017. URL: <http://consultant.ru>

9. Казак С. В. Основные направления совершенствования воспитательных мер воздействия, применяемых к осужденным к исправительным работам // Вестн. Акад. МВД Республики Беларусь. 2015. № 2 (30).

Bibliography

1. In the case of check of constitutionality of provisions of articles 77.1, 77.2, parts first and tenth article 175 of the Criminal Executive code of the Russian Federation and article 363 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A. A. Kizimova: the constitutional Court ruling of Russian Federation of 26.11.2002 № 16-P // Russian newspaper. 2002. № 231.

2. On judicial practice of parole from serving a sentence, the replacement of the unserved part of softer punishment: the text of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.04.2009 № 8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/

3. About approval of the instruction on the procedure of activity of territorial bodies of internal Affairs on execution of punishments and other measures of criminal liability: the text of the decree of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus dated 15.01.2014 № 13. URL: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-МВД%20РБ/type-Постановление/13-15.01.2014.htm

4. The practice of considering applications for early release in Russian courts // Analytical report (version control authorities) / ed.by O. M. Kiyuthina. St. Petersburg, 2016.

5. Ashin A. A., Simagina N. A. The institution of parole: legal and socio-psychological aspects: monograph. Vladimir, 2015.

6. Voronin O. V. Procedure for consideration and resolution of issues related to parole. Tomsk, 2004.

7. Piliipenko O. A. Conditionally-early release from punishment: problems of theory and practice: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.

8. Archive of the October district court of Tambov for the 2017 Case № 4/1-92/2017. URL: <http://consultant.ru>

9. Kazak S. V. The Main directions of improvement of educational measures applied to convicted to correctional labor // Bulletin of the Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus. 2015. № 2 (30).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ПРАВОПОРЯДОК

УДК 343.35 : 351.74
ББК 67.629

© 2017 г. А. А. Брюхнов,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: lexandr@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРУШЕНИЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ, ДОПУСКАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются современные причины и условия нарушений дисциплины сотрудниками органов внутренних дел. Исследуются факторы, влияющие на рост и характер совершаемых сотрудниками полиции правонарушений. Дается оценка их влияния на качество осуществления правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: органы внутренних дел, морально-психологический климат, детерминанты нарушений дисциплины и законности, профессиональная компетентность, система предупреждения правонарушений.

A. A. Bryukhnov – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

MODERN DETERMINANTS OF VIOLATION OF DISCIPLINE AND LAW COMMITTED BY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article considers modern causes and conditions of violations of discipline by employees of law enforcement agencies. Factors directly influencing the growth and nature of offenses committed by police officers are investigated. An assessment of their impact on the quality of law enforcement activities is given.

Key words: internal affairs bodies, moral and psychological climate, determinants of violations of discipline and legality, professional competence, system of preventing violations.

Сегодня приходится констатировать, что «в ходе реформирования системы МВД России результаты, ожидаемые обществом, достигнуты далеко не в полном объеме. Нарушения законности и дисциплины в органах внутренних дел продолжают иметь место. Качество правоохранительных услуг существенно не повысилось, уровень доверия граждан к полиции по-прежнему остается невысоким» [1, с. 27]. Поэтому для выявления современных детерминант правонарушений и преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, недостаточно фактического обнаружения и перечисления данных явлений, требуется доскональное исследование, объяснение, оценка, научно достоверная криминологическая диагностика и обоснование необходимости принятия мер по их нейтрализации и устранению. При этом важно учитывать, что причины нарушений дисциплины и законности устранять гораздо сложнее, чем влиять на условия, по-

скольку причины носят социально-психологический характер и связаны с целым рядом диспропорций и противоречий в сфере экономических, социальных, политических, нравственных и иных отношений, а условия находятся в организационно-управленческой плоскости и связаны в большей мере с внутренними, служебно-полицейскими проблемами, касающимися недостатков в организации кадровой и воспитательной работы, упущений в служебной деятельности и т. п.

Рассматривая различные материалы, отражающие состояние законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел, считаем возможным выделить несколько групп факторов, влияющих на рост и характер правонарушений, совершаемых сотрудниками, в числе которых социально-экономические, правовые, организационно-управленческие, социально-психологические, религиозные, криминогенные. Рассмотрим более подробно каждую из этих групп.

Органы внутренних дел в процессе своего становления и развития глубоко «вросли» в экономику, стали одним из крупных партнеров бизнеса, поставщиком разного рода услуг в вопросах безопасности, и можно констатировать, что в настоящее время должность сотрудника полиции, его профессиональные полномочия все чаще становятся источником материального обогащения. По сути, органы современной полиции оказались в ситуации острой конкуренции с негосударственными структурами. При этом неспособность государства обеспечить своим сотрудникам конкурентно высокий уровень денежного содержания, реализовать в полной мере предоставленные законодательством социальные гарантии и льготы приводит к оттоку кадров, формированию критических взглядов у сотрудников на перспективы дальнейшей службы в полиции. Именно поэтому многие из них стремятся найти какие-либо дополнительные источники самообеспечения, нарушая закон, начинают заниматься предпринимательской деятельностью, нередко обеспечивают негласную поддержку различных коммерческих структур.

Следует отметить, что пессимистические настроения у сотрудников органов внутренних дел, связанные с низким уровнем социальной защищенности, существенным образом отражаются и на степени эффективности выполняемых ими служебных задач и функций. Отсюда вполне закономерным следствием становится увеличение числа противоправных деяний и возрастание уровня коррумпированности, в основе которой лежит корыстная мотивация. «Основные детерминанты коррупции в органах внутренних дел порождены не только и не столько негативными процессами в самой системе МВД России (значительным ослаблением морально-психологической подготовки кадрового состава, неадекватным характеру несения службы материально-техническим, социальным обеспечением и денежным вознаграждением), сколько всеобщей деформацией социально значимых ценностных ориентиров, коммерциализацией всех жизненных сфер, сведением на нет правовой пропаганды и воспитания населения, полным развалом системы общественной профилактики преступности» [2, с. 10; 3, с. 17–18, 26; 4, с. 61–72].

Правовая детерминанта заключается в недостаточном правовом регулировании дея-

тельности органов внутренних дел, нестабильности и непоследовательности правовой политики государства, противоречивости правовых норм, несвоевременности принятия нормативных правовых актов, правовом нигилизме как сотрудников полиции, так и граждан. Одним из факторов, влекущих за собой нарушения законности, является некомпетентность сотрудников, обусловленная, с одной стороны, недобросовестным отношением к исполнению своих должностных обязанностей, а с другой – несовершенством законов и нормативных актов, регулирующих их деятельность.

Организационно-управленческие факторы, отражающие причинно-следственную связь между деятельностью личного состава и состоянием дисциплины, заключаются в отсутствии системы принципиального оперативного реагирования руководителей на нарушения дисциплины и законности со стороны некоторых сотрудников, недостаточном внимании к вопросам наставничества и профессионального обучения, попустительском отношении к выполнению контрольной и обучающей функций, низком уровне воспитательного воздействия на подчиненных, неадекватной системе оценки служебной деятельности и перекосах в дисциплинарной практике, недостаточной эффективности всей системы профессиональной служебной (специальной, тактической, огневой, профессионально-прикладной, физической и психологической) подготовки личного состава.

Многие руководители недооценивают возможности профилактической работы, считая, что в планах работы подразделения, касающейся этой проблемы, ситуация выглядит относительно благополучно. Однако в ходе практической реализации это зачастую принимает формы излишнего бумаготворчества в области планирования и отчетности, декларативности предусматриваемых мероприятий. В связи с отсутствием в планах указаний на механизмы, позволяющие эффективно решать профилактические задачи, формализмом, бюрократизмом и погоней за показателями данная работа с подчиненными не проводится.

Способность выполнять стоящие перед органами внутренних дел задачи, а также уровень и состояние законности в подразделениях зависят также от организации качественного профессионального отбора кандидатов

на службу, который, к сожалению, существенно осложнен не только неблагоприятной демографической ситуацией и ухудшением здоровья молодежи, но и падением престижа службы в полиции, недостаточным уровнем материального обеспечения, недостатками в реализации социальных и правовых гарантий. Свидетельством этого является факт принятия на службу лиц, не соответствующих в полной мере требованиям служебной деятельности, между тем их количество в различных подразделениях органов внутренних дел может составлять до 20 % от общего числа личного состава [5, с. 78–85].

Недостаточный уровень организации психологического сопровождения данных лиц, особенно в период адаптации к условиям службы и коллективу, недооценка, а иногда и их игнорирование некоторыми руководителями заключений специалистов психологических служб, принятие людей без углубленного психологического изучения или с большими сомнениями в их профессиональной пригодности приводят к постоянному росту фактов нарушений служебной дисциплины [6, с. 113]. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные случаи увольнения допустивших нарушения законности и дисциплины молодых сотрудников в течение первого года службы.

Определенные организационно-управленческие недостатки обнаруживаются и при формировании резерва руководящего состава кадров. Так, «имеют место случаи, когда резерв вообще не создавался, руководители своевременно не вносят и не изменяют состава резерва в связи с недобросовестным исполнением функциональных обязанностей своими подчиненными, и как результат – на вышестоящие должности назначаются сотрудники с низкими морально-деловыми качествами, из назначенных руководителей нередко многие не имеют управленческого опыта» [7, с. 258].

Рост фактов противоправного поведения со стороны сотрудников полиции объясняется отсутствием четко отлаженной системы предупреждения правонарушений, достаточно мягким, либеральным отношением ряда руководителей к их оценке. Все это порождает у подчиненных чувство вседозволенности и безнаказанности. Данное положение усугубляет и тот факт, что личное поведение и допускаемые проступки некоторых руководи-

телей далеко не всегда являются примером для подражания.

Существенное влияние на состояние служебной дисциплины и законности оказывают и социально-психологические детерминанты, к которым относятся низкий уровень сплоченности в коллективах и соответствующий морально-психологический климат, завышенная оценка личного профессионального опыта и роли собственных действий в решении общих профессиональных задач, стремление избежать ответственности, формальное отношение к интересам коллектива, социальный пессимизм и правовой нигилизм у многих сотрудников, инициативный либо ответный негативизм и агрессивность по отношению к окружающим, пренебрежение культурой профессиональной безопасности. Существенно снижает эффективность совместной работы, провоцирует конфликтные ситуации, приводит к неоправданной текучести кадров неблагоприятный морально-психологический климат в коллективе. Это связано с отсутствием должного взаимопонимания и поддержки, а также с тем, что сотрудники в свободное от службы время не желают общаться с коллегами, испытывают безразличие по отношению к конечным результатам деятельности коллектива.

Также следует подчеркнуть, что у определенной группы сотрудников современной полиции ярко проявляются черты профессиональной деформации, что приводит к шаблонности мышления, постепенной утрате его критичности, отмечаются разбалансированность и огрубление эмоционально-волевой сферы, наличие длительных депрессивных расстройств, рост внутренней и внешней конфликтности, агрессивности, ослабления волевых качеств, потеря способности к самоконтролю и саморегуляции. Негативной составляющей этого процесса является феномен «обвинительного уклона», в соответствии с которым абсолютное большинство сотрудников рассматривают любого задержанного как уже закоренелого преступника.

Решение служебных задач зачастую осложняется «низким уровнем профессионализма сотрудников, именно поэтому руководители органов внутренних дел нередко перекладывают решение сложных практических задач на более подготовленных сотрудников, что, соответственно, увеличивает их

нагрузку» [7, с. 259]. В этой связи возникает еще одна трудноразрешимая проблема, касающаяся повышения квалификации и переподготовки личного состава. Нежелание руководителей направлять на обучение опытных сотрудников также может обернуться снижением качества работы по раскрытию и расследованию сложных преступлений и кадровым застоєм.

Все большее влияние на каждодневную деятельность сотрудников полиции оказывают религиозный и национальный факторы. В настоящее время отчетливо прослеживается стремление отдельных отечественных и зарубежных общественных движений и организаций, экстремистских структур к консолидации с различными неправительственными фондами, зарекомендовавшими себя как приверженцы антироссийской политики, а также с международными террористическими и экстремистскими организациями, через которые происходит финансирование деятельности этих структур. Подобная деятельность «вполне реально направлена на разрушение сложившихся социальных структур; десоциализацию, маргинализацию; ослабление государственной власти и дискредитацию ее институтов; отчуждение населения от политических и правоохранительных структур; падение исполнительской дисциплины; рост пьянства, наркомании, распад прежней системы ценностей; идейно-ценностную дезориентацию» [9, с. 49]. Следует отметить, «что для российских правоохранительных органов вопросы противодействия различным видам проявления экстремизма стали актуальными сравнительно недавно, в то время как в зарубежных странах они реализуются уже много лет и основаны на достаточно устоявшихся традициях и определенных подходах» [8, с. 103].

Помимо основных факторов, способствующих совершению сотрудниками полиции различных правонарушений, существуют и вполне криминогенные причины и условия. Как и ранее, хотя в значительно меньшем объеме, в некоторых структурных подразделениях имеют место факты протекционизма, «кумовства», укрывательства, «круговой поруки» и иных негативных форм взаимоотношений сотрудников с соответствующими руководителями. В некоторых подразделениях продолжают работать сотрудники, у которых сложились достаточно близкие, практически родственные отношения с руководителями,

что ведет к формированию ложной солидарности, подбору подчиненных по национальному признаку и т. п.

Сегодня «не изжили себя факты, связанные с аморальным и неправомерным поведением начальников и командиров в быту и на службе, их постоянным стремлением поддерживать дисциплину лишь силой и запретами. Все еще имеют место случаи употребления алкоголя и наркотиков в служебных помещениях и во время несения службы, а также наличие состояния безразличия к нуждам и запросам подчиненных» [7, с. 260]. Помимо этого, некоторых руководителей характеризует бесконтрольность, безнаказанность и укрывательство проступков и преступлений, совершенных подчиненными, а также наличие определенных пробелов в организации режима службы и отдыха несущих службу сотрудников. Имеют место факты бездушно-го отношения некоторых руководителей и начальников не только к нуждам подчиненных, но и к семьям погибших (умерших) сотрудников. Несвоевременная и неполная реализация прав семей погибших (умерших) сотрудников вызывает справедливые нарекания и критику со стороны государственных органов и средств массовой информации, что снижает авторитет органов внутренних дел в глазах современного российского общества, формирует негативное отношение к руководству ведомства. В частности, допускаются случаи, когда при отсутствии объективных оснований при решении вопроса о назначении пенсии по случаю потери кормильца допускаются задержки в принятии соответствующих решений, равно как и выплаты назначенных единовременных пособий. Все это стало возможным в результате проявления невнимательности к подчиненным, членам их семей и близким, поверхностного представления о требованиях нормативных правовых актов, отсутствия должного контроля со стороны соответствующих руководителей.

Как представляется, выявление и устранение указанных выше факторов, организация системной и планомерной работы по реализации мероприятий кадрового и воспитательного воздействия на подчиненных могут оказать существенное влияние на современные детерминанты нарушений дисциплины и законности, допускаемых сотрудниками полиции, повысить престиж и авторитет органов внутренних дел в целом.

1. Параносенков П. М. Реализация правовых инициатив, направленных на совершенствование кадрового обеспечения в условиях реформирования правоохранительной системы // Административное право и процесс. 2016. № 10.

2. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001.

3. Осипов Г. В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997.

4. Осипов Г. В., Левашов В. К., Локосов Н. В. Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз. М., 1994.

5. Еременко Т. Е. Исследование взаимосвязи психологических факторов и успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций системы МВД России // Инновации в образовании. 2015. № 12.

6. Еременко Т. Е. Исследование психологических детерминант успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций системы МВД России // IV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2016.

7. Алтухов С. А., Брюхнов А. А., Вакуленко Н. А. и др. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2014.

8. Брюхнов А. А., Вакуленко Н. А., Щербаченко А. К. Положительные аспекты зарубежного опыта противодействия экстремизму // Юрист-Правоведь. 2016. № 1.

9. Брюхнов А. А. Анализ сущности идеологии фашизма, национализма и иных форм проявления экстремизма на территории современной Украины // Юрист Юга России и Закавказья. 2015. № 4.

1. Paranosencov P. M. The Implementation of legal initiatives aimed at improving the staffing in terms of reforming the law enforcement system // Administrative law and process. 2016. № 10.

2. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Sukharev A. Ya. Crime prevention: theory, experience, problems. Moscow, 2001.

3. Osipov G. V. Russia: the national idea. Social interests and priorities. Moscow, 1997.

4. Osipov G. V., Levashov V. K., Lokosov N. V. Social and socio-political situation in Russia: analysis and forecast. Moscow, 1994.

5. Eremenko T. E. The Study of the psychological factors in the success of the service activities of students of educational institutions of the MIA of Russia // Innovations in education. 2015. № 12.

6. Eremenko T. E. The Study of psychological determinants of the success of the service activities of students of educational institutions of the MIA of Russia // The IV Baltic legal forum on «Law and Order in the third Millennium Kaliningrad»: materials of the International scientific-practical conference. Kaliningrad, 2016.

7. Altukhov S. A., Brukhnov A. A., Vakulenko N. A. and other. Prevention of corruption in Interior and the formation of anti-corruption behavior of employees and workers of the internal Affairs agencies: textbook. Moscow, 2014.

8. Brukhnov A. A., Vakulenko N. A., Shcherbachenko A. K. The Positive aspects of foreign experience of counteraction to extremism // Yurist-Pravoved. 2016. № 1.

9. Brukhnov A. A. The analysis of the essence of the ideology of fascism, nationalism and other forms of extremism on the territory of modern Ukraine // Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia. 2015. № 4.

© 2017 г. А. Г. Репьев,

доцент кафедры административного права и административной деятельности Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: repev-artem@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ)

В статье рассматривается вопрос об установлении льгот, привилегий, особых правовых процедур для участковых уполномоченных полиции. Выдвигается тезис о том, что данные правовые преимущества являются обязательным дополнением специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел, призваны сделать его более целостным.

Ключевые слова: правовое преимущество, правовой статус, иммунитет, привилегия, льгота, заслуга.

A. G. Repyev – Associate Professor, Department of Administrative Law and Administrative Activities, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

LEGAL BENEFITS AS A NECESSARY ELEMENT OF STRENGTHENING THE LEGAL STATUS OF A POLICE OFFICER (ON EXAMPLE OF DISTRICT POLICE OFFICERS)

The article considers the issue of establishing privileges, privileges, special legal procedures for district police commissioners. The thesis is advanced that these legal advantages are a compulsory addition to the special legal status of the employee of the internal affairs bodies, designed to make it more complete.

Key words: legal advantage, legal status, immunity, privilege, privilege, merit.

Исходя из концепции общественной безопасности Российской Федерации [1] реформа органов власти и управления, укрепление и оптимизация правоохранительной системы являются важнейшим условием упрочения государственности, ускорения социально-экономического развития страны. В качестве одной из целей реализации намеченного курса определена существенная переработка нормативной базы, затрагивающей вопросы правового обеспечения структур и ведомств, занимающихся охраной правопорядка и законности.

При реализации политики преобразований государством непременно осуществляется процесс правового упорядочивания общественных отношений. Главное место в системе правового регулирования и возникающих на его основе ценностей занимает правовой статус, традиционными элементами которого выступают права, обязанности, ограничения, запреты и ответственность. Полагаем, что продолжить этот перечень должны правовые преимущества.

Правовое преимущество – это юридическое средство, заключающееся в правомерной возможности субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающееся как в предоставлении особых

дополнительных прав, так и в неподверженности определенным нормам, обязанностям, запретам и ограничениям.

Развитую и сильную государственность всегда отличает готовность закреплять и реализовывать правовые преимущества (иммунитеты, привилегии, льготы) тех, кто стоит на страже ее целостности, что имеет под собой глубокие исторические корни.

Процесс укрепления правового положения государственных служилых людей, представителей князя на местах, защищавших права и интересы членов общества, связан с периодом образования единого централизованного Русского государства. Стремление к приданию этой деятельности характера независимости, беспристрастности, потребность в гарантиях личной неприкосновенности обусловили необходимость наделения их правовыми преимуществами в форме иммунитетов и привилегий. К примеру, великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич одним из первых позаботился о тех, кто был им уполномочен на осуществление административных и полицейских функций. Речь идет о наместниках, волостелях, в чью пользу отходила значительная часть от судебных пошлин и уголовных штрафов, которые

они назначали в качестве наказания за преступления [2, с. 98–99]. Сословное деление сопровождалось также особым положением при княжеском дворе. Визуализировались преимущества не только «деньгами, поместьями, кубками», но и ношением именного «оружия, шуб, парчевых и атласных кафтанов» [3, с. 4–5].

Судебник 1550 года закрепил меры, направленные на утверждение неприкосновенности служилых сословий, установил повышенную ответственность за посягательство на их достоинство и честь: «опричь тиунов и доivotчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику безчестья против доходу, а женам их вдвое» [4, с. 238]. Следующий кодифицированный акт – Судебник 1589 года – расширил преимущества в виде повышенной правовой защиты и неприкосновенности военных и полицейских ведомств (стрельцов, вольных казаков), а также чиновников волостного управления, выполнявших отдельные функции по охране правопорядка (целовальников, сотских, десятских, земских дьяков, церковных старост) [4, с. 420–422]. Некоторые из представленных выше чинов, в частности городские и сельские старосты, позднее станут главным органом уездного управления. В их компетенцию будет входить ведение уголовных дел, надзор за общественной безопасностью и другие полицейские обязанности, что совершенно справедливо позволяет отнести их к образу современных участковых уполномоченных полиции [5, с. 203].

Статус этих должностных лиц государства, как и сегодня, предусматривал обеспечение их компетентности, независимости и беспристрастности. Для реализации указанных постулатов особое значение приобретают соответствующие институты, к которым мы относим и правовые преимущества. Следовательно, укрепление правового статуса сотрудников правоохранительных органов, закрепление и реализация правовых преимуществ – явление естественное, вызванное жизненными потребностями. При этом законодатель, разрабатывая правовую составляющую данной сферы, не только устанавливает средства сдерживания властных полномочий (ограничения, запреты, обязанности), но и правовые преимущества – льготы, привилегии, иммунитеты. Их роль в реализации правового статуса сегодня весьма

многопланова. Так, к основным правовым преимуществам современного сотрудника полиции, носящим по своей природе гарантирующий, стимулирующий и социальный характер, относятся:

1. Административно-правовые иммунитеты. Установлено, что «за административные правонарушения», за исключением предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, «сотрудники органов внутренних дел несут дисциплинарную ответственность» [6]. Применять административный арест к имеющим специальные звания сотрудникам органов внутренних дел запрещено (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ).

2. Привилегии. Например, «сотрудники, которым присвоено специальное звание полковника полиции и выше, а также имеющие ученую степень или ученое звание, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером 15 квадратных метров» [7].

3. Льготы. Так, «сотрудникам, использующим личный транспорт в служебных целях, выплачивается денежная компенсация» [8, ст. 3].

4. Особые административные процедуры, представляющие собой нормативно установленный, правовой порядок последовательно совершаемых действий субъектов государственной и общественной деятельности посредством реализации норм-правил, норм-преимуществ и норм-сдерживания. Например, детям сотрудников полиции «места в общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства и в летних оздоровительных лагерях независимо от формы собственности предоставляются в первоочередном порядке» [9, ч. 6 ст. 46].

Особые административные процедуры, основанные на нормах-преимуществах, выступают важной формой «сглаживания» объективного неравенства возможностей граждан, несут серьезный потенциал укрепления справедливости, имеют под собой глубокое моральное начало. Всем хорошо известен институт ротации кадров в органах внутренних дел. Близкие лица сотрудников правоохранительных органов, следующие за ними, в частности на новое место службы, должны быть соответствующим образом поддержаны государством, в том числе в основополагаю-

Правоохранительные органы и правопорядок

щих правах на образование, воспитание, отдых и т. п.

Вместе с тем огорчает относительно слабое использование законодательством потенциала правовых преимуществ как инструмента укрепления правового статуса сотрудников правоохранительных органов. Самым ярким примером выдвинутого тезиса служит проведенная в 2005 году Правительством Российской Федерации монетизация льгот. Что собой представлял данный управленческий шаг? На первый взгляд, ничего особенного – имевшиеся у государственных служащих, социально незащищенных слоев населения льготы были заменены денежными выплатами. Но с точки зрения сущностного содержания правового института преимуществ произошла подмена таких его составляющих, как поддержка и поощрение, обычным (к тому же весьма незначительным) увеличением размера денежного довольствия. Элемент поддержки в содержании правовых преимуществ в целом и в такой его разновидности, как льгота, означает помощь в реализации прав и законных интересов наименее защищенным группам граждан. Она в первую очередь заключается в упрощении процедуры получения социального, медицинского и транспортного обеспечения, облегченном доступе к услугам жилищно-коммунального хозяйства. Полагаем, что такая поддержка и в финансовом, и в нравственном аспектах не соразмерна произошедшей ее замене на натуральные выплаты (отмена бесплатного проезда на основных видах городского и пригородного транспорта, получения большинства лекарственных препаратов, санаторно-курортного лечения, скидок на оплату жилищно-коммунальных услуг и других).

Что касается поощрения, то оно, выступая самостоятельной юридической категорией, соприкасается с процессом стимулирования и отчасти ввиду этого также находит свое отражение в правовых преимуществах. Если поощрение рассматривать в качестве меры за одобряемый государством и обществом по-

лезный вариант поведения субъекта, заключающийся в добросовестном выполнении им своих юридических и общественных обязанностей, то правовые преимущества становятся результатом этих мер. Однако при проведении вышеупомянутой монетизации льгот государство, очевидно, это обстоятельство не учло. По всей видимости, оно не принимается во внимание и сегодня. Например, в системе органов внутренних дел таким подразделением, выполняющим наиболее широкий перечень служебных обязанностей, являются участковые уполномоченные полиции. Социальная важность и значимость работы данных сотрудников не подлежит обсуждению. Тем не менее непродуманная система мер поощрения и стимулирования, практически полностью отсутствующие правовые преимущества предопределили довольно затяжное кризисное состояние этой службы.

В отдельных субъектах Российской Федерации в подразделениях участковых уполномоченных полиции сложилась критическая ситуация, связанная нехваткой квалифицированных кадров. Дефицит кандидатов на должности участковых уполномоченных полиции на сегодняшний день в среднем по стране превышает 5 %*, что, естественно, приводит к увеличению нагрузочных показателей на действующих сотрудников. В ряде субъектов РФ ситуация выглядит еще более сложной. В частности, в ГУ МВД России по Новосибирской области и УМВД России по Рязанской области некомплект в подразделениях участковых уполномоченных полиции составляет 12,9 и 14,0 % соответственно. Кроме того, возникают проблемы с их материально-техническим обеспечением, в первую очередь средствами автотранспорта. Собранные нами эмпирические данные позволили установить, что средняя по стране обеспеченность служебным автотранспортом «сельских» участковых уполномоченных полиции составляет 72,5 %. Это обстоятельство исходя из специфики несения службы в сельской местности (неразвитая

---

* Данные получены при изучении показателей укомплектованности штатной численности подразделений участковых уполномоченных полиции девятнадцати субъектов Российской Федерации: республик Дагестан и Татарстан; Алтайского, Краснодарского, Приморского, Ставропольского и Хабаровского краев; Астраханской, Белгородской, Вологодской, Калининградской, Кемеровской, Курганской, Мурманской, Новосибирской, Пензенской, Рязанской, Свердловской и Тамбовской областей.

транспортная инфраструктура, плохое состояние дорог, труднодоступность ряда объектов, представляющих профилактический интерес), безусловно, негативным образом отражается на оперативности их передвижения по территории административного участка.

Очевидно, что нагрузочные показатели, приходящиеся на указанное подразделение, в частности касающиеся выявления, предупреждения преступлений и административных правонарушений, проведения общей и индивидуально-профилактической работы с лицами, состоящими на учетах в органах внутренних дел, превышают все имеющиеся нормативы труда и отдыха. Проведенное нами исследование показывает, что среднее время, которое должен затрачивать в течение дня участковый уполномоченный полиции в городах для выполнения возложенных на него служебных обязанностей, составляет от 21 часа 42 минут до 24 часов 48 минут, в сельской местности – от 18 часов 30 минут до 21 часа 00 минут. Не прибегая к введению мер стимулирования через правовые преимущества, решить проблему укомплектования подразделений в ближайшее время будет весьма затруднительно.

В связи с этим считаем необходимым предусмотреть ряд правовых преимуществ для сотрудников, проходящих службу в подразделениях участковых уполномоченных полиции, что послужит дополнительной мерой не только по укомплектованию штатной численности, но и укреплению кадрового ядра, снижению текучести кадров, привлечению к службе наиболее опытных и востребованных в профессиональном отношении сотрудников:

– льготное исчисление выслуги лет при назначении пенсий сотрудникам органов внутренних дел, увольняемым с должностей участковых уполномоченных полиции, из расчета один месяц службы за один и одну треть месяца. Для этого в пп. «д» п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941 [10] следует включить абзац 6 следующего содержания:

«...в подразделениях участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на районном уровне»;

– льготные условия оплаты за содержание детей участковых уполномоченных полиции

в детских дошкольных учреждениях». Для этого представляется целесообразным использовать такую форму льгот, как пособие, включив в ст. 46 Федерального закона «О полиции» норму следующего содержания:

«4.1. Сотрудникам подразделений участковых уполномоченных полиции органов внутренних дел на содержание детей (детей, находящихся на иждивении), посещающих государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения, выплачивается пособие в размере платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за содержание детей в вышеуказанных учреждениях». Эта мера будет способствовать упрочению демографического потенциала государства, укреплению семьи и материнства как социальных институтов;

– преференция в виде бесплатного проезда к месту отдыха и обратно для сотрудников, проходящих службу в подразделениях участковых уполномоченных полиции, по всей территории Российской Федерации, а не в отдельных местностях [8];

– привилегии для участковых уполномоченных полиции, обслуживающих сельские населенные пункты, которые позволят компенсировать вышеприведенные данные, характеризующие недостаточное материально-техническое обеспечение автотранспортом, неразвитость транспортной инфраструктуры в сельской местности и другие. Для этого в ч. 4 ст. 46 Федерального закона «О полиции» следует включить абзац 2 следующего содержания:

«Участковые уполномоченные полиции при исполнении служебных обязанностей в сельской местности пользуются правом безвозмездного проезда на попутном транспорте при предъявлении служебного удостоверения». Подобное преимущество несет в себе не только стимулирующий характер выполнения возложенных обязанностей, но и гарантирующую роль в свете борьбы с коррупцией и злоупотреблениями служебными полномочиями. Отсюда считаем возможным выдвинуть важный тезис – грамотное закрепление и эффективная реализация правовых преимуществ являются важнейшей составляющей социально-юридических гарантий реализации принципа законности.

Безусловно, в современных экономических условиях выполнение данных мероприятий

видится сложным. Тем не менее выделенные аспекты при их правильной реализации, непременно, должны способствовать повышению эффективности повседневной деятельности участковых уполномоченных полиции, оптимизации рационального использования личного состава по отдельным направлениям оперативно-служебной деятельности, повышению доверия граждан к работе современных «околоточных надзирателей». В конечном счете в этом заложен потенциал правовых преимуществ, введение которых для участковых уполномоченных полиции позволит устранить их фактическое неравенство с иными должностными категориями сотрудников в трудоемкости и значимости государственных задач по охране общественного порядка, установить режим благоприятствования условий повседневной работы и окажет необходимое стимулирующее воздействие на достижение значимых результатов в оперативно-служебной деятельности.

Полагаем, что федеральная власть при лишении сотрудников правоохранительных органов имевшихся ранее льгот большие надежды возлагала на субъекты Российской Федерации [11]. Однако сколько мер поддержки регионального характера установлено в реальности? Поиски нормативных правовых актов по данной тематике, а также опрос действующих сотрудников и ветеранов органов внутренних дел, проведенный в Алтайском крае, Пензенской и Саратовской областях, показали декларативность данного положения.

Литература

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 14.11.2013 № Пр-2685. Документ опубликован не был. URL: <http://consultant.ru>

2. Жалованная льготная и несудимая грамота Великого князя Василия Дмитриевича Архимандриту Спассо-Благовещенского монастыря Малахии на Лысковские и Курмышские пустоши в Нижегородском уезде 20.02.1423 (извлечение) // Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3

3. Российские Императорские и царские ордена. Краткий исторический очерк, выдержки из орденских статуты и правила но-

Правовые преимущества не могут быть исключением из общего правила, нетипичным приемом технико-юридического закрепления правовой нормы, не распространяющимся на всю систему регулируемых отношений. Они должны выступать обязательным дополнением специального правового статуса лица, налагая определенные обязанности, ограничения и запреты на действия других должностных лиц. При соблюдении этих условий правовые преимущества станут действенным средством правового регулирования и перестанут рассматриваться как атрибут социальной элиты и что-то «полузаконное». В противном случае это снизит эффективность их применения, создаст дополнительные сложности для реализации, вызовет негативный общественный резонанс.

Таким образом, справедливость – это не только основной элемент в сфере реализации и закрепления правовых преимуществ, но и мера их обоснованности, степень признания внутри социальных отношений. И мы настаиваем на том, что справедливой правовой политикой будет отнюдь не та, которая построена на всеобщем уравнивании, а, напротив, грамотное, взвешенное и научно выверенное предоставление привилегий, иммунитетов, льгот для определенных категорий граждан (в данном случае – сотрудников полиции) и есть залог социального одобрения и принятия обществом такого политического курса.

Bibliography

1. The concept of public safety in the Russian Federation (утв. The Russian President 14.11.2013 № Pr-2685. Document hasn't been published. URL: <http://consultant.ru>

2. The appointed preferential and not judged diploma the Grand duke Vasily Dmitriyevich Arkhimandrita of Spasso-Annunciation Monastery of Malachi on Lyskovsky and Kurмышsky heathlands in the Nizhny Novgorod County 20.02.1423 (extraction) // Monuments of the Russian right / ed. by L. V. Cherepnin. Moscow, 1955. Issue 3.

3. Russian Imperial and imperial awards. Short historical sketch, excerpts from medal statutes and rule of carrying awards / compilers V. Kvadri, K. Konarzhovsky. St. Petersburg, 1901.

шения орденов / сост. В. Квадри, К. Конаржевский. СПб., 1901.

4. Памятники русского права / под ред. Л. В. Четвернина. М., 1956. Вып. 4.

5. Репьев А. Г. Деятельность службы участковых уполномоченных полиции в период реформирования системы МВД России: историко-правовой и прикладной аспекты // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2013. № 3.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 17.04.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2017. № 17. Ст. 2460.

7. О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 24.04.2013 № 369 (в ред. от 28.03.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 18. Ст. 2269; 2017. № 14. Ст. 2076.

8. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 19.07.2011 № 247-ФЗ (в ред. от 05.12.2016, с изм. от 19.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4595; 2016. № 50. Ст. 6977.

9. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4238.

10. О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 22.09.1993 № 941 (в ред. от 29.12.2016) //

4. Monuments of the Russian right / ed. by L. V. Chetvernin. Moscow, 1956. Issue 4.

5. Repyev A. G. Activity of service of district police officers during reforming of system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: historical and legal and applied aspects // Bulletin of the Voronezh institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3.

6. The Russian Federation Code of Administrative Offences from 30.12.2001 № 195-FL (in an edition from 17.04.2017) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). Art. 1; 2017. № 17. Art. 2460.

7. About providing lump social sum for acquisition or construction of premises to the staff of institutions and bodies of a penal correction system, federal fire service of the Public fire service and customs authorities of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation from 24.04.2013 № 369 (in an edition from 28.03.2017) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2013. № 18. Art. 2269; 2017. № 14. Art. 2076.

8. About social guarantees to the staff of law-enforcement bodies of the Russian Federation and introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 19.07.2011 № 247-FL (in an edition from 05.12.2016, with amendment from 19.12.2016) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 30 (part 1). Art. 4595; 2016. № 50. Art. 6977.

9. About police: the federal law from 07.02.2011 № 3-FL (in an edition from 03.07.2016, with amendment from 19.12.2016) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900; 2016. № 27 (part 2). Art. 4238.

10. About an order of calculation of a length of service, appointment and payment of pensions, compensations and grants to the persons passing military service as officers, ensigns, warrant officers and the military personnel of extra urgent service or under the contract as soldiers, sailors, sergeants and foremen or service in law-enforcement bodies, a federal fire service of the Public fire service, institutions and bodies of a penal correction system and to their families in the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation from 22.09.1993 № 941 (in an edition from 29.12.2016) // Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. № 40. Art. 3753.

11. About provision of pensions of the persons passing military service, service in law-enforcement bodies, the Public fire service, trafficking in narcot-

Правоохранительные органы и правопорядок

Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 40. Ст. 3753.

11. О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей: Закон Рос. Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 (в ред. от 03.04.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 15 (ч. 1). Ст. 2138.

ics monitoring bodies and psychotropic substances, institutions and bodies of a penal correction system, Federal service of troops of national guard of the Russian Federation, and their families: act of the Russian Federation from 12.02.1993 № 4468-1 (in an edition from 03.04.2017) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017. № 15 (part 1). Art. 2138.